

«Говоря о славной Советской Армии, нельзя не сказать доброго слова о наших фронтовиках, о тех солдатах и командирах, которые в годы Великой Отечественной войны отстояли свободу нашей Родины. После колоссального напряжения военных лет им и отдохнуть не пришлось: фронтовики снова оказались на фронте — на фронте труда. Многих из фронтовых товарищей уже нет с нами. Но миллионы еще в строю. Одни продолжают службу в армии, другие отдают Родине свои знания и труд на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных институтах и школах. Пожелаем всем им хорошего здоровья, счастья, новых успехов в труде во имя коммунизма».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

1 МАЯ 1971 ГОДА.

«Сегодняшний Первомай по праву можно назвать ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКИХ ТРУДОВЫХ ПОБЕД».

Из речи товарища Л. И. Брежнева 1 мая 1971 года в Москве на Красной площади, на митинге, посвященном Дню международной солидарности трудящихся.

ЛЕНИНГРАД

КИЕВ

1 мая. Москва, Красная площадь, главная площадь столицы. Она в праздничном, весеннем, первомайском убранстве. Тысячи рабочих, ученых, студентов, строителей, тысячи победителей социалистического соревнования, посвященного XXIV съезду КПСС, пришли сюда для участия в торжественном первомайском митинге.

На трибунах — почетные гости: Герои Труда, передовики столичных предприятий, колхозов и совхозов Подмосковья, видные деятели науки и культуры, прославленные советские космонавты. Здесь же — главы дипломатических представительств, аккредитованные в Москве, многочисленные зарубежные гости.

Стрелки часов на Спасской башне приближаются к десяти. На центральную трибуну Мавзолея поднимаются руководители партии и Советского правительства: товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев. Вместе с ними — видные советские военачальники. Москвичи и гости столицы приветствуют их горячими аплодисментами, громовое «Ура!» прокатывается по площади, раздаются здравицы: «Слава КПСС!», «Великому Ленину — слава!»

Десять часов утра. Начинается митинг.

С речью к собравшимся обращается встреченный бурными аплодисментами Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета и правительства Союза ССР Леонид Ильич Брежнев сердечно поздравил участников митинга, всех советских людей с праздником Первого мая — Днем международной солидарности трудящихся, праздником весны, труда и мира.

С огромным вниманием речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева слушали миллионы советских людей, трудящиеся многих стран мира.

Митинг окончен. Его участники с песней «Широка страна моя родная» проходят мимо Мавзолея.

После красочного, яркого выступления спортсменов на Красную площадь могучим потоком выливаются колонны трудящихся города-героя Москвы.

ДУШАНБЕ

ТБИЛИСИ

БАКУ

Снимки фотохроники ТАСС.

ХАБАРОВСК

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 19 (2288)

8 МАЯ 1971

Председатель СЕПГ товарищ В. Ульбрихт.

Первый секретарь ЦК СЕПГ товарищ Э. Хонеккер.

3 мая в Берлине состоялся пленум ЦК Социалистической единой партии Германии. Товарищ Вальтер Ульбрихт выступил на пленуме с заявлением, в котором просил ЦК освободить его от обязанностей Первого секретаря ЦК СЕПГ по возрасту.

Центральный Комитет единогласно одобрил заявление В. Ульбрихта и решил по предложению Политбюро удовлетворить его просьбу. В знак признания заслуг товарищ Вальтер Ульбрихт был избран Председателем СЕПГ и будет продолжать свою работу в качестве Председателя Государственного совета ГДР.

Центральный Комитет единогласно избрал товарища Эриха Хонеккера Первым секретарем ЦК СЕПГ.

Эрих Хонеккер родился 25 августа 1912 года в Нойнкирхене (Саар) в семье шахтера.

В 1926 году вступил в Коммунистический союз молодежи Германии, а в декабре 1929 года — в КПГ.

С 1931 года — секретарь Саарского окружного комитета Коммунистического союза молодежи Германии. В 1934 году избран членом Центрального Комитета этого союза.

Участвовал в борьбе против гитлеровского режима, находился на подпольной работе. В декабре 1935 года был арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения.

После освобождения немецкого народа Советской Армией Э. Хонеккер сразу включился в активную работу: был секретарем по вопросам молодежи при Центральном Комитете КПГ, а затем руководителем Центральной молодежной комиссии.

Являлся одним из основателей Союза свободной немецкой молодежи, в 1946—1955 годах был его председателем.

Являясь с 1946 года членом Центрального Комитета КПГ, Э. Хонеккер принимал участие в объединении обеих рабочих партий. Объединительный партийный съезд избрал его членом партийного правления СЕПГ. На всех последующих партийных съездах избирался членом Центрального Комитета. С 1950 года входит в состав Политбюро. После завершения учебы в Советском Союзе в 1955—1956 годах Э. Хонеккер продолжал свою деятельность в руководстве СЕПГ. С 1958 года — секретарь Центрального Комитета.

В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева товарищу Эриху Хонеккеру говорится:

«Советские коммунисты расценивают решение пленума ЦК СЕПГ об избрании Вас, товарищ Хонеккер, Первым секретарем ЦК СЕПГ, а товарища Вальтера Ульбрихта Председателем партии как воплощение в жизнь важного ленинского принципа о преемственности и коллективности партийного руководства, как залог твердой решимости коммунистов, всех трудящихся ГДР следовать принципиальным курсом на создание развитой общественной системы социализма в ГДР, на всемерное укрепление республики как неотъемлемого звена братского содружества социалистических государств, на обеспечение прочного мира и укрепление европейской безопасности».

26-я ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Александр КРИВОПАЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

С пригорка видно, как убегает вдаль лента автострады и плавно катятся до самого горизонта зеленые волны холмов. Воздух напоен ароматом прогретой земли, запахом фиалок и трав. Тихо-тихо, лишь жаворонки, перебивая друг друга, восторженно славят весну, солнце, жизнь. Удивительно красивый и мирный пейзаж. Кажется, в этом крае должны жить только поэты. Кажется, здесь всегда должна быть тишина. Но этот край помнит май 1945-го. Потому и поставили здесь люди монумент из светло-серого гранита. На несколько метров взметнулись на вершине холма две стрелы, символизирующие языки пламени. Это памятник в честь окончания второй мировой войны, которая была завершена в районе Пржибрам, а точнее, в окрестностях деревень Сливице и Милин, лишь на рассвете 12 мая 1945 года.

Впрочем, все по порядку. Уже пошел второй день долгожданного мира. На улицах Праги мыли своих бронированных коней советские танкисты, совершившие гигантский прыжок на помощь восставшей против гитлеровцев столице Чехословакии.

А в это время под Пржибрамом, всего в 90 километрах от Праги, шел бой — последняя военная операция Советской Армии на территории Чехословакии. 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта К. В. Свиридова громил части бывшей группировки «Центр», которая не пожелала сдать оружие и капитулировать. То были остатки зловеще известных дивизий СС — «Викинг», «Валленштейн», «Райх». Они оставили кровавый след во всех оккупированных гитлеровцами странах Европы. Командовал ими эсэсовский генерал граф фон Пюклер. Это он хотел превратить Прагу в огромное пепелище, призывая гитлеровское командование обрушить на город «как можно больше зажигательных бомб». Эсэсовцы боялись ответственности за все учиненные ими злодеяния и сопротивлялись до последней возможности. У деревень Сливице и Милин они заняли оборонительные позиции после того, как поняли, что на запад — к американцам — им не пробиться.

И вот теперь, спустя 26 лет, я иду по полям, где когда-то гремели бои, вместе с Петром Бейчеком, который работает помощником зоотехника на одной из ферм сельскохозяйственного кооператива в Милине.

Петр Бейчек партизанил в отряде «Смерть фашизму», который в мае 1945-го сражался с эсэсовцами в окрестностях Милина. В его внешности нет ничего героического: крепко сбитый мужчина лет пятидесяти, обветренное и уже загоревшее лицо, крупные руки, привыкшие к любому крестьянскому труду. Он в кожаной куртке и вельветовых брюках — так одеваются здесь многие.

Мы прошли с Петром по деревне, чтобы добраться до того места неподалеку от монумента на холме, где он со своими боевыми товарищами вел неравный бой с гитлеровцами.

— Еще до прихода сюда Советской Армии в наш район были заброшены советские разведчики для организации партизанских отрядов,— рассказывает Бейчек.— Они вошли в контакт с чешскими группами Сопротивления, создали базы в соседних лесах. Нашим отрядом «Смерть фашизму» командовал капитан Ольшинский. Тогда, в мае, сигналом для нашего наступления послужила весть о начале пражского восстания. Но главные боевые действия мы развернули, когда эсэсовцы бросились бежать под ударами Советской Армии. Под Милином еще не было ваших регулярных частей, и гитлеровцы не сразу поняли, что отступили перед партизанами...

Вместе с Петром мы прошлись к опушке, где когда-то были вырыты окопы партизан. Здесь, теряя боевых товарищей под напором превосходящих по численности сил противника, партизаны героически дрались и выстояли до прихода механизированного корпуса генерала Свиридова. Натиск гвардейцев был мощным и стремительным. Довершили битву с эсэсовскими головорезами прославленные «катюши». На рассвете 12 мая последний опорный пункт бывшей группы армий «Центр» перестал существовать. Планировавший уничтожение Праги, а потом и всех партизанских деревень Пржибрамского района фон Пюклер был

Окончание на стр. 31.

Во время приема в Большом Кремлевском дворце.

СОДРУЖЕСТВО «КОСМИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ»

30 апреля в одиннадцатый раз Московский Кремль встречал первопроходцев Вселенной. Состоялся прием от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР в честь ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших осуществление орбитального полета космического корабля «Союз-10», в честь космонавтов В. А. Шаталова, А. С. Елисеева и Н. Н. Рукавишникова.

Полет «Союза-10» положил начало научно-техническим экспериментам и исследованиям с орбитальной научной станцией «Салют». Отмечая значение этой работы, товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на X съезде Болгарской коммунистической партии подчеркнул, что космический эксперимент, начавшийся 19 апреля,— это не только новый крупный шаг в исследовании и освоении космоса, но и очень важный этап дальнейшего продвижения вперед в этом важном для всего человечества деле.

На чествовании исследователей космоса присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

«Десять лет назад всю планету всколыхнул первый в истории человечества старт в космос нашего славного соотечественника Юрия Алексеевича Гагарина,— сказал на приеме Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.— За прошедшие годы один за другим принимали от Гагарина эстафету подвигов советские космонавты —

ЕДИНОДУШИЕ, ДОВЕРИЕ, СПЛОЧЕННОСТЬ

Под знаком нерушимого единства партии и народа идет наша страна к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. Нынешняя избирательная кампания проходит в знаменательное время. Участники многолюдных предвыборных собраний, вновь и вновь подтверждая единство партии и народа, нерушимость блока коммунистов и беспартийных, заявляют о своей готовности воплотить в жизнь исторические решения XXIV съезда КПСС.

Среди первых кандидатов в депутаты Советов единодушно названы Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС. Советские люди тем самым выражают свое безграничное доверие, уважение и любовь к ленинскому Центральному Комитету КПСС, к своему правительству.

С трибун предвыборных собраний, выдвигавших кандидатов в депутаты Советов, прозвучали имена передовых людей советского общества, представляющих его самые различные слои,— имена рабочих, колхозников, инженеров, врачей, учителей, деятелей науки, искусства, литературы, советских воинов, партийных, государственных деятелей, коммунистов и беспартийных.

Выборы в Верховные Советы союзных, автономных республик и местные Советы депутатов трудящихся — еще одно яркое проявление торжества самой широкой, подлинно народной социалистической демократии.

Предвыборное собрание рабочих, инженерно-технических работников и служащих Московского завода счетно-аналитических машин единогласно постановило: **выдвинуть Леонида Ильича Брежнева кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.**

Фото А. ПАХОМОВА.

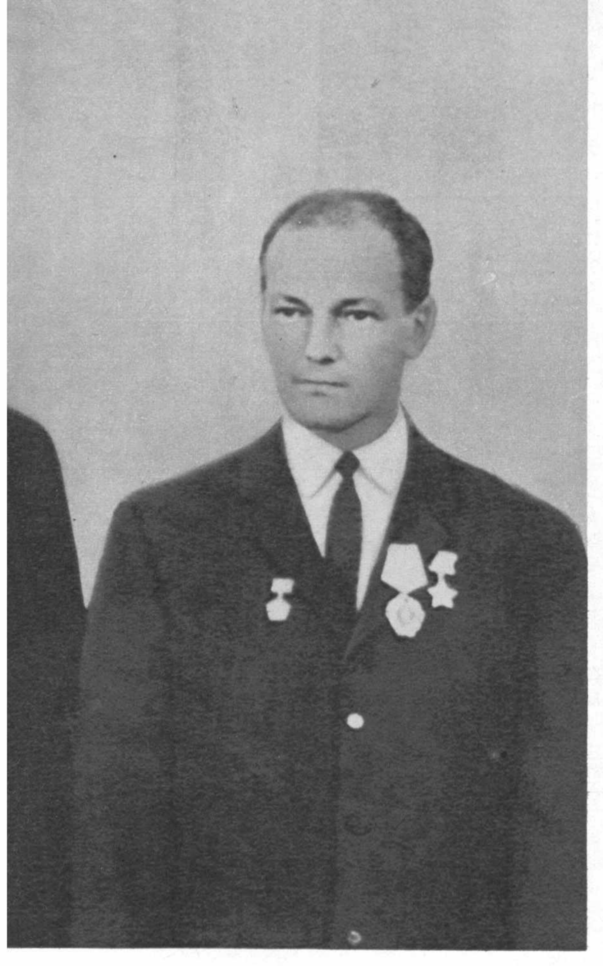

Фото А. Пахомова и А. Устинова.

достойные сыны Советской Родины, олицетворяющие лучшие черты нашего героического народа. Они осуществили ряд замечательных полетов на кораблях «Восток», «Восход» и «Союз». Вместе с ветеранами все чаще работают представители «космической молодежи». Нынешний полет — яркий пример такого плодотворного содружества «космических поколений».

За успешное осуществление орбитального полета на космическом корабле «Союз-10» и проявленные при этом мужество и героизм дважды Герои Советского Союза летчики-космонавты СССР тов. А. С. Елисеев и В. А. Шаталов награждены орденами Ленина, тов. Рукавишникову Н. Н. присвоено звание «Летчик-космонавт СССР», звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

КОРАБЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Роль коммунистической партии в социалистической стране огромна. Коммунистическая партия осуществляет руководство политической и хозяйственной жизнью. Ее идеология — марксизм-ленинизм пронизывает все стороны духовной жизни народа.

Естественно поэтому то внимание, которое мировая общественность уделяет съездам коммунистических и рабочих партий стран социализма. Что касается недавнего XXIV съезда КПСС, то не будет преувеличением сказать о нем, как о событии номер один в международной жизни за последнее время. Как отмечается в комментариях братской печати, он послужит подлинным маяком, на который долго будет ориентироваться корабль исторического прогресса.

На днях закончил свою работу X съезд Болгарской коммунистической партии. На съезде была утверждена программа партии, в которой сформулирован последовательный курс на строительство развитого социалистического общества. Активную подготовительную работу к предстоящим в мае—июне этого года съездам развернули Коммунистическая партия Чехословакии, Монгольская народно-революционная партия, Социалистическая единая партия Германии.

Советские коммунисты, общественность нашей страны проявляют большой интерес к съездам братских партий, к их подготовке и работе. Такое отношение объясняется многими обстоятельствами, но прежде всего общностью наших исторических судеб, единством целей и задач в построении нового общества, приверженностью марксистско-ленинскому учению. Установившаяся практика участия делегаций братских партий в работе съездов друзей представляет важную форму сотрудничества, взаимного обмена опытом.

Съезды коммунистических партий стран социализма представляют собой форму обогащения опытом друзей не только для тех партий, которые стоят у власти и осуществляют руководство социалистическим строительством. Большое значение эти съезды имеют и для тех коммунистических и рабочих партий, которые еще ведут борьбу за будущую социалистическую ориентацию своих стран. Мир меняется неумолимо в пользу социализма. К социалистическому строю будут приходить все новые и новые страны. Коммунистам предстоит руководить будущим развитием своих народов.

Не случайно в работе XXIV съезда КПСС приняли участие более ста зарубежных делегаций, не случайно делегации 89 коммунистических, рабочих, национально-демократических и левых социалистических партий присутствовали на X съезде БКП. На опыте реально существующего социализма братские партии формируют образ социалистического будущего своих стран.

Научный коммунизм — материалистическое учение. Он исходит не из идеалистических представлений об абстрактной модели социализма, а из конкретных исторических условий различных стран, в которых реализуются общие закономерности социалистической революции и строительства нового общества. Различие этих условий дает о себе знать и при подготовке съездов братских партий.

Трудную пору пришлось пережить Коммунистической партии Чехословакии. Против авангарда чехословацких трудящихся были нацелены стрелы многочисленных врагов социализма, объединены усилия внутренней и внешней реакции. Если Компартия Чехословакии опрокинула расчеты врагов, если из этих тяжких испытаний она вышла еще более закаленной и сплоченной, если она смогла не только устранить угрозу экономических трудностей, но и выработать четкую и перспективную экономическую политику, то в этом была твердая воля коммунистов Чехословакии, их преданность марксизму-ленинизму, огромный авторитет, которым пользуется в этой стране КПЧ, отмечающая свой славный 50-летний юбилей.

Общей закономерностью для всех стран социализма является планомерное развитие народного хозяйства. Эта черта социалистической системы находит свое выражение и в съездах коммунистических партий. Пятилетка стояла не только на повестке дня прошедшего съезда нашей Коммунистической партии. О пятилетке шел разговор на съезде болгарских коммунистов. Обсуждение пятилетних планов предстоит и на съездах братских партий Чехословакии, Монгольской Народной Республики, Германской Демократической Республики.

В центре внимания этих съездов будет стоять забота о людях труда, их интересах и потребностях. Коммунисты стремятся на основе всестороннего использования результатов научно-технической революции и повышения производительности труда обеспечить полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа, повышение его социалистического сознания.

Огромны задачи, выдвигаемые на съездах братских партий, но огромны и силы, которыми располагают социалистические страны. Эти силы множатся сотрудничеством стран мирового социализма, единством действий в созидательном труде. Вот почему органической чертой съездов компартий братских социалистических стран является забота о сплоченности мировой социалистической системы. В словах Л. И. Брежнева, сказанных на XXIV съезде КПСС: «Мы знаем, что добьемся всего, к чему стремимся, успешно решим задачи, которые перед собой ставим»,— нашла выражение уверенность советских коммунистов в своих силах, в грядущих победах. С той же уверенностью смотрят в будущее наши друзья и соратники — коммунисты братских стран социализма.

9 МАЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Сталинград. Командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков беседует с автоматчиками. Декабрь 1942 года.

Фото О. Кнорринга.

Маршал Советского Союза
В. И. ЧУЙКОВ

ПРОРЫВ

Мы публикуем главу из новой книги воспоминаний Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Гвардейцы Сталинграда идут на запад». В этой книге рассказывается о боевом пути 8-й гвардейской армии, бывшей 62-й, после завершения Сталинградской битвы, об участии гвардейцев Сталинграда в освобождении Украины, о боях за Донбасс, за Запорожье, за Одессу и за Днестр.

Книга выходит в издательстве «Советская Россия».

Прорыв на реке Ингулец — одна из самых интересных операций в истории боевого пути 8-й гвардейской армии...

22 февраля 1944 года наши войска освободили Кривой Рог, закончив 29 февраля Никопольско-Криворожскую операцию. А на другой день 8-я гвардейская армия, которой я командовал, получила новую директиву командующего фронтом генерала Р. Я. Малиновского: форсировать Ингулец и прорвать оборону врага на этом рубеже, невзирая на весеннюю распутицу.

Разведка и рекогносцировка показали, что правый берег реки Ингулец сильно укреплен, что там имелись окопы полного профиля, артиллерийские и минометные позиции с наблюдательными пунктами, минные поля. Для прорыва такой укрепленной полосы требовалась тщательная подготовка и, главное, требовалось много снарядов и мин. А подвезти боеприпасы было очень трудно. Выручала только железнодорожная насыпь, по которой мы наладили движение машин, но ее пропускная способность не могла полностью обеспечить нужды армии. И все-таки мы выполнили задачу, даже опередив сроки, указанные в директиве командующего фронтом.

На войне иной раз говаривали, что такому-то командиру везет, такой-то командир знает, дескать, «петушиное слово», что родился он в рубашке. Конечно, на войне и везение играло свою роль. Но везение — это прежде всего, как говорил Суворов, умение. На войне надо пользоваться всякой оплошностью противника, чтобы создавать для себя благоприятную ситуацию, не забывая при этом, что порой даже небольшое подразделение может сыграть решающую роль и рота может оказаться более действенной, чем целая дивизия...

В прорыве обороны противника на Ингульце на участке 28-го гвардейского стрелкового корпуса особую роль сыграла разведывательная рота 88-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Федора Леонтьевича Каткова.

Катков получил задание разведать русло Ингульца, подыскать места для форсирования реки и установить, какие силы врага обороняют поселок Зеленое и Широкую Дачу. Старший лейтенант вызвал к себе на наблюдательный пункт старшину Корша, старшего сержанта Примака, ефрейтора Лопахина и рядового Самойленко. Полдня пять опытных и внимательных бойцов, замаскировавшись на крыше хаты, что стояла на южной окраине поселка Ингулец, наблюдали за местностью и за поселком Зеленое, который находился по ту сторону реки. Ни единой мелочи не оставили они без внимания. В поле наблюдения разведчиков попал и участок железной дороги, между поселком и станцией Ингулец. Изучили они также берега реки, ее излучину и Станционный поселок. Внимание разведчиков привлекли неубранные поля подсолнечника и кукурузы, тянувшиеся густой полосой вдоль берега.

Наблюдением было также установлено, что немецкие патрули изредка проходят по железнодорожной насыпи между Станционным поселком и Зеленым. Поведение патрулей подсказывало, что в самой излучине немецких войск нет.

После анализа добытых наблюдением сведений был выработан план дальнейших действий разведывательной роты старшего лейтенанта Каткова. С этим планом были ознакомлены командир 3-го батальона 269-го полка капитан Чубаров и парторг гвардии младший лейтенант Галимов, которые также готовились на этом участке к наступлению.

План был прост. Под покровом темноты разведывательная рота во главе со старшим лейтенантом Катковым должна бесшумно переправиться через Ингулец, преодолеть пространство от реки до полотна железной дороги по зарослям кукурузы и подсолнечника, снять патрульных, пересечь железную дорогу и подползти к поселку Зеленое и к станционным зданиям на станции Ингулец. После того, как разведчики достигнут поселка Зеленое и станции, они дадут сигнал 3-му и 2-му батальонам 266-го и 269-го гвардейских стрелковых полков. Эти батальоны должны тотчас переправиться через Ингулец — 2-й батальон в направлении на Зеленое, а 3-й батальон — на Станционный поселок — и неожиданным ударом захватить их. В случае неудачи батальоны открывают заградительный огонь по южной окраине поселка Зеленое.

Командир дивизии генерал-майор Б. Н. Панков утвердил этот план. Найти и разведать броды в излучине реки разведчикам помогли местные жители.

В восемь часов вечера 2 марта разведывательная рота Каткова скрытно переправилась через реку. Разведчикам помогла высокая насыпь, дамба, проходившая по западному берегу, скрывавшая их от вражеских наблюдателей. В девять часов вечера разведчики, перевалив через дамбу, двинулись к полотну железной дороги. Впереди самые опытные: старший сержант Примак, старшина Корш и ефрейтор Лопахин. В середине боевого порядка разведроты шел Катков. Четыре связиста разматывали телефонный провод. Изредка они, прикрываясь фуфайками, чтобы заглушить голоса, проверяли работу связи. Между дозорными и командиром роты шла перекличка условными сигналами. Дозорные подражали голосам птиц. Наблюдатели 2-го и 3-го батальонов следили за продвижением разведчиков.

Два километра от берега до железнодорожной насыпи преодолели за два часа. Разведчики двигались крайне осторожно: только скрытность могла принести успех их дерзкому рейду. К одиннадцати часам вечера они достигли насыпи и притаились. Старший лейтенант Катков связался по телефону с командиром дивизии генералом Панковым, доложил ему обстановку и сообщил, что готов встретить 3-й и 2-й батальоны. Навстречу батальонам Катков выслал опытных провожатых, хорошо изучивших дорогу.

В засаду разведчиков у Зеленого попали два патрульных из пехотного полка 16-й немецкой моторизованной дивизии. Пленных привели к Каткову. На допросе выяснилось, что участок от Зеленого до Николаевки обороняет 16-я моторизованная дивизия, что гарнизон Зеленого состоит из пехотного батальона численностью в 200 человек, собранных наспех из разных частей. Батальон усилен шестью танками. Вокруг поселка окопы полного профиля фронтом на восток. Основные силы батальона находятся на западной окраине поселка.

Поселок Станционный занимает 2-й батальон того же пехотного полка. Пункт встречи патрулей — у развилки железнодорожного тупика, отходящего к шахте Визирка. Пленные показали, что немецкое коман-

дование не ожидает наступления русских из-за плохой погоды и распутицы.

Около полуночи к Каткову присоединились командиры 3-го батальона гвардии майор Черняев, 2-го — капитан Чубаров, а также парторг 2-го батальона гвардии младший лейтенант Галимов. На месте были уточнены задачи батальонов и разведроты. Батальоны должны были наступать по ранее определившимся направлениям, разведчики совместно со стрелковой ротой 3-го батальона направляли свой удар на курган с отметкой 84,4, чтобы перехватить дороги из поселка Зеленое на Рахмановку и на Войково. Атаку условились начинать после выхода разведроты на курган с отметкой 84,4. Сигнал — три зеленые ракеты — должен подать Катков.

Генерал Панков по телефону расспросил комбатов и Каткова об обстановке, утвердил план действий и добавил, что артиллерия готова открыть огонь по Зеленому и Станционному поселку по первому же сигналу красной ракетой. Остальные батальоны 269-го и 266-го гвардейских полков должны начать переправу через Ингулец сразу же после открытия артиллерийского огня.

16-й моторизованной дивизией врага командовал генерал-лейтенант граф фон Шверин. Как впоследствии выяснилось, он считал, что наше наступление на Ингулец не могло последовать сразу же после Никопольско-Криворожской операции без долгой оперативной паузы. Он был уверен, что «генерал грязь» задержит наступление советских войск на долгое время. В захваченной нами позже переписке врага прямо говорилось, что прорыв советских войск у поселка Зеленое для гитлеровского командования был полной неожиданностью. В его расчеты входило как можно дольше держаться на оборонительном рубеже по реке Ингулец. Могли ли немецкие генералы предположить, что их расчеты будут опрокинуты несколькими рядовыми советскими офицерами?

Около двух часов ночи разведрота Каткова и следовавшая за ней стрелковая рота подошли к кургану с отметкой 84,4. Ночь была облачной, непроглядной. Трудно ориентироваться в полной тьме, но Каткову снова выпала удача. Кто-то из его бойцов нащупал телефонный провод, который тянулся с юга на север. Связисты немедленно подключили к линии свой аппарат. Линия молчала, хотя была «живой». Еще дважды подключались. На третий раз повезло: кто-то передавал, что на огневые позиции дивизиона отправлено 148 снарядов. Катков догадался, что провод ведет к артиллерийскому наблюдательному пункту противника.

Старший лейтенант решил бесшумно захватить артиллерийский пункт. Он послал вперед головной взвод, с ним старшину Корша и рядового Зимина, знавших немецкий язык.

Несколько минут спустя старшина Корш издал звук, который ни один кавалерист не отличил бы от конского ржания. Это был сигнал «внимание». Катков подошел к Коршу. Прислушались. До них донеслись обрывки немецкой речи. В темноте вспыхнули огоньки сигарет. Еще через минуту метрах в двухстах—трехстах севернее сверкнули лучи автомобильных фар. Машины буксовали в грязи, часто останавливались. Катков понял: это везут снаряды, о которых говорилось в подслушанном телефонном разговоре. Вершина кургана с отметкой 84,4 была рядом...

Старший лейтенант приказал первому и второму взводам приготовиться к атаке. Направление — на огоньки сигарет. В небо взвились три зеленые ракеты. В их свете разведчики увидели метрах в пятидесяти от себя вражеских солдат. Загремели разрывы гранат, ударили очереди. Несколько человек во главе с офицером были взяты в плен. Группа солдат укрылась было в блиндаже. Но один из разведчиков бросил в дымоход гранату. Раздался глухой взрыв. С противником было покончено.

В Зеленом тем временем тоже закипел бой. Слышалась ружейно-пулеметная стрельба и со стороны поселка Станционного.

С кургана Каткову было видно, как из Зеленого к железнодорожному переезду устремились автомашины с зажженными фарами. Катков приказал роте занять на кургане круговую оборону. Старшина Корш получил задание дежурить у телефона и откликаться на запросы немцев, что на кургане все спокойно и что бой идет где-то северо-восточнее. Третьему взводу старший лейтенант приказал перерезать дорогу из Зеленого на Рахмановку и двигаться навстречу отходящим автомашинам. В это время первый взвод, поддерживая связь с третьим, должен был наступать вдоль дороги Зеленое — Войково. Сам Катков бросился с первым взводом к переезду через железную дорогу. Разведчики подожгли на переезде машину с горючим и взяли в плен шоферов. Колонна из 15 машин, груженных продовольствием и боеприпасами, была захвачена. К переезду подошли разведчики из третьего взвода. Они вели около тридцати пленных, среди которых были немецкие офицеры. Путь отхода противнику был отрезан. А затем к переезду вышел 2-й батальон и завершил окружение врага в поселке.

События в Зеленом развивались так. 2-й батальон подошел к окраине поселка и залег, ожидая сигнала от Каткова. Сигнала не было. Некоторое время спустя появился вражеский патруль — два солдата, направляющиеся из поселка к станции. Увидев выросших перед ними советских бойцов, они бросили оружие и подняли руки. Патрульные показали, что их взвод занимает траншею около дома (в окнах этого дома виднелся свет) и что все солдаты взвода спят в доме, за исключением одного часового, который ходит под освещенными окнами. Галимов и с ним еще два бойца короткими бросками подбежали к дому, оглушили часового. Затем цепочкой подошли бойцы во главе с командиром батальона капитаном Чубаровым.

Два взвода во главе с Галимовым двинулись в глубь поселка, туда, где располагались главные силы врага. Сам капитан Чубаров остался с двумя ротами в засаде, готовясь в любой момент поддержать удар Галимова. Пока Чубаров допрашивал пленных и ставил задачи боевым группам, прибыл командир 269-го гвардейского полка подполковник Дмитрий Федорович Михайлов.

Минут через пятнадцать после того, как Галимов повел своих бойцов в глубь поселка, в небе вспыхнули три зеленые ракеты — сигнал Каткова. Бойцы обрушились на сонных немцев, и схватка быстро закончилась.

Галимов, ни на шаг не отпуская от себя одного из пленных патрульных, который служил проводником, продвигался по переулкам и улочкам поселка.

Впереди вспыхнул огонь. Это немцы, заслышав стрельбу, зажгли хату — сигнал общей тревоги и одновременно ориентир для сбора. Галимов и его боевые товарищи открыли прицельный огонь из автоматов и пулеметов. Немецкие солдаты в одном нижнем белье метались по улицам.

Командир полка подполковник Михайлов приказал батальонам занять насыпь железной дороги, развернувшись фронтом на восток, и тем самым отрезать пути отхода для противника...

На участке 3-го батальона 266-го гвардейского полка обстановка сложилась не столь благоприятно. Бойцам майора Черняева удалось захватить несколько крайних домов Станционного поселка. Но враг успел занять оборону и открыть плотный огонь. Батальон вынужден был залечь.

Старший лейтенант Катков после того, как его разведчики у железнодорожного переезда встретились с подразделениями 269-го гвардейского полка, решился на новый дерзкий шаг. От немецких офицеров, попавших в плен, он узнал, что юго-западнее Зеленого, в районе поселка Андреевка, расположена вражеская батарея гаубиц. Катков выяснил, что артиллеристы уходят ночевать в поселок Андреевка. На батарее остается лишь несколько человек боевого охранения. Катков приказал двум взводам разведчиков погрузиться на захваченные у немцев автомашины. Немецких шоферов посадили за руль. Сам Катков с тремя взводами ехал в головной машине, которая держала путь на Андреевку.

...А на кургане 84,4 старшина Корш, оставленный у телефона, то и дело отвечал на запросы немцев, что на его участке все спокойно. Несколько раз он «прерывал» связь, чтобы выиграть время в этих переговорах, и это тоже сбивало с толку врага.

...Командир 16-й моторизованной немецкой дивизии генерал-лейтенант фон Шверин крепко спал, когда его разбудил начальник штаба, тоже поднятый с постели. Шел четвертый час утра...

Из Зеленого и Станционного поселка от артиллеристов поступили тревожные донесения. На правом берегу реки Ингулец идут бои, советские войска перешли в наступление. Но эти донесения в штабе немецкой дивизии сочли паническими. «Какое там наступление? По донесениям разведки, советские части на левом берегу не делали никаких перегруппировок. Да и артподготовки не было!» Начальник штаба дивизии отметил на карте места, где вспыхнули ночные бои. Курган, захваченный разведчиками Каткова, начальник штаба не отметил: старшина Корш по-прежнему исправно отвечал по телефону, что на кургане все спокойно.

Поскольку немецкий батальон в поселке Зеленое был полностью окружен и никто из солдат не решался вырываться из окружения по топкой грязи да еще ночью, то и из Зеленого тревожные сообщения поступили лишь в первые минуты. Затем связь оборвалась. Оснований для серьезной тревоги фон Шверин не усмотрел. Может быть, он устал, может быть, и его измотали предшествующие бои. Усталость обезоруживает человека, он утрачивает способность к быстрой реакции. Во всяком случае, Шверин не сделал нужных выводов и успокоил свой штаб.

Короткая тревога во вражеском стане затихла...

А в это время Катков на трофейных грузовиках ехал к поселку Андреевка. Путь в Андреевку шел от Зеленого через курган с отметкой 84,4 и высоту с отметкой 101,8. Расстояние от кургана с отметкой 84,4 до Андреевки — 5—7 километров. Дорога для грузовых машин проложена по целине. Грунт скреплен шлаком, местами по колее положены бревна. Машины буксовали, но шлак помогал. Пробились. Не доезжая с полкилометра, Катков остановил колонну. На востоке заалела зорька...

Катков приказал двум взводам под общим командованием лейтенанта Шевчука ждать возле машин сигнала к атаке. Договорились, что, когда взвод во главе с Катковым завяжет перестрелку, Шевчук со своими разведчиками атакует поселок.

Катков со взводом разведчиков двинулся в обход поселка в поисках артиллерийских батарей. Обошли поселок. Западнее поселка заметили в серой предрассветной мгле стволы тяжелых орудий, нацеленных на восток. Разведчики скрытно подобрались к артиллерийским позициям. Броском поднялись в атаку. Боевые расчеты батареи были застигнуты врасплох. Немцы вскакивали, хватались второпях за оружие, но, подкошенные автоматными очередями разведчиков, валились на землю. В блиндажи полетели гранаты...

Несколько минут спустя раздались выстрелы и со стороны поселка. Это Шевчук атаковал гарнизон и артиллеристов, расположившихся на ночлег. Из Андреевки к батарее бежали немецкие артиллеристы. Но наткнулись на огонь разведчиков Каткова. Гарнизон Андреевки и личный состав двух батарей были окружены, частично уничтожены, а частично взяты в плен. Катков организовал круговую оборону вокруг батарей и послал донесение через поселок Зеленое в штаб дивизии.

Командир 3-го батальона 266-го гвардейского стрелкового полка, услышав стрельбу в Андреевке, понял, что это разведчики Каткова прорвались в глубину обороны противника. Правым флангом своего батальона он перерезал дорогу со станции Ингулец на запад и к рассвету дружной атакой овладел Станционным поселком.

Оборона противника на левом берегу реки на участке Зеленое — станция Ингулец была прорвана...

Так смелые, решительные, умелые действия небольших подразделений помогли целой армии с честью выполнить боевую задачу.

Лауреату Ленинской премии Борису Пророкову — 60 лет.

Широко известны его произведения, посвященные борьбе за мир, против империалистической агрессии и расизма.

Мы обратились к Борису Ивановичу с просьбой поделиться на страницах «Огонька» своими мыслями о развитии советского изобразительного искусства.

Борис ПРОРОКОВ,
лауреат Ленинской премии,
народный художник РСФСР

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ

Мне, ветерану Великой Отечественной войны, особенно запали в душу слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о фронтовиках, сказанные им в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии. О том, что солдаты и командиры, отстоявшие свободу нашей Родины, после колоссального напряжения военных лет снова оказались на фронте — на фронте труда...

Прозвучавшее в докладе напоминание о том, что мы живем в условиях незатухающей идеологической войны, так же, как и положения, касающиеся современного состояния и дальнейшего развития советской литературы и искусства, заставили меня, как и всех советских художников, глубже и серьезнее задуматься над тем, как сегодня сделать наше боевое оружие — карандаш, кисть, резец — более действенным...

«Да будет позволено заметить здесь, что у нас все еще появляется немало произведений неглубоких по содержанию, невыразительных по форме. Иногда бывает даже, что произведение посвящено хорошей, актуальной теме, но создается впечатление, что художник подошел к своей задаче слишком легко, не вложил в свой труд всю силу своего таланта. Думается, что все мы имеем право ожидать от работников искусства большей требовательности к самим себе и к своим товарищам по профессии».

Эта критика, высказанная товарищем Л. И. Брежневым с трибуны съезда в наш адрес — в адрес работников советского искусства, не может не мобилизовать каждого из нас.

За последние годы наше искусство в целом качественно стало совершенно иным, поднялся общий уровень мастерства. Художники стали лучше рисовать, изобретательнее компоновать, пластичнее лепить, палитра стала несоизмеримо ярче, гравюра виртуознее. Но все же мне думается, что впереди у нас задач хоть отбавляй.

Ведь сколько раз художественный совет или выставком при, казалось бы, самой повышенной требовательности утверждает ту или иную скульптуру, картину или эстамп, где все идейно продумано, хорошо нарисовано, все безупречно скомпоновано, грамотно написано. А когда эти вещи оказываются в экспозиции выставки, зритель нередко проходит мимо них.

Искусство — это не только хорошая форма и верное содержание, а нечто большее.

Стоишь в Эрмитаже перед рембрандтовским портретом старика, внимательно смотришь и думаешь об этом человеке. И вдруг не без содрогания замечаешь, что рембрандтовский старик будто сам внимательно рассматривает тебя, своего далекого потомка, и думает о тебе...

Микеланджело, завершая свою статую Моисея, воскликнул:

— Теперь дыши!

И четыреста с лишним лет мраморный Моисей «дышит».

Невольно вспоминаешь, что Микеланджело работал по 20 часов в сутки и вел предельно скромный образ жизни, близкий к аскетизму. Его требовательность к себе — сестра его гения.

На мой взгляд, высшее проявление творчества состоит в том, чтобы вдохнуть свои чувства, мысли, переживания в тот образ, над которым работаешь. Вдохнуть в него душу. Чтобы душа эта жила века, заставляя людей волноваться, помогая им понимать мир и самих себя.

Художник в социалистическом обществе должен быть передовым, прогрессивно мыслящим, идейно убежденным и страстным человеком, хорошо знающим жизнь народа, а не только мастеровитым знатоком своего дела, умеющим вкладывать пусть в добротную форму содержание, не взволновавшее его по-настоящему. Без этого мы не проложим путь к искусству коммунизма.

Нам, художникам, нужно непрерывно совершенствоваться и работать над содержанием и формой своих произведений, чтобы делать не то, что можешь, а то, что хочешь.

Это трудно. По собственному опыту я знаю, как это тяжело. У меня были случаи, когда все физические и волевые силы с невероятным упорством и напряжением сосредоточивались на достижении желаемого. И сколько вновь требовалось сил душевных и физических, чтобы мужественно переносить неудачу и вновь браться за кисти.

Залогом высокого искусства всегда служила убежденность художника. Я с отроческих лет очень люблю скульптора Менье, посвятившего свою жизнь и творчество людям труда. Его углекопы, пахари, грузчики — прекрасная, гордая песнь будущему хозяину земли. Это — великое, возвышенное искусство.

В нашем советском искусстве тема труда занимает огромное место. И тут я прежде всего думаю о Дейнеке, этом талантливейшем художнике нашей советской эпохи. Вижу его полотна. Какой прекрасный, огромный и светлый мир социалистической действительности ворвался в искусство! Все было ново: и сюжеты, и форма, и то, как тесно это переплеталось с нашей жизнью.

Дейнека в начале двадцатых годов пришел во ВХУТЕМАС из Красной Армии, а затем начал работать в журнале «Безбожник у станка». Именно здесь родился тот Дейнека, которого мы знаем.

С невольным беспокойством порой думаешь о том, что некоторые наши молодые и талантливые люди после художественной школы попадают в художественный институт, а закончив институт, нередко, как отшельники, сидят в своих мастерских.

Талант Дейнеки наливался живительными соками в шахтах Донбасса, колхозах Украины, на стройках метро. И разве этому не должна учиться у замечательного мастера наша художническая молодежь? И еще: у Дейнеки было драгоценное качество современного художника — стремление к монументальной живописи. Он говорил: «Я пишу станковые картины, потому что у меня пока нет стен».

...Ленин мечтал об украшении наших городов фресками, мозаикой, керамикой, рельефами. И считал, что это не только украсило бы наши города — украсило бы и возвысило души наших людей.

«Давно уже передо мной носилась эта идея,— говорил Владимир Ильич в 1918 году,— ...Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это... могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же... Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой».

Но в то время ленинский план монументальной пропаганды не мог быть во всем объеме и масштабе осуществлен. Не хватало и стен и даже красок. Потому все оказалось сосредоточено на скульптуре, иногда временной, гипсовой.

Сейчас при гигантском размахе градостроительства у нас есть все возможности для воплощения в жизнь ленинских заветов, великой ленинской формулы «Искусство принадлежит народу!».

Я испытал огромное волнение, когда прочел в мексиканской газете о том, что выставка моей антивоенной серии была устроена прямо на центральной площади одного из городов Мексики. И мечтаю, чтобы мои работы в Москве висели во время выставок не внутри Манежа, а снаружи.

Да, мне видятся подходы к великому коммунистическому искусству именно в развитии монументального искусства, как завещал Ильич.

В этой области многое делается. Но это «многое» для нас мало. Пусть не смущает, что некоторые опыты наших монументалистов неудачны. Последнее десятилетие отличалось стремлением художников к поискам нового, а его так сразу не найдешь.

И все же совершенно справедлив обращенный к нам упрек в том, что художники к большой и актуальной теме иногда подходят слишком легко. Я знаю многих замечательных советских мастеров — живописцев, скульпторов, графиков, которые работают с настоящим горением. Но немало у нас действительно случаев, когда художники берут большие темы, будучи мало к ним подготовленными.

Помню, какое недоумение вызвал у меня Маяковский, который что-то бормотал, шагая по коридору редакции «Комсомольской правды». Этим впечатлением я поделился с Моором. Моор ответил:

— Он работает. Ведь надо перебрать тысячи слов, чтобы найти одно нужное.

И Маяковский его находил. И за каждое слово отвечал перед партией, народом, перед собой.

Мы должны учиться такой жестокой в з ы с к а т е л ь н о с т и к своему труду, к своему творчеству.

Б. Пророков. ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

ПОМНИТЬ ХИРОСИМУ!

Б. Пророков. ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ.

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

ЭХО МОИХ ТРЕВОГ

МОЕЙ АРМИИ

Спасибо, Армия, тебе,
Что ты меня не обошла.
В моей любви,
В моей судьбе
Ты доброй матерью была.
Ты развернула надо мной
Знамен гвардейские шелка.
Не пожалела для меня
Отцовской строгости старшин.
Мальчишкою в семнадцать лет
Я, сын бойца-фронтовика,
Геройски павшего в бою,
С Победою вошел в Берлин.
И в академиях твоих
Я под твоим началом рос.
И столько силы мне дала
Твоя наука и броня!
Солдата боевую честь
Я поднял до высоких звезд,
И руки нежные твои
Лежат на крыльях у меня.
Погоны с гордостью нося,
Я счастлив тяжестью забот.
Биенье пульса твоего
В моей груди живет всегда.
Готовность мудрая твоя
Моими стартами поет.
Как много доверяет мне
Держава мира и труда!
Спасибо, Армия, тебе!
Ты научила строго жить
И ясно видеть белый свет,
Не забывая о войне,
Любить своих однополчан
И славой предков дорожить.
Пусть трубы звонкие твои
Всегда трубят
тревогу мне.

ПРОЩАНИЕ

Стоял наш красный эшелон
Под стенами вокзала.
В тот день я уезжал на фронт.
Меня ты провожала.

Черты родимые твои
Вдруг засветились резче.
Прощались сверстники мои,
Спеша войне навстречу.

— Поверьте, мамы,
Стоит нам
Взять в руки автоматы —
Как тут же
кончится война,
Домой придут солдаты.

Но по глазам,
вдова и мать,
Я видел, что не многих,
Кого пришла ты провожать,
Вернут войны дороги.

Одной Отчизне, только ей,
Все матери, без звука,
Тогда вручали сыновей
На подвиг
и на муку...

И ныне вижу я тебя
На том перроне длинном:
Ты отрываешь от себя
Единственного сына...

ШКОЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ

Составы,
Словно суставы,
Больно хрустят в пути.
В войну я свой дом оставил,
Тихо сказав: «Прости».

Вагон под обстрелом
С дрожью
Ночью увел паровоз.
Рельсы, с надеждой схожи,
Бежали из-под колес.

Школьные две прямые
Вдаль
под луной текли —
Они меня, вороные,
От гибели унесли...

Мне вскоре достались крылья,
Я в небе узнал друзей.
Штурмовые мои эскадрильи,
Весна легендарных дней!

Памятна та минута,
Когда, объятый огнем,
Берлин ощерился люто
В агонии
под крылом.

Со мною были родные,
Каждый погибший солдат...
В глазах моих те прямые
Во весь свой размах летят...

КРОНШТАДТСКИЕ ФОРТЫ

Хожу по тверди,
Где когда-то,
Орлами глядя с высоты,
Парили гордо над Кронштадтом
Артиллерийские форты.
Теперь здесь тихо.
И безлюден
В веках гремевший гарнизон.
Калибров пламенных орудья
Не озирают горизонт.

Но им стоять
светло и свято
Над русской Балтикой седой,
Неколебимо,
как солдатам
Петровской
славы
молодой!

* * *

С погибшими рядом
Живые живут:
Нервущейся кровною нитью
Связаны
Подвиг солдатский и труд.
Чтите
героев,
Чтите.

С погибшими рядом
Живые живут:
Вы в сердце мое загляните,
В нем гордость и боль
за отца
Не умрут.
Чтите
героев,
Чтите.

С погибшими рядом
Живые живут:
Мальчишек моих расспросите —
Подвиги дедов
Для них не умрут.
Чтите
героев,
Чтите.

Высоты отцов
Сыновья берегут.
С нами, враги, не шутите!
С погибшими рядом
Живые живут.
Чтите
героев,
Чтите...

* * *

Сменяются дали,
Как думы.
Лечу над землей и смотрю:
Хребет разомкнулся угрюмый,
Тайга убегает в зарю.
Проносятся реки под громом,
Ложится Байкал в разворот,
И дума от самого дома
Тебя по вселенной несет.
Ты как-то
и зримо и властно
Мятущимся мыслям дана:
Я знаю, как к небу причастна
Тоскующих глаз глубина.
Пусть тысячи верст от столицы,
С тех пор, как мы высь обрели,
За нами стремительно мчится
Крылатая верность земли...
И я, сколько дома ни буду,
Едва только в небо взгляну —
Тотчас же увижу,
как чудо,
Тоскующих глаз глубину...

ЧЕЛОВЕК С ВЫСОТЫ 115,2

Александр КИКНАДЗЕ

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Пятого ноября 1970 года, усыпив бдительность дежурной сестры ласковыми словами, Михаил Кабрибов совершил побег из санатория. Санаторий не простой — повышенного типа, и порядки в нем строгие. Поступок «больного Кабрибова» осудили, пообещали на работу написать.

Вообще, если бы он сделал это на два дня позже... Кому не хочется на празднике со своими побывать — час до города, час дома, час на обратный путь; администрация и не заметила бы ничего.

А Кабрибов исчез на три дня.

Что-то связано у него с днем 5 ноября.

Будучи по натуре человеком не слишком разговорчивым, он не привык объяснять своих поступков. Тот же, кто давно знаком с Михаилом, догадывается, почему так тянет его провести этот день в кругу своей семьи.

Ждали гостей.

Жена Бегюм-ханум всю ночь готовила плов, подбирала рисинку к рисинке. А один гость стеснительно сказал: «Мне, пожалуйста, только мясо, а этого, как его, гарнира не надо». Вместе с бакинцами сидели люди, приехавшие из очень далеких краев. Старые друзья Михаила.

Обязанности тамады исполнял русский генерал. Не слишком хорошо знакомый с обычаями кавказского застолья, он первым делом предложил тост за хозяина. Михаил покрылся румянцем и решительно запротестовал, жена поддержала его: «Как можно? Здесь столько хороших людей, а вы сразу за хозяина?!»

— Я хочу выпить за хозяина и за именинника. За человека, который родился двадцать восемь лет назад. За его семью. И за его внуков.

Генерал знал, о чем говорил. Двадцать восемь лет назад Кабрибов родился второй раз.

* * *

Я познакомился с Кабрибовым в 1957 году. В небольшом магазине на улице Басина немногословный и предупредительный продавец помогал мне выбрать пару летних туфель. Можно было подумать, что этот человек со спокойными глазами и неторопливыми движениями всю жизнь провел в этом маленьком магазинчике — волновался из-за плана, переживал за ассортимент, дорожил крохотным вымпелом, висевшим на стене. Что еще могло тревожить и беспокоить его?

На груди продавца была планка ордена Ленина.

— За войну? — спросил я, как, наверное, спрашивали многие.

— Да, за войну,— ответил он, как, должно быть, отвечал обычно, не вдаваясь в подробности.

— А где пришлось?

— Да в разных местах.

«Не слишком ты, однако, разговорчив, приятель»,— подумал я и собирался уйти, как вдруг девушка, стоявшая за прилавком, сказала:

— Михаил Нафталиевич в Сталинграде воевал. И в газете написали, как он погиб...

— В какой газете?

— В «Комсомольской правде».

* * *

5 ноября 1942 года в «Комсомольской правде» была опубликована корреспонденция Ивана Давыдова «Высота 115,2». В ней рассказывалось, как пала горстка советских бойцов, защищавших безвестную высотку под Сталинградом:

«Враг отошел назад, но надо было ожидать, что он не захочет примириться с потерей выгодного рубежа. Это знали все, и прежде всего те одиннадцать человек, что закрепились на горке. Ими командовал лейтенант комсомолец Михаил Кабрибов, родом из Баку. Он был высок и строен, с черными жгучими глазами.

Еще не просохли гимнастерки после недавнего штурма.

— Приготовиться! — прозвучала короткая команда.

Они были готовы. Крепче сжал в руках свой пулемет Бабаяр Гаяров, молодой казах, горячий, порывистый воин. Немцы выползали из-за бугров.

— Пли! — проговорил Кабрибов. Дружный залп скосил первые ряды наступавших.

Меловая горка вся в дыму. Сотни, тысячи вражеских пуль визжат, режут воздух. Немцы все лезут. Вздрагивает и бьет автомат Кабрибова, накалился докрасна ствол пулемета Бабаяра Гаярова

Уже целый час без передышки длится эта отчаянная стрельба. И вдруг — тишина. Нет больше патронов. Замолчали и немцы. Они, видимо, были удивлены, потом догадались, стали орать: «Русс, стафайсь!»

— В штыки!

Михаил Кабрибов спрыгнул вниз, врезался в гущу зеленых мундиров. Ринулись за своим лейтенантом все десять...

Имена Михаила Кабрибова и его боевых друзей мы запомним на всю жизнь. А высокий холм понесет в будущее славу и бессмертие героев нашей великой войны...»

* * *

А что было накануне?

— Накануне нам приказали взять тот проклятый холм. На нем был дот с четырьмя амбразурами. Мой взвод стоял недалеко в перелеске. Были во взводе сорок человек, которые еще не нюхали пороха. Я должен был вести их в бой. Подучить бы этих солдат, как ползти, врукопашную биться, как не бояться пуль. Были безусые, незлобивые юнцы с Кавказа да из Средней Азии. Когда пришел приказ, я должен был что-то сказать бойцам. Но что я должен был сказать? Я знал, что ни один из них не вернется живым. Я сказал:

— За нами Сталинград. Если мы не остановим врага, он придет в наши дома.

До холма доползло двадцать пять. Поднялось на холм восемнадцать. Вещмешками, набитыми песком, заткнули амбразуры, ворвались в дот. Когда кончили с немцами, осталось нас одиннадцать.

Не знаю, почему, но нас не трогали двенадцать дней. Потом фашисты бросили роту. Перед тем, как мы пошли в штыки, я накрыл шинелью тяжело раненного командира отделения. В шинели были письма из дома, адрес родных. Вскоре, должно быть, снова высотой овладели наши. Нашли шинель. Написали в газету. Послали извещение домой...

У Миши Кабрибова есть сын Ханлар. Играет на пианино. Родным нравится, и мне нравится тоже. Году в пятьдесят девятом я привел в этот дом композитора Ниязи: вдруг у парня действительно что-то есть? За дирижерским пультом народный артист СССР Ниязи кажется строгим и неприступным, а в жизни это славный, добрый человек. Но в каком бы распрекрасном настроении он ни был, свое мнение о «подающем надежды» высказывает прямо.

Ханлар играет старую азербайджанскую мелодию.

Родные не шелохнутся.

Я сижу в другой комнате и читаю старые письма и газеты. Нахожу фотографию знаменитой нашей трактористки Паши Ангелиной. На обороте написано: «Брату моему Михаилу Кабрибову».

...Рассвет того самого дня 5 ноября 1942 года, когда подписывался к печати номер «Комсомольской правды» с корреспонденцией «Высота 115,2», Кабрибов встретил за колючей проволокой на хуторе Перелазовский, близ Краснодона. Провел рукой по гимнастерке, почувствовал запекшуюся кровь, хотел окликнуть лежавшего рядом человека, да только что-то булькнуло в горле.

Незнакомец отер ему губы полой своей гимнастерки, помог приподнять голову, поднес миску. Едва слышно проговорил:

— Ты только в рот набери, а пить не моги. Горло-то у тебя насквозь...

Но пришел день, когда Кабрибов самостоятельно сделал первый шаг, второй. Научился ходить, научился ждать своего часа.

Выла метель, и часовые спокойно отсиживались в будке: в такую погоду человек далеко не уйдет.

Кабрибов шел наугад — дальше, дальше, как можно дальше, пока не хватились, не подняли тревогу. Метель была помощницей: быстро заметала следы. И была врагом: сбивала с ног, мешала дышать.

Шел по лесам, по ложбинам, шел сутки, вторые, а может быть, и третьи, не помнит. Перед глазами плыли противные круги. В кармане был последний, промерзший и иссохший кусок хлеба. Да в сердце не черствела надежда.

Однажды он испугался так, что запрыгало сердце, застучалось во всю силу в грудь. Думал, не поднимется после сна. Ухватился рукой за дерево. Поднялся. Сделал шаг вперед...

...За стеной играет Ханлар. Подпевает вполголоса. Песня грустная и протяжная. Сыграл бы что-нибудь повеселее!

На лице Ниязи полнейшее равнодушие. А Миша возбужден. Очень не хочет, чтобы сын ударил в грязь лицом.

Волнуется человек. Я-то, признаться, думал, что он уже отволновался на сто лет вперед. Да ничего не поделаешь. Такова жизнь.

...Настал день, когда он решился выйти к людям. Забрел в какое-то село, помнит одно: не было в том селе собак. Постучался в первую попавшуюся избу. Если бы крикнули полицаев, бежать бы не смог: ноги чужие.

Старая женщина стояла на пороге, тревожно оглядывая его.

Спросила только:

— Не от Вани?

— Нет, мать, не от Вани. Из лагеря бежал. Если найдут...

Женщина засуетилась, заволновалась:

— Чего стоишь? Избу только зря выстужаю. Дверь плотней закрывай. А то мороз, и люди разные есть... Погоди, подсоблю!

В сенях торопливо шептала:

— Сын у меня Ваня пропал...

Так далеко от родных краев, в селе Старо-Бешево, в Донбассе, нашел вторую мать воин-бакинец. Звали ее Пелагеей Петровной Борловой.

А вскоре узнал Михаил, что приютила его тетка Паши Ангелиной, знаменитой нашей трактористки. Не думал, что много лет спустя встретится он в этом доме с Пашей, что на праздник придет чуть не все село и что он сядет за стол рядом с двумя старыми женщинами — Пери-ханум и Пелагеей Петровной, двумя женщинами, которых называет одним словом «мама».

...В комнате за стеной умолкло фортепиано. Послышались незнакомые голоса. Оказалось, что пришел в гости к Кабрибовым чуть не весь двор. В этом доме на улице Щорса живут так же, как во многих старых бакинских домах,— здесь у всех жителей общие радости и общие печали, здесь помогают друг другу в трудную минуту и делят на всех минуту счастливую. Подходят к Ниязи, по старому обычаю пожимают двумя руками руку и справляются:

— Ну как наш Ханлар?

— Послушайте, давайте сядем за стол в три смены,— отшучивается тот.

— Ничего, мест всем хватит, не первый раз,— отвечает кто-то из гостей.

Наверное, композитору «не показался» молодой Кабрибов, иначе не переводил бы разговор на другую тему. Правда, я знаю одну его черту: не любит говорить папам и мамам комплименты в адрес их вундеркиндов — на-

Михаил Кабрибов с сыном. **Фото В. Калинина.**

смотрелся за свою жизнь на разных родителей, слава богу!

У Миши Кабрибова чуть-чуть испортится настроение, но он и вида не подаст, не знает он, что через неделю позвонит ему Ниязи и скажет:

— Послушай, в этом молодом человеке, кажется, что-то есть. Надо будет с ним чуть лучше познакомиться. Пусть зайдет.

...«Спальной комнатой» Кабрибова в доме Борловой был курятник. Вместе с дочерью Марией и ее больным мужем Александром Пелагея Петровна приспособила курятник под жилье: там было безопаснее.

Однажды Борлова сказала Михаилу, что в селе появилось еще несколько человек, бежавших из плена. Он сделал попытку встретиться с ними, но после этого в дом Борловой зачастил староста села. Он начинал разговор издалека, жаловался на нелегкую жизнь, спрашивал, приходят ли вести от «нашей Паши», а сам все рыскал глазами по углам.

Через несколько дней Кабрибов ушел на восток. Ему дали на дорогу теплую одежду, еду и бутыль самогона — на всякий случай, на трудную минуту.

Он шел, как и прежде, ночами. Он знал уже, что немцев разбили под Сталинградом. Не знал он только одного — что сам он посмертно награжден орденом Ленина и что мать его давно накинула на голову черный платок.

Поздней весной 1943 года Кабрибов пересек линию фронта. Поначалу не много было доверия его рассказу. Послали срочные запросы в часть, которую назвал Кабрибов. Совсем не так быстро, как хотел бы Кабрибов, пришел ответ. Но было в нем что-то такое, что дало право генералу назначить лейтенанта сразу командиром роты. Перед строем ему вручили орден Ленина. Кабрибов навек запомнил военкора «Комсомольской правды» Ивана Давыдова, когда-то написавшего о высоте 115,2: рассказали Кабрибову, что вместе с реляцией была послана и вырезка из «Комсомолки».

Все дальше на запад уходил фронт, дивизия, в которой служил Кабрибов, приближалась к Краснодону, где-то недалеко оставалось Старо-Бешево. И попросил Кабрибов командира полка разрешить ему взять Старо-Бешево. Командир полка удивленно вскинул брови, а когда узнал, что значит для него эта деревня, согласился.

Рота бакинца первой ворвалась в Старо-Бешево. Взяли деревню без артиллерийской подготовки, смелым и решительным штурмом. Когда выбили немцев, Кабрибов бросился к дому Пелагеи Петровны. Та не верила глазам, целовала Мишу.

Он оставил в доме Борловой все, что имел из своих небогатых фронтовых запасов.

Борлова запричитала:

— Ой, что ты!.. Тебе еще столько идти!.. Возьми, не надо!

— Ва, почему обижаешь? Это для твоих внучек. Возьми, мама, прошу тебя, возьми!

Рота покидала село. Две маленьких внучки Борловой — Лида и Света, едва поспевая за пехотинцами, провожали Кабрибова до околицы. Перед расставанием он взял их на руки и сказал:

— Запомните, Лида и Светик, я к вам еще приду. Кончится война, и заберу вас к себе. Только ждите меня. Бабушке помогайте и учитесь хорошо.

Есть люди, которые помнят зло. Что ж, иногда это надо уметь делать, хотя таких людей в общем-то жаль.

Есть люди, которые помнят добро. Стыдливо, где-то глубоко в душе носят желание ответить на него, верят в далекий день и ждут его и готовят себя к нему.

Кабрибов участвовал в освобождении Крыма, был ранен под Севастополем. За Севастополь удостоился ордена Отечественной войны II степени, потом сражался в Прибалтике, не раз отличился в боях. В каких бы переделках ни бывал, он помнил свое слово.

* * *

Несколько лет спустя после первой встречи с Кабрибовым я приехал в Баку и увидел его на вокзале с девушкой, мягкий говорок которой выдавал украинку.

— Это Лида, внучка Пелагеи Петровны... Теперь она бакинка. Едет к бабушке проведать ее. Бабушка недавно была у нас, хотим еще раз пригласить...

Хотя немалая у Михаила Нафталиевича Кабрибова семья, он поселил у себя двух девушек из украинского села — Лиду и Свету. Девушки учились в Баку, приобретали профессию, и, как отец, вводил их в жизнь старый фронтовик. Когда-то война помешала ему окончить последний курс техникума. После сорок пятого приходилось с особым старанием и упорством вспоминать старое, наверстывать, приобретать то, что давно б приобрел, не будь войны. Теперь он директор обувного магазина, отличник социалистической торговли.

Идут годы... У Михаила шестеро детей и пятеро внуков. В его семье два пианиста, два будущих врача, два школьника. Старший сын Ханлар, когда-то робко игравший перед известным композитором, стал хорошим музыкантом — пианистом оркестра Азербайджанского радио и телевидения.

* * *

И еще несколько строк, которые могли бы послужить эпилогом к фронтовой корреспонденции в «Комсомольской правде». Когда-то давно Михаил мечтал разыскать военкора Ивана Давыдова, который написал о защитниках высоты 115,2. Разыскал, наконец. Живет Давыдов в Рязанской области, работает в газете. Михаил показал его письмо: «Сколько поднимается из глубин памяти! Ведь мы там оставили свои лучшие годы, молодость, здоровье».

Написал Кабрибов военкору о том, что Пелагея Петровна Борлова была награждена Почетной грамотой Верховного Совета Азербайджанской ССР «за мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны в тылу врага при спасении бежавшего из фашистского плена раненого советского офицера». Написал о том, что высота 115,2 названа высотой Одиннадцати героев и что скоро установят на ней монумент.

Не так давно пригласили Кабрибова в рабочий поселок Клетский, близ которого сражался он. Встретили как друга, провозгласили почетным гражданином. Ездил Михаил в Узбекистан, где встретился с одним из защитников высоты — Абдурахманом Ирдановым, — тоже чудом остался живым в том бою. Сердечные слова привета прислал Кабрибову Герой Советского Союза генерал-полковник И. Чистяков. Много писем приходит в Баку, на улицу Щорса, из разных городов страны. Отовсюду, где живут те, кто когда-то помогал Михаилу. И кому помог он.

...Русский генерал, нарушая обычаи кавказского застолья, произносит первый тост за хозяина дома.

Виктор МУРАТОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОСЛЕДНИЙ

Утром весь состав комендатуры выстроился во дворе виллы Марии. Выходит подполковник Крупенин, здоровается с нами, а потом читает приказ Верховного Главнокомандующего Сталина. В нем такие слова: «Войска 1-го Белорусского фронта, под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта, под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии». Еще подполковник Крупенин сказал, что 30 апреля отравился Гитлер.

Завтрак был необычный в этот день. Всякой вкусной еды полно. Даже графины с вином на столе стоят: подполковник Крупенин разрешил. Он и сам сегодня сидит с нами за столом, произносит тосты. И все пьют, кроме меня. Для меня в отдельном графине клубничный сок.

Вообще этот день какой-то необычный. Солдаты добродушные, чуть-чуть задумчивые и немного хмельные.

В городе тоже очень весело. И мирно стало. Совсем недавно, 15 апреля, войска 9-й гвардейской армии освободили Санкт-Пельтен, а как будто и не было войны в этом городе. Почти все жители, которые убегали от Красной Армии, вернулись в свои дома. У подполковника Крупенина с каждым днем все больше забот становится. По всяким важным и неважным делам идут к нему местные жители, и пленных с каждым днем все больше проходит через комендатуру. Я на снимке в газете видел пленных, которых взяли наши войска под Сталинградом,— очень кислые у них лица были. Сейчас совсем другие пленные — улыбаются весело, чувствуют, что отмучились. По всему видно: скоро конец войне.

В Санкт-Пельтене уже магазины работают, улицы очищаются от битого кирпича и стекла. Даже театр приглашает афишами на свой спектакль. А тут еще весна такая, как у нас в России лето.

Почти всю неделю мы с Петей Зозулей неразлучны. Он всюду тащит меня за собой: на патрульную службу, на занятия по огневой подготовке, за город, и на политинформациях сидим рядом.

Особенно смешно получается на огневой подготовке. Я стреляю по мишеням из мелкокалиберного пистолета. В подвале виллы Марии нашли целый ящик мелкокалиберных винтовок и пистолетов. Пистолеты странные на вид — длинные, с причудливыми деревянными рукоятками. Мне все время хочется выстрелить из своего «вальтера», но патрон всего один, и я терплю. Поцелиться из «вальтера» Петя разрешает. Я вынимаю из обоймы патрон, целюсь в мишень, палец на курок. Выстрела нет, щелчок только. И то ладно.

А в свободное время Петя Зозуля учит меня управлять мотоциклом.

Я думал, это — трудное дело. Чепуха! Почти так же, как на велосипеде. Особенно на скорости мотоциклом управлять вовсе легко. Правда, один я еще не езжу на мотоцикле, сзади Петя сидит, чуть что — за руль хватается. И еще в свободное время мы с Петей ездим к портному — шьем мне форму.

Вообще, на моей форме все помешались. Мне уже сшили офицерский китель, брюки навыпуск, фуражку, туфли желтые Петя где-то раздобыл. Так мало им этого. Собираются вечером в казарме, совет держат, чего бы мне еще сшить. Решили казачью, чтобы брюки с лампасами были. А потом ефрейтор Самохин предложил морскую форму мне сшить.

— Только ж где черной материи взять? Вот закавыка. Может, из нашей солдатской перешить да покрасить в черное?

Рядовой Ампилогов в сторонке сидит, слушает. Он вообще какой-то притихший стал, сторонится всех, даже ко мне не подходит. А тут, когда о морской форме заговорили, встает, уходит из казармы и скоро возвращается со свертком.

— Вот,— говорит,— может, подойдет.

Он передает сверток ефрейтору Самохину. Тот разворачивает и пожимает недоуменно плечами.

— Фрак это,— поясняет Ампилогов.— На брюки хватит.

Все рассматривают диковинку, смеются, советуют Ампилогову примерить фрак. Тот обижается:

— Зазря отказываетесь. Материалец отменный — кастор.

— Гляди-ка, что знает Ампилогов. Кастор. А может, касторка?

Рядовой Ампилогов сворачивает фрак, головой качает:

— Эх, вы! Думаете, Ампилогов — деревня, так, серость, быдло? Кое-что знаем. Не без роду-племени. Это потом Ампилоговы наша фамилия стала. А дед-то был Антилопов. Дворянское звание имел. Жесткий был дед, а людей любил. Сам жил и людям помогал. Шесть сыновей имел. Да не в него пошли, в купечество ударились. Потом на Урал подались. Мой батя на месте остался. В двадцать девятом все хозяйство колхозу отдал. А все одно кулаком сочли.

К чему все это рассказывает рядовой Ампилогов, не пойму. И другие, наверное, не понимают, переглядываются, перемигиваются. Ампилогов уходит, но от порога еще бросает:

— Кое-что знаем. Не лыком шиты.

— Да-а-а, братки,— тянет ефрейтор Самохин.— У каждого своя жизнь скоро начнется. Это в войну мы все вроде бы одинаковые солдаты, и забота у всех одна, и дела одни — врага колотить. А вернемся домой — у каждого свое. Да-а, скоро домой. Аж не верится, что каюк войне. За четыре года в скольких переделках был! Разве ж думал, что доживу до победы? А вот дожил. Накось, фашист, выкуси. Моя Андреевна пишет: весна ноне на Хопре дружная. Вернуться бы домой эдак к утру, затемно еще. Котомку с плеч, Андреевну под руку, удочки прихватить. Рыбачка она у меня заядлая. А зорьки у нас, на Хопре, боже ты мой! А голавли! Я голавля брать люблю — упругая рыба. Возьмешь из воды, блестит на солнце — серебро!

Петя Зозуля не спорит с ефрейтором Самохиным, ко мне обращается, но так, чтоб все слыхали.

— Эх, оказаться бы сейчас в Одессе, мама родная,— мечтает вслух Петя Зозуля.— Махнуть в Аркадию. Боже, боже, что там за море! Ты видел, Артем, Черное море? Не видел ты Черного моря? Так что ж ты тогда видел? Ничего ты тогда прекрасного не видел. И каштанов одесских ты не видел.

Я хотел сказать, что видел Европу, но Петя опередил меня.

— Скажешь, Европу видел? А что в ней, в Европе? Разве в ней есть такая Дерибасовская, как в Одессе? Или, скажем, оперный театр. А ты найдешь в этой Европе таких людей, как в Одессе? Ха! Три раза ха! Ладно, Артем, не кисни. Еще посмотришь Черное море. А пока за неимением моря махнем в бассейн. Вчера в городе бассейн начал работать. Лужа, конечно, но что поделаешь.

...Ничего себе, лужа! Огромный бассейн с голубой, прозрачной водой. Это так кажется, наверное, оттого, что и дно и стенки бассейна голубым кафелем выложены. Особенно я обрадовался, когда вышку увидел. Прыгать я люблю. Как только плавать научился, так и прыгать начал. Откуда придется: с крутого берега, с баржи, с моста. В Ростове сигали с шестнадцатиметрового моста. Вниз головой, конечно.

Здесь вышка метров пять, не больше. Я раздеваюсь и прямиком туда. Не так-то просто. Пацанов австрийских полно на вышке, по очереди прыгают. Так себе прыгают, больше «солдатиком». Ни одного приличного прыжка. Стою покорно, очереди своей дожидаюсь. Сам думаю: сейчас увидите, как надо прыгать. Сначала «ласточкой» сигану, потом «козликом», потом «щучкой». Жаль только, сальто крутить еще не научился, а то бы...

Я прыгаю «ласточкой». Неплохо получилось, хотя давно не прыгал. В воду чисто вошел. И Петя Зозуля похвалил мой прыжок. Петя лежит на песке, загорает, лицо газетой фронтовой «Вперед!» накрыл. Я рядом ложусь. Песок горячий — приятно. А лицо я не прикрываю, только глаза зажмуриваю от солнца. Зачем прикрывать лицо? Пусть загорает. Я люблю, когда лицо темное становится от солнца, правда, брови у меня тогда совсем белые делаются. Я думал, Петя уснул. Нет, бубнит из-под газеты:

— Разве это солнце? В Одессе солнце — это солнце. В этой Европе и солнце бледное какое-то, не наше солнце.

Потом Петя откидывает газету, закуривает. А я так прищуренным глазом смотрю на газету и капитана Пожарского вспоминаю. Молчит что-то мой знакомый корреспондент. И вдруг вижу стихи. Черным шрифтом напечатаны, очень четко вижу. Я хватаю газету, читаю. Мои стихи! Мои!

Я капитану Пожарскому больше стихов давал, а напечатаны только четыре строчки. И то под стихами нет моей фамилии. Стихи напечатаны в середине какой-то заметки. Под ней подпись: капитан А. Пожарский. Как же так? Я хватаю газету, читаю заметку. Она называется «Письмо юному другу».

«Здравствуй, мой юный друг Артем!

Не знаю, куда занесла тебя фронтовая дорога, поэтому обращаюсь с открытым письмом. Стихи твои понравились в редакции. Пусть их читают наши отважные бойцы:

Товарищ, прошли вы немало пути.
Товарищ, победа близка!
Нам надо скорее к победе прийти.
Спешите на запад, войска!

Выполнил я и вторую просьбу — нашел твоего друга Ваню Сабуренко. Но должен тебя глубоко огорчить: нашел слишком поздно. Ты пишешь в стихах: «Спешите на запад, войска!» Твой друг Ваня Сабуренко

Из повести «Мы убегали на фронт».

ЧАС ВОЙНЫ

спешил на запад вместе с кавалеристами капитана Третяка.

Ты пишешь: «Товарищ, победа близка!» Да, над фашистским логовом — Берлином гордо реет наше красное знамя. Победа, к которой в жестоких боях шли наши славные войска, уже совсем близка. Но не придется увидеть Ване Сабуренко этот светлый и радостный день. Двенадцатилетний красноармеец воспитанник Ваня Сабуренко совсем недавно был смертельно ранен в схватке с фашистами и умер на руках своего командира капитана Третяка.

Ваню похоронили со всеми почестями, как отважного бойца. Ты можешь гордиться своим другом. Он действовал, как настоящий разведчик.

Капитан А. Пожарский».

Я не верю своим глазам. Погиб Иван! Погиб, как настоящий разведчик! Петя еще раз вслух читает заметку.

— Как же так? — тихо говорит он.— Неужели без пацаненка не могли обойтись в той схватке? Черт бы вас побрал, лезете в самое пекло.

Я не отвечаю. Я пытаюсь представить эту схватку с фашистами, пытаюсь представить смертельно раненного Ивана. Не могу. Передо мной его большие черные глаза, немного удивленные и всегда добрые. Я вспоминаю село Ладное, когда отдал он сестре свою корову Дамочку. А в кишиневской комендатуре мы с ним поссорились... Похоронен со всеми почестями, как отважный боец. Где похоронен?

Этот вопрос у меня вслух вырывается.

— Узнать нетрудно,— отвечает Петя.— Завтра в Баден еду. Вместе поедем. Редакция газеты при штабе. Разыщем этого капитана...

Утром после завтрака Петя Зозуля говорит:

— Едем. Через полчаса будь готов.

А чего мне готовиться? Я цепляю пистолет на пояс. В зеркале совсем другой человек на меня смотрит. Про Эмилию вспоминаю, иду во флигель садовника. Эмилия хочет пистолет посмотреть — не даю. «Бахбах!» — говорю. Потом объясняю гордо:

— Их комен нах Баден. На мотоцикле, ферштейн? — Руками показываю, как управлять мотоциклом буду.— Тра-та-та-та. Нах Баден.

...Управляет мотоциклом Петя Зозуля. Я сижу на заднем сиденье, крепко держусь за специальную скобу, обтянутую ребристой резиной. Мощный «БВМ» выносит нас за город, и тут на широком шоссе Петя начинает показывать класс. Он включает самую быструю скорость, прибавляет газ. «Держись!» — кричит и пригибается к рулю. Мотоцикл мчится с бешеной скоростью. Хорошо бы мне вперед смотреть, да глазам больно: встречный ветер бьет по ним и выдавливает слезы. Правда, прищурившись, можно недолго смотреть. Интересно, когда сближаемся с встречной машиной. Сначала крохотная точка показывается и вот все увеличивается, увеличивается, уже видать, что машина. Ближе, ближе и крупней, кажется, всю дорогу занимает, и свернуть некуда. Сейчас, вот сейчас врежемся... Я глаза зажмуриваю от страха, но только грохот проносится мимо, как взрыв, и опять тишина, даже рокот нашего мотоцикла первое мгновение не слышен. На ровных участках дороги, если не видно впереди машин, Петя вообще с ума сходит. Он бросает руль и разводит руки в стороны, как крылья. Я обхватываю Петю за пояс и кричу ему на ухо во все горло:

— Разобьемся! Возьми руль! Разобьемся!

Петя в ответ хохочет. Я успокаиваюсь, когда встречная машина показывается или дорога делает поворот: Петя за руль берется.

А дорога начинает все больше петлять и почти незаметно подниматься. Петя сбавляет скорость, я удобнее усаживаюсь на сиденье и теперь могу спокойнее смотреть по сторонам.

Все кругом зеленое. Только извилистая лента дороги серая да небо голубое. Конечно, если внимательнее присмотреться, то можно различить темно-коричневые стволы дубов и буков, цветастые ковры на полянах, белесые клочки облаков над далеким изломанным горизонтом. Горизонт внезапно приближается и резко громоздится вверх. Это совсем уже близкие горы. Дорога извивается, стиснутая густым лесом, в котором все чаще попадаются темно-зеленые ели и бледноватые пихты.

Петя оборачивается, кричит:

— Видал красотищу? Альпы! Теперь до самого Карла в гору ползти будем.

Я не видел Карла, но Петя иногда рассказывал об этом старом лесничем. Его дом стоит на самом перевале, почти на полпути от Санкт-Пельтена до Бадена. Петя всегда делает остановку у Карла. «Молочко,— говорит,— отменное у Карла. Парное, на альпийских травах...»

С полчаса еще ползем мы в горы. Наконец дорога становится пологой. Петя прибавляет скорость, и мы внезапно подкатываем к острокрышему, очень аккуратному домику, спрятанному в лесу на крохотной лужайке. Петя останавливает мотоцикл у изгороди, сигналит три раза и выключает мотор.

Я представлял Карла пожилым, могучим и кряжистым, как дуб. Все же в лесу жить не шутка, зверья всякого полно. А калитку открывает нам сухопарый, сгорбленный старикашка ростом чуть выше меня. На нем клетчатые штаны, заправленные в гольфы, зеленая куртка, отделанная кожей, на голове зеленая шляпа с пером, а в зубах длинная глиняная трубка.

— О, Петер! Гутен таг, Петер! — шамкает Карл.

— Бите шен, бите шен.

Петя вкатывает мотоцикл во двор, ставит его на упор, снимает перчатки, жмет Карлу руку, кивает в мою сторону:

— Артем. Кляйне солдат.

— О! Кляйне зольдат? Гут. Фарен нах Баден? Гут.

Мы не входим в дом, усаживаемся под навесом, сплетенным из ивовых прутьев. Летом навес устилается диким виноградом. Сейчас по нему ползут темные лозы-жгуты с редкими, чуть распустившимися листочками. Сидим мы на высоких дубовых чурбаках. Карл здорово их приспособил вместо стульев. И стол чудной: на пне лежит широкий дубовый диск — стол.

Карл три кружки приносит. Кружки глиняные с крышками на петельках, небось, в каждой по литру. Я удивляюсь:

— Откуда у Карла пиво здесь, в лесу?

— О-о, Артем. Они тут все без пива жить не могут. Карлу из Вены привозят. На дрова меняет.

Карл из нашего разговора разобрал только «пиво».

— Гут пиво. У-ум-ц,— причмокивает он от удовольствия после каждого глотка.

Я тоже отхлебываю и с трудом глотаю горькую жидкость. И как это они жить не могут без этой жидкой хины? С меня довольно. Я отодвигаю кружку. Петя с Карлом наблюдают за мной, перемигиваются.

— Молочко парное на альпийских травах? — ехидничаю я в ответ.

Карл опять понимает только одно слово.

— Молочко? Гут молочко. Айн момент, кляйне зольдат.— Карл встает и кричит в сторону дворовых построек: — Грета, Грета!— И нам тише:— Айн момент.

Карл уходит, а Петя отхлебывает еще пива, говорит мне:

— Мировой мужик этот Карл. Наш мужик — антифашист. Пошли, Артем, красотищу покажу. Вроде весна еще, а что Карл устроил!

Мы выходим со двора, пересекаем тропинку и входим в лес. Здесь лес редкий и кажется прозрачным. Резкий запах хвои смешивается с легким, приторным запахом травы и цветов. Петя выводит меня на поляну, красную от маков.

— Специальные сорта достает. И вот — начало мая, а маки цветут.

Поляна небольшая и заканчивается крутым обрывом. Я не летал на самолете, но, наверное, с воздуха земля видится так же, как с этой поляны. Внизу петляет извилистая лента дороги. Из леса дорога выравнивается и, стрелой рассекая редкие деревушки, устремляется до далекого горизонта. А земля, изрезанная на разноцветные клочки, похожа на лоскутное одеяло. Коегде возвышаются холмы с темными древними замками.

Мы садимся на пригретую солнцем траву.

— Вот куда занесло нас, Артем. Красиво? — Не дождавшись моего ответа, сам себе: — Красиво.

Петя достает сигарету, долго мнет ее в пальцах, вздыхает.

— Так посмотреть — красиво, а жить... Года не прожил бы я в этой Австрии. Не наша эта красота. Чужая. Человек может спокойно жить только на своей земле.

— А если привыкнешь?

— Нет, Артем, привыкнуть к чужбине нельзя. Есть такая болезнь — ностальгия. Душа сохнет от тоски по родине. Я видел в Одесском порту матросов, которые возвращались из дальних плаваний. Теперь я знаю, почему они становились на колени и целовали гранит. Они целовали родную землю... Ты знаешь, Артем, если бы меня спросили, как я люблю Одессу, я бы встал на колени и поцеловал приморский гранит.

Петя размечтался. Не видел я его таким. Об Одессе своей он, конечно, всегда твердит. Но Одесса — это еще не вся родина. Есть мой родной Ростов, есть село Ладное — родина Ивана Сабуренко, и есть еще много других городов и сел в России. Я говорю об этом Пете, и он соглашается со мной.

— Это так,— говорит Петя,— но любовь к России у меня начинается с Приморского бульвара... Теперь уже скоро увижу Одессу. А ты в Кировоград к матери?

— Наверное. Хотел в суворовское.

— Толковое дело.

— А разве их не закроют после войны? Ведь армию распустят.

— Армию?

— А с кем воевать? Американцы за нас, англичане...

— Не за нас, Артем, а против Гитлера. За нас они никогда не будут. Тоже скажешь, армию распустят. Сожрут с потрохами. Проведаешь мать — жми в суворовское, дело говорю. Ну, пошли, ехать пора.

На ходу Петя срывает несколько алых маков, подмигивает мне.

Это он для Греты цветы сорвал. Я думал,. Грета — жена Карла, оказалось — внучка. Светловолосая девушка лет семнадцати. Она провожает нас до дороги, улыбаясь, машет красным букетиком.

— Поднажмем? — кричит Петя.

Теперь поднажать нетрудно. За перевалом дорога ведет вниз. Тут Петя руль не бросает, потому что поворот за поворотом.

Километров десять от Карла отъехали, и тут раздались выстрелы. Откуда-то сверху, из леса, полоснула автоматная очередь. Пули взвизгнули по асфальту. Петя резко тормозит. Я чудом удерживаюсь на сиденье. Снова строчат автоматы. Их уже несколько. Петя пытается развернуть мотоцикл, но вскрикивает и валится на меня. Из-за Петиной спины я с трудом достаю до руля.

— Назад, назад давай,— тихо говорит Петя.

Я не знаю, что делать. У Пети на левом бедре расплывается темное пятно. Нога обвисла и волочится по асфальту. Мотоцикл еще идет метров двести, потом глохнет. Я прислоняю мотоцикл к крутому откосу, перетаскиваю Петю на заднее сиденье, завожу мотоцикл и включаю скорость. Стрельба продолжается, но мы уже за поворотом, и пули не достают нас.

— К Карлу,— шепчет Петя.— Не выдержу...

Я тоже не знаю, выдержу ли. Руль вырывается из рук, машина делает такие зигзаги, что кажется, вот-вот сорвемся под откос. Петя навалился на меня, обхватил руками. Но руки его слабеют. Хотя бы продержался до Карла.

...Карл услыхал рокот мотора, выбежал навстречу.

— Фашисты! — кричу я.— Там фашисты!

Карл помогает мне довести Петю до дома. Он озабоченно озирается, кивает мне в сторону кирпичного сарая с островерхой крышей. Чердак увешан березовыми вениками, в углу навалены хворостяные маты, валяются бочки. Карл укладывает Петю на маты, загораживает бочками.

— Жми, Артем... Поднимай людей. За меня не волнуйся... Карл поможет. Быстро жми... Быстро...

Глотая слезы, я выбегаю во двор, завожу мотоцикл и поддаю газа. Километров тридцать от Карла до Санкт-Пельтена. Скорее, скорее! Слезы мешают смотреть вперед. Не разбиться бы. Вот дорога выходит из леса. Теперь можно прибавить скорость. Только бы не ушли немцы.

По городу я мчусь, не сбавляя скорости на перекрестках. Чем ближе к комендатуре, тем отчетливее слышна стрельба. Стрельба и крики. Неужели в городе немцы? Но деваться мне некуда, жму напропалую.

Возле комендатуры столпотворение. Солдаты палят в воздух из автоматов, винтовок, пистолетов, ракетниц — из чего только можно палить, палят. Кричат «ура», обнимаются, целуются. Рядовой Ампилогов на гармошке своей саратовской наяривает, а ефрейтор Самохин барыню с лейтенантом Багричем отплясывают. Меня увидели — навстречу бросились. Не разобрались, в чем дело, подбрасывать вверх начали. Ефрейтор Самохин обнимает меня, целует.

— Победа, сынок! Победа! Каюк войне! Ты понимаешь, сынок, каюк проклятой войне!

— Там фашисты. Петя ранен,— сдавленным голосом говорю я, и слезы опять текут сами по себе.

— В ружье! — кричит лейтенант Багрич. А зачем «В ружье»? Оружие при каждом.— По машинам!

Пока из гаража выводят «студебеккеры», я быстро объясняю подполковнику Крупенину, что произошло в Альпах.

— Видать, группа небольшая,— думает вслух подполковник.— Иначе бы вам не уйти.

Через несколько минут три машины, крытые тентами, мчатся за город. Я сижу в кабине передней машины рядом с Крупениным.

— Догадаются, сволочи, уйдут,— досадует подполковник.— На двоих напали, ясно почему, а нашу группу заметят — скроются. Ищи их в горах.

— А почему на нас напали?

— Хорошо, что ушли,— отвечает подполковник.— Иначе несдобровать бы вам. Мечутся, как волки в загоне. Им нужно знать, где легче пройти к американцам, где наших войск меньше.

— Так бы мы им и сказали.

— Верю, сынок, но погибать обидно в День Победы.— Крупенин умолкает, всматривается вперед.— Далеко еще?

— Километров десять от лесника.

— Уйдут, гады.

Все по-другому получилось. Перед домом Карла по нашим машинам полоснули автоматные очереди. Машины встали. Солдаты повыпрыгивали из машин, рассыпались в цепь, залегли в кювете. Я плюхаюсь рядом с Крупениным, достаю «вальтер». Но мой боевой пыл охлаждает подполковник:

— Не высовывай носа. Здесь лежи.— Остальным подает команду:— Короткими перебежками! В обход идти! Вперед!

Как бы не так, стану я лежать в этом кювете, когда Петя Зозуля на чердаке раненный! Может быть, его нашли фашисты!

К дому со стороны дороги прорваться невозможно. Даже солдаты прижались к земле. У немцев и пулемет оказался. Чуть кто из наших шевельнется — длинная очередь. Так никого не подпустят к дому. Сами уйдут в лес под прикрытием пулемета. А Петя? И его могут захватить с собой! Я ползу вдоль кювета к изгороди, где залег подполковник Крупенин.

— Ты чего тут? Замри!

— Надо в обход, через поляну.— Дыхание перехватило, и сердце колотится. Даже своих слов не слышу.

— Через какую поляну?

— Через маковую. Я знаю.

— Ладно, веди. Ужом. Ужом ползи.

Ползти страшно трудно. Я уже порвал свой офицерский китель, колени изодрал. Крупенин за мной ползет, а за ним человек десять солдат. Немцы в нашу сторону не стреляют, потому что со стороны дороги наши огнем их отвлекают. Через тропинку бы перемахнуть, там место почти голое. Перемахнули. Теперь через поляну даже в рост можно к лесу. Деревьями от дома скрыта поляна. От дерева к дереву перебежками. Залегли у ограды. Штакетник невысокий, каждый легко перемахнет. Но ждет подполковник, когда все подтянутся.

Я выбрал кустик, залег и выглядываю из-за него во двор. Видать, не все немцы еще в бою участвуют. Некоторые из дома выбегают. Заросшие, грязные, они жуют что-то и, озираясь, как воры, жмутся к стенам, прячутся за крыльцом, некоторые ползут к лесу.

— Остаешься здесь. Во двор не суйся! — приказывает подполковник Крупенин и, подняв вверх руку с пистолетом, кричит:

— Вперед! Ура!

Тут такое началось, что я в первую секунду прижимаюсь лицом к траве и закрываю глаза. Проходит мгновение, а возле меня уже никого нет. Во дворе идет бой.

Так и лежать тут? А Петя? Да никто меня и не заметит: сарай рядом с изгородью стоит. Я не стал перепрыгивать через штакетник — под ним прополз. Вот и сарай, лестница на чердак приставлена. Со двора лестницу не видно. Хорошо. Ползу ближе. Вдруг из-за угла сарая выбегает немец. Он быстро озирается. Я прижимаюсь к траве, но разглядеть немца успеваю. Щупленький немец, почти мальчишка. Он без пилотки. Волосы белые и длинные, они падают ему на глаза. Немец привычным движением головы откидывает их назад и выглядывает из-за сарая во двор. Рукава его серой куртки закатаны до локтей. В руках маленький черный автомат, точно такой, как доставал мне когда-то рядовой Ампилогов.

Я крепко сжимаю в руке пистолет. Немец стоит ко мне спиной. Но тут мне становится страшно, внутри все как-то холодеет, и во рту пересыхает. Выстрелить? А вдруг осечка или промахнусь? Ведь всего один патрон. Ни разу не стрелял я из своего «вальтера».

Пока дрожу всем телом в траве, немец уже ухватился за лестницу, на чердак лезет. Там же Петя! Я встаю во весь рост. Немец смотрит на меня удивленно. Я нажимаю на курок, забыв, что надо прицелиться. Немец вздрагивает, потом медленно разворачивается всем телом в мою сторону, одной рукой держится за лестницу, в другой руке автомат. Я оцепенел, так и стою с пистолетом. А немец все смотрит на меня удивленно. Сейчас я различаю, что бровей на его бледном лице совсем не видно. Они под цвет кожи. Немец еще вздрагивает и вместе с лестницей падает на землю.

Я тоже падаю, лежу, не шелохнувшись. Но страх постепенно проходит. Ползу к немцу. Убит он или притворился? Глаза он не закрыл, я видел. Одной рукой о землю опираюсь, в другой «вальтер» вперед выставил. Сам не знаю, зачем.

Немец лежит, раскинув руки. Автомат сразу выронил, а лестницу держит одной рукой и будто к груди прижимает, потому что лестница на него упала. Я пытаюсь оттащить лестницу и не могу, крепко держит ее немец. Глаза его и сейчас открыты. Большие глаза с желтыми ресницами и голубые-голубые. Может быть, этот немец смертельно ранил Ивана Сабуренко? Я встаю, прячу пистолет в карман и обеими руками хватаюсь за лестницу. Немец не пускает. Я приподнимаю его вместе с лестницей, а он все равно не пускает и все смотрит в небо и все удивляется будто: зачем тебе лестница? Оставь.

— Пусти! — кричу я.— Пусти!

И сам уже не могу оторваться от этой

А. КОСАРЬ

ТЫ НЕ ПРЯЧЬ СВОИ СЛЕЗЫ, СОЛДАТ!

Вот и сняли
с учета
тебя, солдат...
И теперь ты
гражданской свободой
богат.
Не тебе
по тревоге
средь ночи
вставать
И Россию
собой
от беды
заслонять.
В честь других
прогрохочет
московский салют.
Остается
тебе
лишь покой да уют.
...Пусть другие,
завидуя,
скажут:
— Богат!..
Ты не прячь
свои горькие слезы,
солдат!

ЗЕЛЕНЫЙ ОГОНЬ

Ползет он по стволам корявым,
где почки беспробудно спят,
и вновь широкие дубравы
зеленой свежестью шумят.

Он пробежит по сухостою,
глядишь — и сухостой исчез,
и юной шелестит листвою
омолаживающийся лес.

Без листьев ветви, словно розги,
жестки, как люди без надежд.
Весна сжигает все обноски,
и вновь веселые березки
в прозрачной зелени одежд.

Надежней друга не ищи ты,
ему уступит и броня,
нет на земле верней защиты
весны зеленого огня.

Не рыжий, ненасытно жрущий
все, что встречает на пути,
а тот, зеленый, всемогущий,
он всей земле велит цвести.

Одесса.

проклятой лестницы. Я не слышу выстрелов во дворе, ничего не слышу, только вижу эти голубые глаза и шершавую жердь лестницы с такими же шершавыми перекладинами. Меня бьет озноб, и я все кричу со страхом и не могу оторвать лестницу.

Наверное, громко кричу, потому что из-за сарая выбегает лейтенант Багрич. Он подбегает ко мне, что-то говорит. Я не слышу и все держусь за лестницу. А она уже в руках у лейтенанта. Багрич трясет меня за плечо, и я различаю его слова:

— Где Зозуля?

— Там.— Я показываю на чердак и сажусь на траву.

Ко мне подходят наши солдаты. Карла вижу с пивной кружкой. В ней вода. Солдаты что-то говорят, хлопают меня по плечу. Я вижу, как с чердака осторожно спускают Петю Зозулю, несут к машинам. Постепенно я прихожу в себя. Во дворе валяются трупы в серых мундирах. Человек десять немцев жмутся в сторонке под охраной наших солдат. Я бегу к машине, в которую уже уложили на сено Петю. Он улыбается.

Нога его аккуратно перевязана бинтами, даже пятна кровавого не видно.

— Будем жить, Артем,— говорит Петя. Он снимает с моей головы фуражку, взъерошивает волосы.— И тебе хватило этой треклятой войны. Напугался? Ничего, солдат. Нако вот.— Петя протягивает мне обойму с патронами.— Бери. Хоть и не сдержал слова, но бери. Заслужил.

— Зачем она теперь?

— Салют в честь Победы дай! Победа, Артем, будем жить!

Не все будут жить. Во дворе на плащ-палатке лежит ефрейтор Самохин. Его окружили солдаты. Молча стоят, склонив обнаженные головы.

— Беда-то какая,— тихо говорит кто-то.— В последнюю минуту...

— Всю войну прошел, а тут...

К подполковнику Крупенину подходит Карл, что-то говорит на своем языке, о чем-то упрашивает. Подполковник выслушивает его и обращается к солдатам:

— Наш друг Карл Зидлер просит похоронить ефрейтора Самохина здесь, в Альпах. Он обещает ухаживать за могилой. Как решим?

Солдаты молчат. Может быть, каждый думает о том, сколько товарищей за годы войны схоронили, сколько могил вырыли и на родной и на чужой земле. Вот и ефрейтора Самохина приходится оставлять. Будут рассветы, будут тихие зорьки и над его родной речкой, над Хопром. Но не встанет уж он на зорьке и не пойдет со своей Андреевной удить серебряных голавлей...

— Чего уж, земля кругом одна, а здесь свой человек все-таки.

Нашлись у Карла и доски и инструмент. Пока он визжал рубанком да колотил молотком, солдаты вырыли на маковой поляне могилу.

Солнце уже скрылось за деревья, когда было все готово. Двор Карла утонул в густых тенях, но солнце еще не село за горизонт. На открытой солнцу поляне, расцвеченные багровыми лучами, пылают маки.

Гроб осторожно опустили в могилу на солдатских ремнях. Первые комья земли грохнули, как отдаленный гром. Я стою рядом с солдатами и вспоминаю, как всего несколько часов назад ефрейтор Самохин отплясывал «барыню» и плакал, радуясь победе. Что-то говорит над могилой подполковник Крупенин. Солдаты вскидывают вверх автоматы, и я вскидываю свой «вальтер» и вместе со всеми стреляю, выпуская в небо все оставшиеся в обойме патроны. Я не слышу салюта Победы над могилой ефрейтора Самохина. Я думаю, что такой же салют был над могилой Ивана.

Мы долго стоим у могилы. На деревянной пирамиде, увенчанной жестяной пятиконечной звездой, еще можно прочитать:

Гвардии ефрейтор
Степан Максимович Самохин.
Пал смертью храбрых в бою с фашизмом
9 мая 1945 г.
Вечная память герою.

Где-то над могилой Ивана Сабуренко стоит такая же солдатская пирамидка...

ВЕРТЕЛИШКИ — КРАСИВАЯ ДЕРЕВНЯ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА.

Молодежная и Юбилейная — так называются новые улицы, а рядом с ними будущий парк, представленный ныне веселыми рядками молодых деревцев. У коттеджей, которые выстроились вдоль улиц, совсем городской вид, и внутри все приметы городских жилищ — планировка квартир, комфорт, мебель. Нарядный Дворец культуры оригинален по архитектуре, приятно смотрится новое здание правления колхоза, и, когда завершат строительство торгового центра и гостиницы, этот уголок Вертелишек будет выглядеть великолепно. Случится это уже в нынешнем году, а в недалеком будущем строители должны сдать еще один детский комбинат, вывести пристройку к Дворцу культуры, где разместятся музей и спортивный зал, и закончить бассейн с пятью дорожками и вышкой для прыжков.

Красивыми становятся Вертелишки — центральная усадьба белорусского колхоза «Прогресс». Совсем иной стала здесь жизнь людей, да и сами люди изменились.

...А с чего все началось! Вернее даже, не с чего, а с кого. Пожалуй, все-таки с Федора Сенько, с председателя.

Федору было двадцать два года в 59-м году, когда избрали его вожаком колхоза «Прогресс». Сельскохозяйственный институт да около полутора лет работы заместителем председателя в другом колхозе, когда еще учился на заочном,—вот и весь трудовой стаж, что имел он к тому времени. Колхоз, где ему предстояло председательствовать, числился в отстающих, и нужно было крепко подумать над тем, как поднять хозяйство.

Поднять хозяйство... Разные председатели вкладывали и вкладывают в это понятие неодинаковый смысл. Одни считают: поднять — значит обеспечить постройками и кормами скот, избавиться от мизерных урожаев, купить побольше машин и в результате увенчать подъем высокими экономическими показателями. Показателями и громкой славой, в масштабе хотя бы районном. Другие — за то же самое, но плюс разносторонняя крепкая забота о быте и культуре. Правда, первые тоже имеют в виду тот «плюс», только когда-нибудь потом. Когда! Над этим вопросом еще не задумывались...

Сенько выбрал вторую позицию, потому что знал примеры, когда в разбогатевших колхозах не на кого было расходовать накопления, не для кого было строить клубы и стадионы, некого было снаряжать в туристские поездки. Молодежь, не чувствуя к себе внимания, уезжала в город, а без молодых все успехи оказывались недолговечными, и подъем через некоторое время оборачивался застоем.

В «Прогрессе» начали, конечно, с производственных дел. Причем Сенько настроился сразу на поиск наилучшей организации труда, понимая, что тут лежат резервы не меньшие, чем в разумном использовании земли и других артельных богатств. И поиск этот продолжается.

Ну, а теперь о том самом «плюсе». В 1963 году в Вертелишках заложили первые колхозные жилые дома. Дома получились добротные, но малоудобные, приспособленные скорее к старому крестьянскому быту. А от него «Прогресс» уходил. И в 67-м архитекторам и проектировщикам «Белгипросельстроя» заказали генеральный план новых Вертелишек с домами городского типа, со всеми необходимыми современному селу службами.

И вот Вертелишки справляют новоселье. Переезжают люди с хуторов, получают квартиры лучшие колхозники, специалисты сельского хозяйства, учителя, медики... А в перспективе сюда «стянут» и Пундишки, и Дворцы, и Тобольскую будку, и Бояры, и Пилюки— деревни, которые сегодня объединяет колхоз.

...Перестройка, новоселья! Дело радостное и само по себе. А вот каково внутреннее содержание этого процесса! Оно интересовало меня больше всего, когда я ехал в колхоз «Прогресс». В памяти всплыл пример довольно давний, но в определенном смысле поучительный и потому крепко запомнившийся.

Однажды я узнал, что некий преуспевающий колхоз заказал для своего клуба картины на большую сумму. Это было ново. И я поехал в тот колхоз. И что же увидел!.. Холодное помещение, пустующие комнаты для кружковых занятий, не очень активно посещаемая библиотека... И большие, написанные маслом картины в дорогих рамах.

К счастью, в «Прогрессе» совсем иначе.

Мы ходили по Вертелишкам с секретарем парткома колхоза Данутой Болеславовной Рамейко и экономистом Виктором Дучеком. Они с жаром рассказывали о том, как живут новые Вертелишки. Во Дворце культуры недавно прошла выставка рисунков сельских ребят — событие небывалое. Во дворце же занимаются ансамбль баянистов, танцевальный коллектив, духовой оркестр. Худо, правда, с руководителями, за ними ездят в Гродно, но то уж не вина колхоза, что при наличии в республике всякого рода учебных заведений — от консерватории до культпросветучилищ — даже передовой колхоз не в состоянии обзавестись квалифицированным музыкантом, хореографом, режиссером.

— Создаем музей,— сообщает Данута Болеславовна.— Уже много экспонатов собрали. Старую Белоруссию представим, Великую Отечественную войну покажем, партизанское движение в здешних местах... Задумали в музее старую хату поставить. Целиком — с прялкой, лучиной, деревянными колыбелями... На фоне нынешних Вертелишек представляете как прозвучит!!

Виктор дополняет рассказ парторга — о традициях, которые складываются в колхозе, о ритуале вручения ключей от новых квартир, о праздниках улиц...

А в школе тоже приятные нововведения. Оказывается, председатель «Прогресса» периодически ведет здесь уроки обществоведения; школьники помогают колхозу и на заработанные деньги во время каникул ездят в Москву, Ленинград, Минск, Вильнюс; ученическая производственная бригада представлена на ВДНХ, а бригадир Женя Сипливеня удостоен медали. И еще вот что: каждый год школьники высаживают на главной улице Вертелишек цветы, а красные следопыты выяснили почти все имена бойцов, похороненных в братской могиле в центре села...

Само собой разумеется, Виктор Дучек не мог умолчать об экономических завоеваниях сельскохозяйственной артели. В прошлом году зерновых собрали по 32,8 центнера с гектара, на 100 гектаров угодий получили по 176 центнеров мяса и 550 — молока. Чистая прибыль составила более миллиона рублей. Отсюда и расчет: если за прошлую пятилетку на жилищно-коммунальное строительство колхоз израсходовал миллион и без малого сто тысяч рублей, то в нынешней сможет истратить по крайней мере в полтора раза больше.

В планах правления вместе с важными заботами о хозяйстве заботы о музыкальной школе, о боевом спортивном коллективе, о создании своей оранжереи. А то вот недавно пришла весть, что Федору Петровичу Сенько присвоено звание Героя Социалистического Труда, так пришлось за цветами в город посылать...

Вот какие они ныне, заботы деревни Вертелишки.

Гродненская область,
Белорусская ССР.

На строительстве жилых домов в колхозе «Прогресс» бригадиром каменщиков работает Дмитрий Завиновский.

Вечером в семье механизатора Олимпия Лукича Веребея. Жена Людмила Степановна, сыновья Олег и Леня.

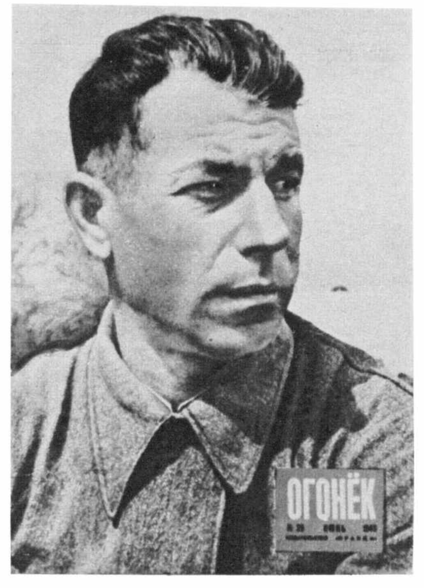

Оркестр баянистов музыкальной студии.

Заведующий животноводческой фермой Виктор Кудырко.

Ира Смольская, звеньевая телятниц. Ее звено передовое на ферме.

Это фотография П. Трайнина на обложке «Огонька» за 1948 год.

СОЛДАТОМ ОСТАЮСЬ

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

В Самарканде отцветали сады.

Цвели сады и в Праге. И хотя шел уже десятый мирный день, не все еще пушки смолкли. Здесь, в чехословацкой столице, злобно огрызались недобитые группы фашистов. И в составе отдельной краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Хмельницкого 150-й танковой бригады 18 мая 1945 года вел свою машину в бой гвардии старшина Герой Советского Союза Петр Трайнин.

А в Самарканде отцветали сады. В четвертый раз с тех пор, как ушел на фронт совхозный тракторист. Много разных земель видел он в смотровую щель танка. Сначала шла своя, родная земля: был тут и Воронеж — родина танкиста, и маленькая деревушка Федоровка на Киевщине, где солдата, уже не раз раненного, принимали в партию, и берега Днепра — за форсирование этой реки он и был награжден Золотой Звездой Героя. Увидел гвардеец Польшу, Чехословакию, Германию. И остался жив.

И в пятый раз отцвели сады, когда вернулся он в свой дом. Оставлял жену с малолетками, а тут потянулись к отцу долговязые подростки. Сыновья. Даже самой маленькой, дочери Вале, шестой год стукнул... Вернулся домой солдат.

В начале 1946 года Петр Афанасьевич Трайнин возглавил совхозных механизаторов. И если о военных подвигах солдата было уже известно немало, то свою мирную судьбу ему только предстояло складывать. А начинать надо было с нуля. Специалистов нет, в общем-то почти нет. Парк машин разбит, да и те, что работают, едва на ходу. Запчастей нет. И все-таки сумел солдат и парк сколотить, и людей найти, и так поставить дело, что уже в будущем, по тем краям очень урожайном, 1947 году весь хлеб удалось собрать. А было его по 25 центнеров на круг, вдвое больше привычных урожаев для тех мест. За это полагалась вторая Звезда. Звезда Героя Социалистического Труда. Теперь они рядышком висят на кителе солдата, и номера их — вот ведь как совпало! — совсем близкие: 1829 и 1823... Обо всем этом уже рассказывал «Огонек» в одном из июньских номеров 1948 года.

Как поживаешь сегодня, солдат?

Остался солдатом, как и был. Но на трудовом фронте. Труд, ученье, снова труд, снова ученье. То, что совсем легко, без головной боли дается в семнадцать лет, в сорок восемь берешь волевым усилием. Петр Афанасьевич вспоминает, как осваивал азы математики. Он, прошедший войну и тяжелые послевоенные годы, и здесь упорно стоял на своем. Троицкий техникум механизации сельского хозяйства (это в Челябинской области), открытый специально для практиков, Трайнин окончил с отличием. А ведь до того имел за спиной всего четыре класса школы в далеком далеке,— так что дело совершил не малое.

Сейчас Петр Афанасьевич Трайнин — старший инженер по сельхозмашинам племенного совхоза имени Ильича на той же самаркандской земле, которая уже сорок лет как стала ему родной. 85 тракторов, 34 автомашины, 20 комбайнов, много плугов, культиваторов, сеялок. И если восемьдесят пять процентов всей этой техники на ходу (остальная — в профилактике)— значит, ты хороший хозяин.

Не молод бывший солдат. Седьмой десяток пошел. В голове уже ни единой темной пряди. Семь внучек любят деда. Две так и трутся возле колен — Таня и Люда. Это дочери младшего сына, Геннадия. В том же поселке живет сын, в том же совхозе работает шофером. Остальные разлетелись по дальним далям. Леонид, старший,— главный инженер геофизической разведки в Казахстане, в Актюбинске. Александр, второй сын,— инженер-строитель, работает в Белгороде, в проектном институте. Стала инженером-строителем и самая меньшая, Валентина. Она в Кировской области. Разметало детей по всей стране. Но все они в сердце солдата. И знает он, что жил не напрасно, и воевал не напрасно, и сейчас трудится с пользой для близких, да и для далеких. Седьмой десяток фронтовику, а люди видят его труд. Ценят, уважают. Делегат XVIII съезда коммунистов Узбекистана, он был избран в президиум съезда.

...Двадцать шестая мирная весна. Разве могут не зарасти за такой срок раны на земле? Но ничто не уходит из человеческой памяти. Не уходит и то добро, которое ты посеял, солдат: освободил свою страну, Европу, одел в камень города, поднял нивы, вырастил себе смену.

...Сейчас в Самарканде уже отцветают сады.

Цветут сады и в Праге.

США ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ

Любопытна история создания этой книги. Известные журналисты Борис Стрельников и Илья Шатуновский решили повторить маршрут путешествия по США своих старших коллег-правдистов, замечательных писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. В дорогу они взяли с собой их книгу «Одноэтажная Америка», которая была написана треть века назад. Какие перемены произошли за это время в США, как сложилась судьба героев книги, чем примечательна сегодняшняя Америка?

Ровно месяц продолжалось их путешествие на автомобиле по дорогам США. Правдисты пересекли страну от океана до океана, проехали почти десять тысяч миль, побывали в двадцати пяти штатах.

Во время путешествия журналисты давали по горячим следам, как говорят, «с колес», репортажи в «Правду» и в «Огонек». Прошло время, и вот теперь газетные и журнальные строки зажили второй жизнью под обложкой книги. Собранные вместе, во многом дополненные и расширенные, они создают картину современной Америки.

Из множества фактов авторы отобрали наиболее значительные и типичные. Персонажи этой книги — бедняки и миллионеры, полицейские и бродяги, студенты и рабочие. Такое сочетание позволяет читателю взглянуть на жизнь Америки с разных сторон.

Журналисты пишут о многом: о дельцах из Голливуда и о трудной судьбе индейцев, о маленьком городе Москва, находящемся в самом центре США, и о молодых американцах, растерянных и тоскующих, потерявших надежду на будущее. Говоря о богатстве Америки, журналисты показывают ее социальные болезни. И одна из них — рост преступности. Чтобы полнее и колоритнее нарисовать картину, правдисты побывали в полицейском управлении семимиллионного Чикаго. В свое время авторы «Одноэтажной Америки» написали главу «Страшный город Чикаго». Журналисты приводят отрывок из нее, тут же сопоставляют данные и комментируют их.

В путевых репортажах Бориса Стрельникова и Ильи Шатуновского чувствуется тонкая наблюдательность, умение осмыслить факты и приподняться над ними, найти запоминающиеся детали. Авторы, которых связывает двадцатипятилетняя дружба, во многом дополняют друг друга. Борис Стрельников — опытный журналист-международник, более десяти лет находится в США на посту корреспондента «Правды». Он отлично знает психологию, быт и нравы американцев. Илья Шатуновский — известный фельетонист, приехал в США впервые и посмотрел на страну свежим взглядом.

Надо назвать и третьего соавтора книги — народного художника РСФСР Ивана Семенова, иллюстрации которого, сделанные с натуры во время его поездки по США, во многом дополняют и расширяют содержание.

Анатолий САФОНОВ

Б. Стрельников, И. Шатуновский. Америка — справа и слева. Издательство «Правда», Москва, 1971.

ПЕСНИ, БЛИЗКИЕ НАРОДУ

Вслед за армейскими певцами, одетыми в военную форму, на эстраде Концертного зала имени Чайковского появляется художественный руководитель знаменитого, дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, дирижер Борис Александров. Легкий взмах руки... Концерт начинается...

Программа ансамбля, посвященная XXIV съезду КПСС и являющаяся творческим отчетом художественного коллектива съезду, включает новые песни советских композиторов, посвященные Коммунистической партии, социалистической Родине и Советской Армии, народу-созидателю...

Чем же интересна новая программа для слушателя?

В ней звучат разные песни, но все они — героические и лирические, маршевые и шуточные — позволяют видеть, что в своем творческом развитии советская песня движется вперед.

Современные песни стали богаче по жанрам, ритмическому своеобразию и тональному развитию. Многие из них поднимаются до больших музыкально-философских обобщений. Большая патриотическая тема одухотворяет произведения Б. Александрова: песню «Ленинская гвардия» (слова М. Хотимского) и финал оратории «Солдат Октября защищает мир» (либретто В. Хабина); песню А. Новикова «Душа народа — партия моя» (слова Л. Ошанина)...

Восхищают удивительная жизнерадостность и гибкость, поразительные контрасты звучания хора от нежнейшего пианиссимо до мощных фортиссимо, тонкость передачи нюансов. Увлекает мастерство Бориса Александрова, талантливого дирижера, вот уже четверть века руководящего ансамблем в благородных традициях выдающегося мастера музыкального искусства А. В. Александрова...

Особенно хороши здесь, конечно, военные песни. «Гей, по дороге» в музыкальной обработке Бориса Александрова позволяет видеть, как на основе простой, незатейливой мелодии времен гражданской войны рождается большая музыкальная картина, воссоздающая романтику тех героических дней...

Тепло встречены и песни, посвященные советским воинам: «Весна сорок пятого года» А. Пахмутовой на слова Е. Долматовского, «Не послужишь — не узнаешь» С. Туликова, текст В. Малкова и другие.

Великолепно прозвучала в исполнении ансамбля «Песня солидарности» В. Соловьева-Седого (слова Г. Плоткина), где блеснули новые грани творчества композитора, любимого народом. А с каким мастерством передано лирическое настроение «Журавлей» Я. Френкеля (на слова Р. Гамзатова, в переводе Н. Гребнева). Ансамбль вывел песню за пределы камерности, полностью сохранив ее задушевность... Великолепно звучит и гражданская лирика, к которой отношу я новые песни о Родине: С. Туликова «Сын Отечества» (на слова В. Лазарева), Б. Терентьева «Нет России другой» (текст Е. Синицына), а также прекрасные песни ушедших от нас композиторов «Еще не кончилась война» В. Мурадели и «У стены коммунаров» А. Островского...

Разные по музыкальным ритмам, драматические по содержанию, все эти песни полны патриотизма и любви к Родине.

Успеху концерта наряду с хором и оркестром (дирижер В. Самсоненко) во многом способствовали талантливые солисты ансамбля: Е. Беляев, А. Сергеев, В. Русланов, И. Букреев, Л. Харитонов, Б. Шемяков, В. Черных, В. Шкапцов...

Надо полагать, что большинство новых песен ансамбля станут такими же популярными в народе, близкими народу, как и все, что до сих пор отбирали в свою программу талантливые мастера.

Сигизмунд КАЦ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото Е. Умнова.

ВСЕМ, КОГО ИНТЕРЕСУЕТ КИНО

Широта охвата полувековой истории советского кино, глубина творческого анализа, взыскательность и объективность разговора о лучших, всякий раз неповторимых, несхожих работах крупнейших художников, составивших живые этапы этой истории... Такова в главных своих чертах новая книга Ал. Романова «Нравственный идеал в советском киноискусстве», только что выпущенная в свет издательством «Искусство».

Многопроблемность, разносторонность содержания не делает его «пестрым», думается, потому, что автор книги, каких бы явлений вчерашнего или нынешнего кино он ни касался, всюду отстаивает четко обозначенную им в названии позицию. Высота нравственного идеала была и остается основой основ советского кино с первых дней зарождения до нынешнего времени, когда всё, казалось бы, разительно изменилось вокруг: жизнь и люди, их отношение к искусству, неизмеримо возросшие творческие потребности зрителей. Однако, как прежде, так и теперь,— доказывает автор на множестве конкретных примеров,— всенародное признание фильму приносит лишь яркое постижение особенностей человеческих характеров, волнующая жизненная и психологическая правда их выявления на полотне киноэкрана.

Справедливо Ал. Романов обращает внимание читателей своей книги на то, что кинематография в нашей стране не только искусство, «но еще и весьма важная отрасль государственной промышленности». А это дает — именно советскому кино — небывалую силу, огромный моральный, политический и экономический размах, освобождая от соображений «бизнеса», оборачивающихся в странах капитала серьезными нравственными утратами порою даже и в фильмах крупных кинодеятелей.

Книга «Нравственный идеал в советском киноискусстве», изящно изданная, богато иллюстрированная кадрами из многих фильмов, не залежится на книжных прилавках, будучи той новинкой, которые идут нарасхват, одинаково интересные и работникам кино и просто его любителям.

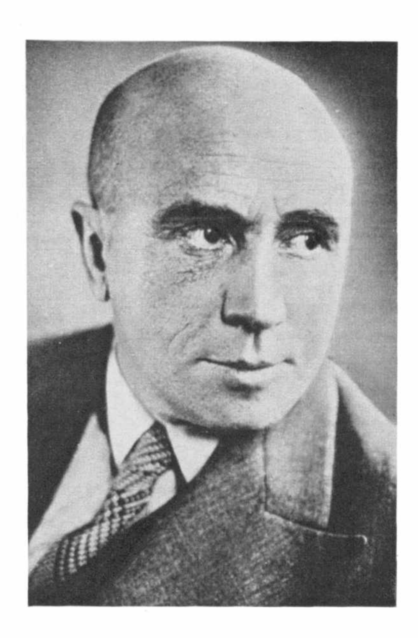
Н. ТОЛЧЕНОВА

АРТИСТ, РЕЖИССЕР, ПЕДАГОГ

К 80-ЛЕТИЮ И. ТОЛЧАНОВА

Никогда не забыть, как мы с Борисом Щукиным пришли в студию на Остоженке, в Мансуровском переулке, и робко ждали в приемной решения своей участи: быть нам артистами или не быть.

Здесь, в студии, среди молодых наших учителей был и Иосиф Толчанов. Высокообразованный человек, эрудит, он пользовался всеобщим уважением и любовью. Мы сразу стали поклонниками артистического таланта Толчанова, таланта острохарактерного, комедийного. В нем всегда удивлял особый дар: во всякой толчановской роли вы неизменно узнавали черты хорошо знакомых, постоянно встречающихся вам людей. Именно так — наблюденно, «подсмотренно» — создавал, брал из жизни своих героев Толчанов.

Немало ярких страниц вписал артист в летопись советского театрального искусства; созданные им роли многому научили и еще научат поколения актеров. Вспомним Бараха в «Принцессе Турандот» Гоцци, старика Магару в «Виринее» Л. Сейфуллиной, Савелия в «Барсуках» Л. Леонова...

...Приходят в театры новые исполнители. Заново осмысливаются события, о которых рассказывают пьесы, возникают новые режиссерские построения спектаклей... Но образ солдата Ивана Шадрина, впервые появившийся на вахтанговской сцене, в погодинском «Человеке с ружьем», в основе своей остается прежним, толчановским... Найденный артистом стержень этого образа не стареет.

Огромная работоспособность, умение владеть своим временем, то есть понимать его, отвечать ему — отличительная черта Толчанова. Как прежде, он занят в спектаклях, играя Максима Максимовича в «Памяти сердца», генерала Епанчина в «Идиоте»; он по-прежнему Барон в «Маленьких трагедиях».

Не ограничиваясь актерской работой, И. Толчанов вместе с А. Поповым, Р. Симоновым, Б. Захавой работал над постановками «Виринеи», «Разлома», «Интервенции», «Фронта»... Много времени и творческой энергии Толчанов отдает воспитанию молодых артистов: он профессор театрального училища имени Щукина.

...Когда постоянно видишься с человеком, то не замечаешь в нем особых перемен. Для нас народный артист СССР Иосиф Моисеевич Толчанов всегда тот же добрый друг, строгий учитель, увлекательный собеседник. И хоть время, глядишь, отсчитало большой путь жизни, все равно это счастливый, полный свершений путь артиста, режиссера, педагога.

Цецилия МАНСУРОВА,
народная артистка РСФСР

ВЫСМЕЯННОЕ МЕЩАНСТВО

На окраине Днепропетровска живет Конопатов — милый, скромный человек лет пятидесяти. И должность у него скромная: заведующий конторой «Вторсырье». Видно, от скромности, природной застенчивости не удалось ему до сих пор покорить ни одно женское сердце, и вдруг случайная встреча на отдыхе перевернула всю жизнь Конопатова. Взволнованно, озабоченно ждет он невесту к себе в гости, и все вокруг тоже деятельно готовятся к этой встрече — сослуживцы и знакомые; из дальнего колхоза едет на «смотрины» сестра... Невеста явилась, однако, с капризной, требовательной мамашей, которой, по всему видно, совсем «не подошел» наш незадачливый Конопатов. Но тут приходит телеграмма из Москвы: нашего героя приглашают в Италию!!! И, разумеется, мамашины капризы сразу прекращаются.

Украинский писатель Микола Зарудный в соавторстве с переводчиком Леонидом Ленчем предложили Театру имени Моссовета комедию веселую, полную острых и неожиданных столкновений. А режиссер Алексей Зубов прочел ее как водевиль. И вот на сцене Театра имени Моссовета появился спектакль с музыкой, песнями и танцами, рассказывающий о наших современниках, людях, с которыми можно встретиться каждый день...

Пьеса называется: «Рим, 17, до востребования». И почти до самого конца зритель не понимает: где же ключ к этому названию? А дело-то, оказывается, в том, что телеграфистка, перепутав текст, пригласила Конопатова не к Виталию, а «в Италию»... И пока все это не разъяснилось, на сцене происходит стремительная, веселая кутерьма, неразбериха, смешное переплетение судеб и характеров...

Предстоящий заграничный вояж вполне примирил было будущую тещу с «неравным» браком дочери... Артистка Н. Ткачева играет роль тещи броско, сочно, подчеркивая нелепую претенциозность самоуверенной мещанки, обывательницы. Ее громкий, повелительный тон, темпераментная суетливость, безапелляционность суждений подавляют окружающих, пока не выясняется, что «поездка в Италию» — это всего лишь лопнувший мыльный пузырь... И все сразу становится на свои места. Клим Иванович Конопатов — его играет М. Погоржельский — и Ольга — эту роль исполняет артистка Э. Ковенская,— счастливы. А мамаша — олицетворение мещанства — посрамлена. И в этом суть спектакля.

Н. ЗЫБИНА

Сцена из спектакля.
Фото В. Петрусовой.

ПОЕТ РАФАЭЛЬ

Успех Рафаэля, совсем еще молодого певца, пожалуй, не имеет себе равных в мире; после победы на фестивале в Барселоне в 1962 году Рафаэль блестяще выступил в Париже. Именно парижские гастроли сделали его имя широко известным.

Наши советские зрители сначала встретились с певцом в кино. Теперь он у нас в гостях.

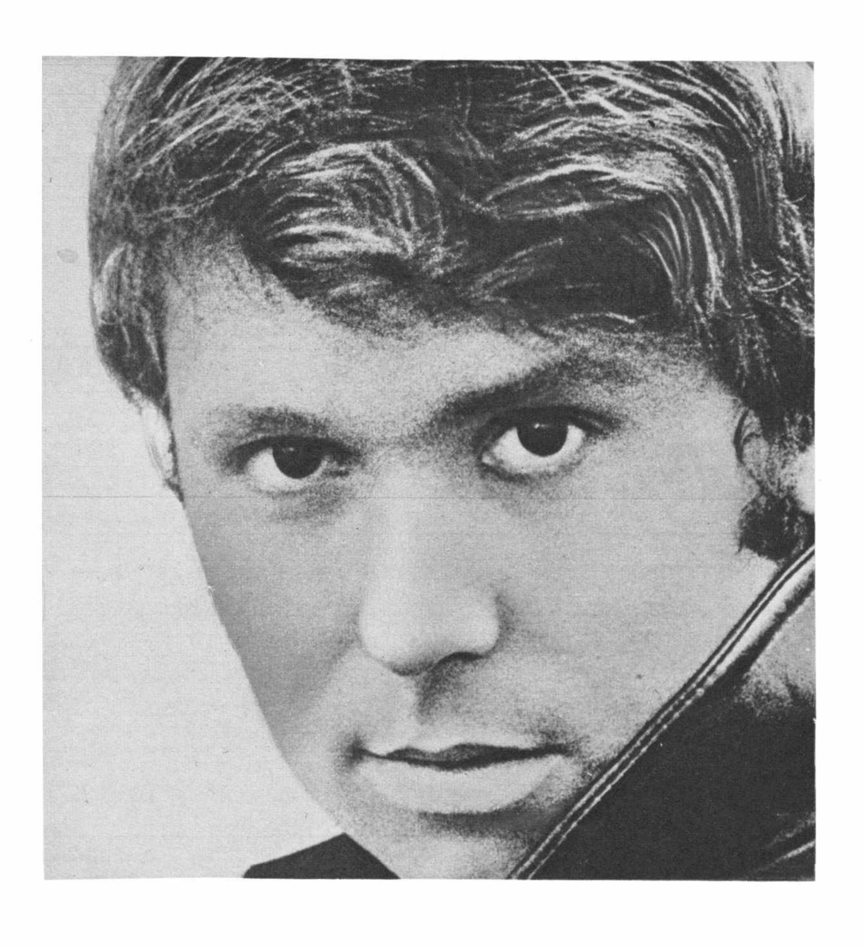
Первыми на концертах Рафаэля побывали ленинградцы. В эти дни ему аплодируют москвичи.

Темперамент, живая и своеобразная манера исполнения — все привлекает в облике молодого артиста.

Пресса справедливо отмечает, что в песнях Рафаэля больше чистого неба, чем туч. Но и для него существуют боль и страдания, угнетение и несправедливость, жестокость и ложь.

— Против воли своих родителей я бросил учиться в 16 лет,— рассказывает Рафаэль.— Отец и мать категорически возражали против моей артистической карьеры. Но я ничего не хотел знать, кроме песен... Когда мои родители привели меня к маэстро Франсиско Гордильо, он отдал мне несколько лет кропотливого труда. Ему я обязан в первую очередь.

Борис ОСТРОВСКИЙ

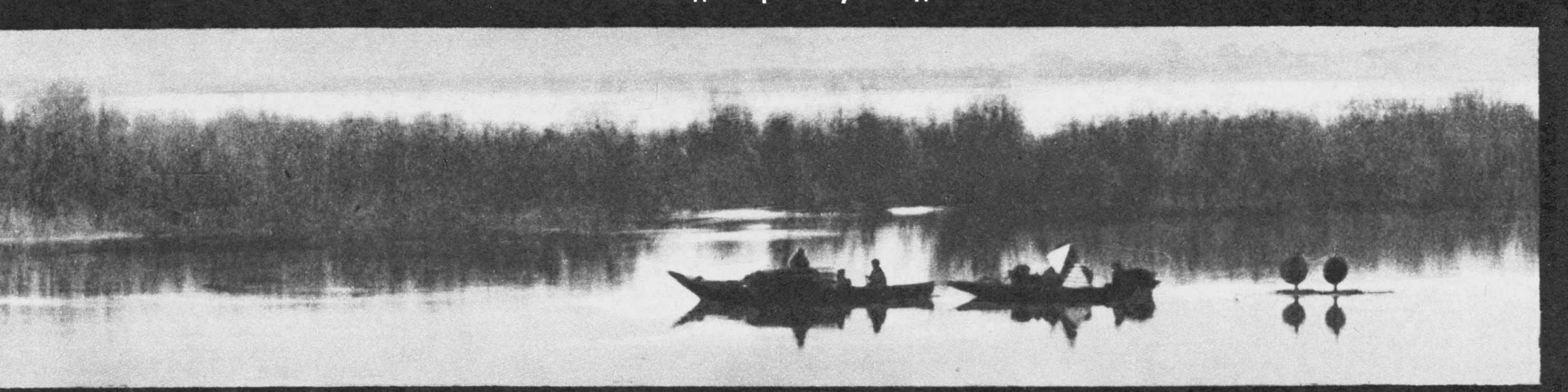

Енотовидная собака почти у цели.

Весна. Половодье. Реки выходят из берегов, затопляют леса и луга. А в верховьях еще идет лед. Перепуганные зверюшки спасаются кто как может. На помощь им приходят люди, вылавливают из воды зайчишек и всякую живность.

ДЕД МАЗА

Здесь прошел уже лед. Развозят бакены.

Кабана переселяют на «большую землю».

Домик затопило.

Помощь пришла вовремя.

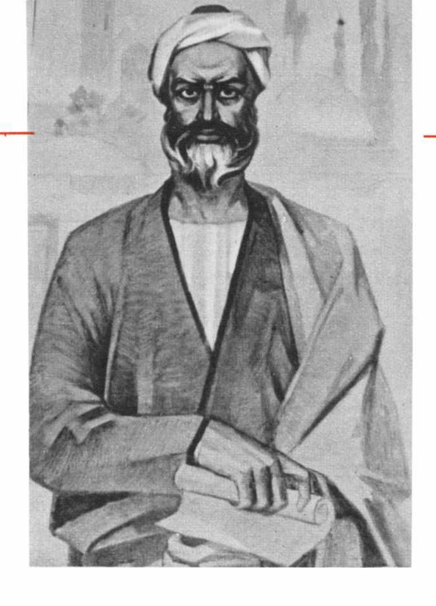

Фото В. ОПАЛИНА.

Й И...

Гуляй, рыжая!

Портрет Хафиза, созданный художником Иваном Лисиковым на основе древних миниатюр.

К 650-летию Шамсиддина Мухаммада Хафиза

ЩЕДРОСТЬ ПОЭТА

М. АСИМОВ, доктор философских наук, профессор

Исполняется 650 лет со дня рождения одного из величайших лириков мира, классика таджикско-персидской поэзии, прославленного мастера газели Шамсиддина Мухаммада Хафиза.

Хафиз принадлежит к блистательной плеяде поэтов Востока, творцов всемирно известной литературы, которая вошла в историю человеческой культуры под именем персидско-таджикской. Она называется так потому, что основателем этой литературы был таджик из кишлака Панджруд Абу Абдулло Рудаки и возвеличил ее перс из Шираза Шамсиддин Хафиз. Эта литература славится именами Фирдоуси, Хайяма, Саади, Джами, Руми и многих других замечательных поэтов, известных читателям всех континентов.

Продолжая многовековые традиции своих великих предшественников, Хафиз обогатил персидско-таджикскую поэзию новыми идеями, мотивами и образами, довел до непревзойденного совершенства классическую форму газели.

Поэзия Хафиза имеет общечеловеческое, вневременное значение. Его имя может быть приравнено к именам Гомера, Пушкина, Гете. Но Хафиз, как каждый из них, был сыном своего века, и творчество его не могло не отразить противоречий его эпохи. Великий поэт жил во времена кровавых походов Тимура, деспотизма местных феодалов, фанатизма духовенства, в эпоху мощных крестьянских восстаний. Моральная атмосфера эпохи отразилась и в поэзии Хафиза.

Хафиз прежде всего лирик, лейтмотив его поэзии — любовь во всей ее сложности и многогранности, с ее радостями и страданиями. Проскальзывающие в стихах Хафиза суфийские ноты — дань времени. Но главное содержание его поэзии составляет любовь, земная человеческая любовь, которая озвучена гражданским пафосом и протестом, потому что, утверждая жизнь, Хафиз не мог примириться с насилием имущих классов и фанатизмом духовенства. Коран запрещает верующим пить вино — Хафиз его воспевает, религия сулит людям в награду за перенесенные страдания блаженство в потустороннем мире — Хафиз ликующе славит радости земного бытия.

Песня, брызнуть будь готова —
вновь, и вновь, и вновь, и снова!
Чашу пей — в ней снов основа —
вновь, и вновь, и вновь, и снова!
Друг, с кумиром ты украдкой
посиди в беседе сладкой,—
Поджидай к лобзаньям зова —
вновь, и вновь, и вновь, и снова!
Насладимся ль жизнью нашей,
коль не склонимся над чашей?
Пей же с той, что черноброва,—
вновь, и вновь, и вновь, и снова!

Всем прелестям рая Хафиз предпочитает зеленый берег реки Рукнабад и тенистые сады Шираза.

Хафиз — поэт-бунтарь. Он нетерпим к гнету, несправедливости и ханжеству. Он смело протестует против деспотического гнета правителей, против лжи и лицемерия духовенства. Объект обличения Хафиза не абстрактные персонажи, как это было у его предшественников, а конкретные носители зла.

Не чуждая болей времени, муза Хафиза чарует своей жизнеутверждающей силой, торжествующей песней добру, любви, человеку. Хафиз гордо воспевает человека, который в своих чувствах и помыслах стоит над всеми предрассудками, кого не могут заставить склонить голову ни судьба, ни религия, ни цари, ни шейхи.

Лирике Хафиза присуща пленительная гармония формы и содержания. Этим покоряет его творчество, захватывает воображение и сердце читателя. По меткому выражению Гете, у Хафиза удивительно сочетаются «дух и слово».

Таджикам Хафиз особенно близок. И не только потому, что писал он на языке родном для таджикского народа. В творчестве поэта люди находили утешение в горе и страданиях. Его стихи были постоянными спутниками жизни таджика от колыбели и до самой могилы, с ними он делил минуты печали и радости. Газели Хафиза вместили в себе огромный многокрасочный мир человеческих эмоций.

На стихи Хафиза сложены многочисленные песни, строками Хафиза приветствуют друг друга при встречах и расставаниях, их поют и цитируют на свадьбах и собраниях.

Хафиз был тончайшим лириком, превыше всего ставившим радости земной любви.

Всему миру известна его газель, которая начинается словами:

Когда красавицу Шираза своим кумиром
изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд и
Бухару.

Эти две строчки породили множество легенд, одну из которых уместно здесь вспомнить.

...Грозный Тимур, захватив Шираз, приказал привести к нему дерзкого поэта.

В запыленной, изорванной одежде предстал Хафиз перед свирепым завоевателем.

Лицо Тимура, его тяжелый взгляд и окровавленная сабля, которую он сжимал в руке, красноречиво говорили об исходе недавней битвы.

— Как смеешь ты,— обратился тиран к поэту,— распоряжаться моей столицей?

— Что делать, о повелитель!— ответил Хафиз невозмутимо, склонившись в смиренном поклоне.— Расточительность — мой порок. Видишь, до чего довела меня моя щедрость.— И он провел руками по своему рубищу.

Тимур ожидал всего: раболепных извинений, смиренной мольбы о прощении, но не спокойной иронии человека, знающего цену преходящей славе, завоеванной в пожарах войны.

Все замерли. Грозный завоеватель, не найдя слов, отбросил саблю в угол зала и, хромая, вышел.

Да, Хафиз имел право распоряжаться городами. Они воистину принадлежали ему, ибо он был властелином людских сердец, а эта власть сильнее власти страха, который насаждают оружием смерти тираны.

Много подражаний породили эти две строчки поэта. Джами и Мирза Галиб, Гете и Фет, Боденштедт и Даумер отдавали дань восхищения щедрой силе любви, высказанной в поэтическом шедевре Хафиза. Этой хафизовской темы коснулся и народный поэт Таджикистана Мирзо Турсун-заде.

Наследники Хафиза стали не только преемниками его бунтарской лиры, высокой музыки его стихов, но продолжателями гордого, жизнеутверждающего хафизовского гуманизма, воплотившими в широких поэтических полотнах идеи свободолюбия, равенства, братства.

Истинная поэзия не знает границ. Слава Хафиза распространялась все дальше и дальше, в разные страны, к разным народам.

Уже в XVII веке, почти через 250 лет после смерти поэта, газели Хафиза стали известны Европе. С восторгом о нем писали известный английский путешественник Томас Герберт и знаменитый итальянский гуманист Пьетро делла Валле. Последний в письме, датированном 27 июня 1622 года, сообщал о Хафизе как о замечательном лирике, равном Петрарке. С первого приобщения к поэзии Хафиза Европа была ошеломлена глубиной и поэтической красочностью его стиха. Открывая Хафиза, европейская публика открывала для себя душу Востока, и это открытие значило не меньше для культурной жизни мира, чем великие географические открытия XV века.

В течение последующих столетий стремительно ширится поток переводов из Хафиза на разные языки: славянские, английский, немецкий, французский, итальянский и другие. Слава Хафиза еще громче звучит и на Востоке — его переводят и ему подражают многие арабские поэты.

Величайшие мастера мировой литературы Пушкин, Гете, Байрон, Гюго, Мицкевич и другие черпали вдохновение в стихах Хафиза. Кому не знакомы чарующие мелодии пушкинских строк:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!

Мотивы эти взяты из Хафиза. Пушкинские подражания великому классику Востока органически вошли в русскую литературу.

Но, пожалуй, в наибольшей степени поэзия Хафиза созвучна творчеству великого немецкого поэта-гуманиста Гете. Им особенно близки темы любви, радости и печали, большой человеческой дружбы. У Гете есть целый поэтический цикл в его «Западно-Восточном диване», который так и носит название — «Хафиз-Намэ». Гете и Хафиз пели о дружбе, мечтали о всемирном братстве людей.

Гете писал, что лучшая награда для поэта — благодарность потомков. Хафиз, как никто другой, был награжден этой высшей мерой человеческой признательности.

Сегодня мы вправе говорить о большом счастье подлинно народного поэта Шамсиддина Мухаммада Хафиза, чьи мудрые строки пережили века, покорили страны и народы. Его газели будут вечно благоухать, как розы его любимого Шираза.

ДОБРОГО ПУТИ «СОВРЕМЕННИКУ»

Итак, жизнь «Современника» началась!

Перед нами первая книга нового российского издательства — однотомник вешенского кудесника слова, чей праведный голос с такой удивительной силой уже пятое десятилетие раздается с берегов тихого Дона.

Я вижу доброе предзнаменование в том, что запевным обращением новорожденного издательства к миллионам читателей стала книга Михаила Александровича Шолохова, вобравшая в себя три ярких и не менее мужественных, всемирно известных произведения — главы из романа «Они сражались за Родину», рассказы «Наука ненависти» и «Судьба человека».

Вышла первая книга, значит, состоялся день рождения нового издательства. А на день рождения обычно приходят гости. Немало их собралось на таком празднике и в «Современнике» — писателей, журналистов, редакторов, фотокорреспондентов...

— Сегодня мы отмечаем день рождения издательства «Современник»,— сказал председатель Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Н. В. Свиридов.— Очень символично, что рождение нового российского издательства совпало с работой XXIV съезда КПСС. С трибуны съезда была оглашена впечатляющая цифра — более шести с половиной миллиардов. Такое количество книг было издано в нашей стране за годы от XXIII до XXIV съезда партии. Советский народ самый читающий в мире. Молодое издательство преодолело первые трудности и уже набирает силы.

Директор издательства «Современник» писатель Юрий Прокушев поделился планами, рассказал о книгах, которые будут выпущены в ближайшие годы.

Большая, благородная ответственность лежит на «Современнике». Это российское издательство принадлежит тысячам писателей, живущих в РСФСР, пишущих на десятках языков народов Федерации. Мне пришли на память знаменательные слова М. А. Шолохова, услышанные из его уст ровно одиннадцать лет назад, в апреле 1960 года. Хорошо помню, разговор шел о творчестве писателей областей, краев и автономных республик Федерации.

«Взглянем на литературную карту Советской России,— говорил Михаил Александрович.— Не только в Москве и Ленинграде — на Дальнем Востоке, на Урале, в Сибири, на Дону и Кубани, на Волге, на Тереке живут писатели, чьи книги известны читателям всей страны. Оружием правдивого художественного слова они служат партии, своему народу. И не по штампу прописки в паспорте оценивают читатели вклад того или иного писателя в литературу. Не может быть деления на писателей столичных и областных».

И далее: «...Читатели ждут от писателей нового слова о современности... Слово, добываемое писателем... каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя».

Как уместны сегодня эти слова, как они созвучны целям и задачам «Современника»! Думается, что новый издательский коллектив пойдет курсом народности и партийности на стремнину нашей удивительной современности. Пусть в издательстве выходят книги с высокими идейно-художественными достоинствами, ярко и правдиво рассказывающие о трудовой, творческой, духовной жизни народной России.

Надо полагать, что молодые издатели будут стремиться найти свое лицо. Впрочем, оно уже проглядывает в их планах и наметках. Несомненно, представляют общественный интерес задуманные издательством прозаические книги таких серий, как «Библиотека российского романа», «Новинки «Современника», «Наш день» (небольшие по объему, «карманные» произведения), «Первая книга», «Отдельные издания». А вот основные серии поэтической редакции: «Библиотека поэзии «Россия», «Российская поэма», «Первая книга в Москве»...

В «Современнике» будет самая большая в России редакция национальных литератур. Здесь увидят свет книги татарских, чувашских, кабардинских, балкарских, чеченских, бурятских, калмыцких, адыгейских, дагестанских писателей, литераторов всех других народностей России.

Главный редактор «Современника» писатель Андрей Блинов сказал, что «Современник» предполагает до конца текущего года выпустить примерно еще тридцать книг, а в 1972 году — сто пятьдесят.

...Новые издатели вместе с многочисленными приветствиями получили и такое лаконичное письмо от автора первой книги «Современника»: «Благодарю всех сердечно, крепко обнимаю, по возможности, тоже всех. Все мы — и вы и я — взволнованы, а тут тронут понастоящему один я... Ваш М. Шолохов. 12 апреля 1971 года».

Доброго пути «Современнику»! Пусть он верно служит родной литературе, советскому народу!

Михаил АНДРИАСОВ

В НАСТУПЛЕНИИ

Делегат XXIV съезда КПСС писатель А. Чаковский в своем выступлении верно заметил: «К сожалению, мы, работники идеологического фронта, нередко в борьбе с антикоммунистической пропагандой ограничиваемся преимущественно разоблачением ее лживой сущности, так сказать, отпором. А постоянный наш долг, помимо этого, заключается в том, чтобы как раз их, наших классовых врагов, всегда ставить в положение обороняющихся».

Публицистическая книга А. Чаковского «Блаженны ли нищие духом?» состоит из статей, в разное время опубликованных автором в журналах и газетах.

Идеологическая борьба между миром социализма, завоевывающего все новые и новые позиции в социальной жизни человечества, и миром капитализма, стремящегося сохранить, а при возможности и снова расширить свои позиции, основанные на эксплуатации человека человеком, не только не затихает, но и каждодневно углубляется. Лобовые атаки на социализм и социалистические государства успеха, как известно, не принесли. Взломать силой оружия двери социалистического дома не удалось. Главным средством подрыва стали идеологические подкопы, отравление душ человеческих, коварные методы пропаганды, основанные на лжи, дезинформации. Статья «Блаженны ли нищие духом?», помещенная в начале сборника и давшая ему название, разоблачает один из методов буржуазной идеологической диверсии, творцы которого утверждают, что идеология вообще перестала владеть умами людей, что безразличие к любым формам идеологии стало якобы характерной особенностью духовной жизни послевоенного общества. Нет никаких объективных закономерностей, время философов и мыслителей ушло навсегда. Только прагматизм, экзистенциализм, признающие лишь конкретную ситуацию, отрицающие самую возможность научного, философского прогнозирования, имеют право на существование. Примат Ничто над всем сущим! Восхваление нищего духа, как веления времени!

«Блаженны ли нищие духом?» — спрашивает автор и доказывает, что блаженство это не только эфемерно, но, более того, имеет явственно выраженную диверсионную направленность — подорвать идеологию наступающего социализма, веру в светлое будущее человечества, расстроить ряды бойцов. Обнаружив духовную пустоту буржуазных идеалов, апологеты капиталистического строя стремятся прикрыть собственное идейное убожество утверждением, что идеология (конечно же, имеется в виду прогрессивная) вообще не нужна. Много ли найдется у нас людей, готовых клюнуть на эту удочку! Думается, что немного. Но тем не менее, как правильно утверждает автор, «наша цель — добиться того, чтобы не было ни одного человека с «вывихнутым» сознанием», ибо, «собственно, в этом и состоит одно из проявлений гуманизма нашего общества».

Свою статью «Социализм и свобода печати» А. Чаковский начинает словами: «Каждый, кто наблюдает сложные коллизии идеологической борьбы на современном этапе, не может не заметить парадоксального на первый взгляд явления: наиболее активные сторонники империалистического строя объединили свои высокооплачиваемые усилия в требовании... свободы печати для социализма». Опекунов и советников в этом вопросе в самом деле хоть отбавляй — тут и «Голос Америки», и «Би-Би-Си», и немецкие реваншисты, и заокеанские ястребы, и «Таймс», и «Нью-Йорк таймс», и «марксоидные» экзистенциалисты, и китайские антисоветчики, и католические проповедники — всякой масти по паре, сущий Ноев ковчег. Откуда такое усердие и такая заботливость о социалистической печати? Все понятно: наши враги очень хотели бы, чтобы социалистические газеты и журналы не помогали бы строительству социализма, а, напротив, подрывали бы это строительство, выступали бы против основных социальных устоев советского общества. Вот тогда бы ее объявили и свободной и независимой и воспевали бы ей «осанну». Короче говоря, звание «свободной» наша печать из уст капиталистических апологетов может получить ценой предательства.

Статьи сборника «О свободе — мнимой и подлинной», «Интеллигенция и антикоммунизм», «Писатель в современном мире» поднимают важные вопросы современной идеологической войны. Автор бичует тех наших зарубежных «благодетелей», которые подвергают нападкам социалистический реализм, желая, чтобы он для их удобства превратился в реализм без идеалов, без идейной направленности, разоблачает коварную теорию конвергенции — «наведения мостов» между капитализмом и социализмом.

Последний раздел книги посвящен молодежным темам, вопросам коммунистической нравственности.

Итак, блаженны ли нищие духом? Блаженны ли те, кто утверждает нищету духа как необходимость бытия, кто уходит в сторону от классовой и идеологической борьбы, кто призывает к сознательному дезертирству с поля боя, кто зовет к высокомерному равнодушию в кипящей борьбе, к житию в башне из слоновой кости?

Евангельское положение гласит: «Блаженны нищие духом, яко тии бога узрят. Блаженные зрят своего бога». Имя ему — капитал, Молох!

Но блаженны ли они?

Ник. КРУЖКОВ

А. Чаковский. Блаженны ли нищие духом? Издательство «Молодая гвардия», 1970.

ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

СНОВА В СТРОЮ!

Дни в «пансионате святого Антония» тянулись медленно, заполненные тревогой, тоской по партийной работе, по товарищам. Наконец однажды под вечер Карпинского вызвали в канцелярию тюрьмы. В комнате со сводчатым, тяжелым потолком он увидел Семашко.

Чиновник департамента юстиции и полиции кантона Женевы объявил, что за отсутствием улик и недоказанностью обвинения, а также истечением срока предварительного заключения дело прекращено.

Распахиваются одни, вторые и третьи окованные двери. Раздвигаются ворота. Они на свободе. Но, видимо, никто из товарищей не знает об их освобождении. Перед тюрьмой пустынно. Лишь вдоль старинной каменной стены прохаживается часовой. Он даже не удостаивает взглядом выпущенных на волю.

Уже вечер. Карпинский и Семашко торопятся в город. Дробно стучат подошвы по булыжнику. Удивительно, но сам воздух здесь, на свободе, совсем иной, чем даже в открытом ветрам тюремном дворе. У площади Плен де Пленпале они, на прощание обнявшись, расходятся — Семашко спешит домой к себе, Вячеслав Алексеевич — к себе, на бульвар де-ла-Клюз: он живет в доме, где находится большевистская библиотека имени Куклина.

Дом погружен в темноту. Ни полоски света не пробивается сквозь деревянные ставни. Значит, Ольги нет...

Вячеслав Алексеевич вставляет ключ в замочную скважину. И тут только видит белеющий на двери листок, прикрепленный кнопкой. Карпинский чиркает спичкой и, ладонью оберегая от ветра огонек, читает. Объявление на дверях библиотеки извещает всех членов женевской секции большевиков, что сегодня в 6 часов вечера в помещении кафе «Ландольт» состоится очередное заседание.

Карпинский смотрит на часы. Уже без малого восемь. Но он еще может успеть. До «Ландольта» не больше четверти часа быстрого шага. Подходя к кафе, Вячеслав Алексеевич увидел спешащего навстречу Николая Александровича. В «русскую комнату» они вошли вместе. Владимир Ильич, что-то с жаром говоривший в этот момент, досадливо обернулся к двери и замолк на полуслове. Весело улыбнулся и захлопал в ладоши. И все другие товарищи тоже захлопали.

Карпинский и Семашко вернулись в строй. Но предстояла напряженная борьба за судьбу остальных товарищей. Добиваться их освобождения Ленину было труднее: в руках у полицейских властей улики — билеты русского банка.

В Стокгольме, в тюрьме, томится Ян Мастер, член большевистской цюрихской секции. Владимир Ильич связывается со шведскими социал-демократами. Шведы готовы помочь, однако им тоже необходимо подтверждение, что Ян — социал-демократ и в момент тифлисского «экса» находился в Швейцарии. В Цюрихе — засилье меньшевиков. Они ведут себя так же подло, как и бернские в отношении Семашко. «Меньшевики уже подняли тут гнусную склоку,— с возмущением пишет одному из эмигрантов Надежда Константиновна.— Устраивают тут такие гнусности, что трудно даже верится. В Стокгольме взят с 500 (рублевыми.— В. П.) билетами парень-латыш, член цюрихской группы. Русское правительство требует его выдачи. Выдача его русскому правительству означает выдачу на пытки. В дело вмешиваются шведские с.-д., они только требуют, чтобы местные с.-д. удостоверили, что парень с.-д. и не принимал участия в тифлисском деле. Казалось бы, это обязанность не только с.-д., но всякого сделать, так как парень действительно с.-д. и все время жил в Цюрихе. И вот Мартынов поднимает агитацию, что не следует иметь ничего общего с мошенниками, и группа (в большинстве состоящая из меньшевиков) **отказывается** подтвердить всем известный факт, чтобы помешать выдаче латыша русскому правительству. Сволочь?»

В ужасных условиях находятся трое товарищей, заточенные в тюрьмы Германии. Они пытаются протестовать против жестокого режима, объявляют голодовку.

И опять же «товарищи» меньшевики готовы на услуги департаменту. «Местные меньшевики тоже ведут агитацию за то, чтобы группа отказалась дать удостоверение в том, что Равич, Богдасарян и Ходжамирян с.-д. и живут давно уже в Женеве,— рассказывает в последующих строках вышеприведенного письма Крупская.— Адвокат приписывает этому удостоверению решающее значение».

Необходимо предпринимать решительные меры. И Владимир Ильич направляет обстоятельное письмо Камилю Гюисмансу, секретарю Международного социалистического бюро, одному из старейших деятелей рабочего движения, уже неоднократно помогавшему русским социал-демократам:

«Дорогой товарищ Гюисманс!

Товарищ Исецкий (Salomon, Rue Goppart 78, Bruxelles) Вам, вероятно, уже сообщил, что три русских товарища, члены Российской социал-демократической рабочей партии, Сара Равич, Ходжамирян, Богдасарян, арестованные несколько месяцев тому назад в Мюнхене, находятся в условиях чрезвычайно...[1]

...что они протестовали голодовкой (по-немецки Hungerstreike, [я не знаю], можно ли сказать по-французски «протестовать голодовкой»).

Их адвокат, немецкий социалист Бернгейм, нам пишет, что абсолютно необходимо доказать, что арестованные являются членами социал-демократической партии. Я ему послал **свое официальное заявление,** констатирующее, что арестованные являются членами нашей партии. Но он считает, что моего заявления недостаточно и что необходимо иметь подтверждение Международного социалистического бюро.

Я надеюсь, дорогой товарищ, что Вы...

...чтобы свидетельство, констатирующее, что три лица, арестованные в Мюнхене, являются членами социал-демократической рабочей партии, было подписано представителем или же секретарем Международного социалистического бюро, а его подпись была заверена нотариусом. Товарищ Исецкий (Salomon) перешлет это свидетельство в Женеву...

Примите, дорогой товарищ, мой братский привет.

Вл. Ульянов (Н. Ленин)».

Дальнейшая судьба этого обращения Ленина к Гюисмансу и сам текст ленинского документа были неизвестны. И вот теперь письмо одного из товарищей-большевиков, адресованное Крупской и обнаруженное в личном архиве Карпинского, дало исчерпывающий ответ сразу на оба вопроса. Привожу письмо полностью:

«Брюссель, 23.V. 08.
Дорогая Надежда Константиновна. Только что покончил со всеми этими делами по поводу мюнхенских товарищей. Бегать пришлось массу. Все устроилось как можно лучше. Выслал экспрессом в 4 ч. дня на имя адвоката свидетельство, копию которого прилагаю. Я просто перевел удостоверение Ильича. Посланное мною свидетельство за подписью «Камиль Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро», на печатном бланке Бюро и подпись Гюисманса засвидетельствованы в hotel de Ville, приклеена гербовая марка и т. д. Словом по всей форме. Не пишу больше — очень устал: бегал целый день. До понедельника письмо придет в Мюнхен...

К сожалению я очень стеснен в средствах, а поэтому расход по этому делу со свидетельствами в 2 fr 80 cnt отнес за счет 20 fr, оставленных мне Ильичем».

Далее автор письма приводит копию документа, которым секретарь Международного социалистического бюро Камиль Гюисманс удостоверяет, что трое русских товарищей, арестованных в Мюнхене, являются членами Российской социал-демократической рабочей партии.

Даже если судить по постскриптуму письма из Брюсселя, то можно понять, как ничтожны были финансовые возможности большевиков, как приходилось учитывать буквально каждый сантим. И в то же время документы, найденные в архиве Карпинского, лишний раз показывают, что большевики, Ленин не останавливались ни перед какими расходами, чтобы помочь попавшим в беду товарищам. В одном из найденных в ивовой корзине писем мюнхенского адвоката к Эмилю Николе — редактору социалистической газеты «Le Peuple Suisse» — говорится:

«Я прошу Вас написать мне, нет ли у м-ль Равич друзей в Женеве. В этом случае мне хотелось бы информировать этих людей, что я готов взять на себя защиту м-ль Равич... В этом случае я прошу их друзей прислать 500 франков...»

Вячеслав Алексеевич сохранил бланки расписок адвоката в получении требуемых сумм — на 530 и на 250 франков. Откуда удалось взять эти деньги? Ответ дают несколько строк из впервые обнаруженного письма Надежды Константиновны. Это письмо было направлено Карпинскому 12 февраля 1909 года из Парижа. В нем Крупская, в частности, писала:

«Дорогой товарищ! Вы, вероятно, получили уже 100 фр. Это на поездку адвокату. Когда будут еще предстоять расходы, сообщите...»

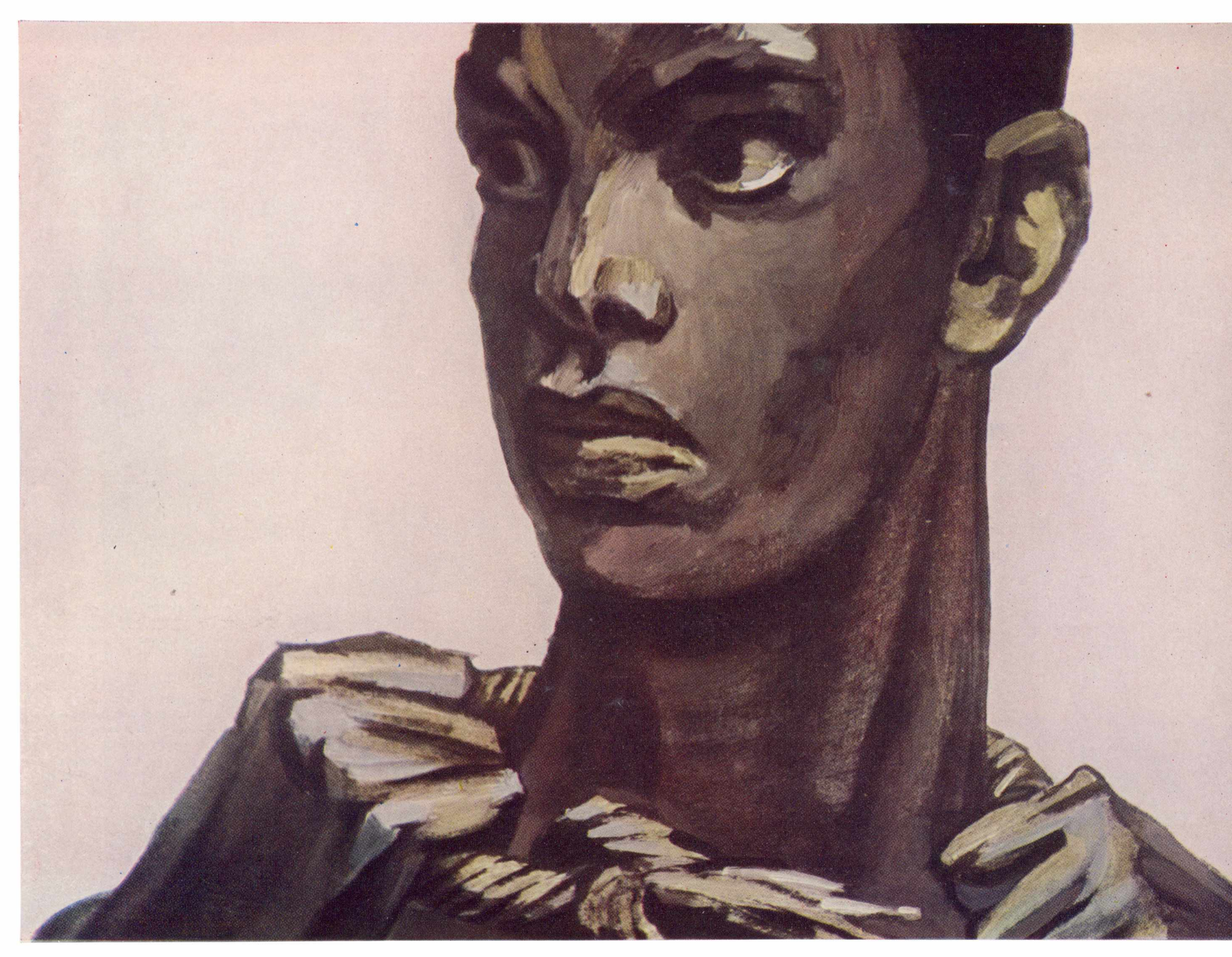
Большевики прилагают героические усилия для спасения товарищей.

Но действует и российская политическая полиция. Гартинг спешит в Мюнхен и оттуда отправляет телеграмму в Петербург:

«Немедленно высылайте требование судебного следователя о привлечении к ответственности Богдасаряна, Ходжамиряна и Равич, она же «Ольга», известная большевичка. Указать, что они привлекаются вследствие соучастия в преступлении, соединенном с многочисленными убийствами, помощи участникам, укрывательстве денег. Здесь полагают, что будут нам выданы».

Но Гартинг не полагается на неповоротливых чиновников в России. Он снова потораппливает:

[1] В 47-м т. ПСС сделана сноска: «Здесь и далее несколько слов не разобраны. Ред.».

Б. Пророков. ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Б. Пророков. КОСТРЫ ЛИНЧА.

«В пятницу истекает срок предварительного заключения, предусмотренный конвенцией с Баварией!»

Директор департамента тоже нервничает. Он ставит в известность Столыпина. Премьер запрашивает министра иностранных дел. Тот уведомляет: «Требование о выдаче русских подданных... направлено Министерством юстиции 20-го числа сего месяца в МИД вместе с постановлением судебного следователя об аресте вышеуказанных лиц. Указанная переписка поступила в МИД сего числа и сего же числа направляется почтою в Мюнхен. По расчету МИД, постановление судебного следователя должно прибыть в Мюнхен своевременно».

Однако и в самой Германии немецкие социал-демократы во главе с Карлом Либкнехтом мобилизуют общественное мнение, добиваясь освобождения русских товарищей. Власти Берлина и Мюнхена, испугавшись политического скандала, не решаются на выдачу арестованных. Но проходит целых полтора года, прежде чем Ольга, Тигран и Миграм выходят на свободу.

Сохранился любопытный документ — недавно он опубликован впервые в 47-м томе 5-го издания Собрания сочинений Ленина,— письмо Владимира Ильича, свидетельствующее о том, как он заботился о дальнейшей судьбе одного из этих трех товарищей:

«30/VII 09.

Дорогой товарищ Гюисманс!

Позвольте рекомендовать Вам подателя настоящего письма, товарища Богдасаряна, члена нашей партии. Этому товарищу, вышедшему из тюрьмы, родственники отказали во всякой поддержке, и он не может больше продолжать занятия в Университете. Он хорошо знает французский язык, и я надеюсь, что Вам не будет затруднительно подыскать ему какую-либо умственную работу.

Заранее благодарю Вас и шлю Вам свой братский привет.

Н. Ленин».

Не менее волнующий документ — письмо Надежды Константиновны, написанное в мае 1909 года и ныне найденное мною в ивовой корзине.

«Дорогие товарищи!

Шлем горячий привет Ольге и другим товарищам. Не ответила тотчас потому, что хотела выяснить вопрос о пособии К. Выяснилось, что сможем послать на лечение 200 fr, каковые и будут высланы на Ваше имя кассиром сегодня или завтра.

Что касается адвоката Эг, то это, конечно, большое нахальство с его стороны и, если он будет настаивать, Эг, надо обратиться к австрийской партии, рассказав подробно, как было дело.

Разрешили ли Ольге жить в Женеве? Мы тут все ворчим на Париж и жалеем, что приехали из Женевы.

Крепко жму руку

Н. К.».

В другом письме, датированном 27 мая, Крупская заботливо осведомляется: «Ольге же, вероятно, надо основательно отдохнуть после сиденья...»

Только благодаря настойчивости Ленина цюрихская секция социал-демократов Латышского края отправила лидеру шведских социал-демократов письмо, в котором подтверждалось, что Ян Мастер — член секции и не мог участвовать в экспроприации, так как в это время находился вне пределов России. И шведское правительство тоже не решилось на экстрадицию. После шестимесячного заключения Ян Мастер (подлинная его фамилия Страуян) был выпущен на свободу.

К сожалению, несмотря на героические усилия, не удалось вызволить на свободу товарища Камо. Читатели, конечно, знают о дальнейшей судьбе этого легендарного человека. Заключенный в тюрьму Моабит, он искусно симулировал сумасшествие, многие месяцы под неусыпным контролем врачей-психиатров мастерски разыгрывал роль душевнобольного, но после двух лет пребывания в тюрьме, а затем — в психиатрической больнице был 4 октября 1909 года тайно передан жандармским чинам Российской империи, под усиленной охраной доставлен в Тифлис и заточен в Метехский замок.

В 1911 году Камо совершил побег из тюрьмы, вырвался на свободу и вновь пробрался за границу. В Париже он встретился с Владимиром Ильичем и с новым партийным поручением вернулся в Россию. В январе 1913 года Камо опять попал в руки полиции. На этот раз, казалось, ничто не могло спасти революционера, четырежды приговоренного царским судом к смертной казни. Но по амнистии в связи с 300-летием дома Романовых смертная казнь была заменена ему двадцатью годами каторги. Из царского застенка отважного революционера освободила революция. Камо принял героическое участие в гражданской войне.

Семен Аршакович Тер-Петросян, вошедший в историю революции под именем Камо, погиб в 1922 году в автомобильной катастрофе.

Но вернемся к полицейскому «Делу о нападении злоумышленников на транспорт с деньгами». Нити его тянулись через годы. Даже спустя пять лет после события на Эриванской площади начальник Тифлисского губернского жандармского управления сообщал директору департамента полиции, что в отношении девяти человек: Равич, Богдасаряна, Ходжамиряна, Яна Мастера, Карпинского, Семашко и других «дело приостановлено впредь до задержания их в пределах Российской империи или выдачи их иностранными государствами». В октябре 1912 года департамент запрашивал одно из своих делопроизводств, нет ли фотографических карточек Карпинского и Семашко, и в разосланной повсеместно ведомости «О лицах, подлежащих розыску по Особому отделу», указывал: «Карпинский Вячеслав Алексеев...— обыскать, арестовать, препроводить в распоряжение судебного следователя по особо важным делам Кавказского военно-окружного суда»,— на что начальник Пензенского жандармского управления, продолжавший держать под пристальным наблюдением всю семью Карпинских, 12 марта 1913 года доносил: «Упомянутый в розыскном циркуляре... в списке А под № 25943 Вячеслав Алексеев Карпинский, по имеющимся у меня сведениям, постоянно и ныне проживает в г. Женеве...»

Так и не дотянулись щупальца жандармского спрута до Ольги, двух ее помощников-студентов, Карпинского, Семашко и других товарищей, оказавшихся связанными с делом Камо.

А чем же завершилась вся эта история с пятисотрублевыми банковскими билетами, захваченными Камо во время тифлисской экспроприации? План царской охранки по захвату большой группы видных большевиков-эмигрантов с треском провалился. Из ста тысяч рублей российской полиции удалось заполучить всего лишь двадцать одну с половиной тысячу. Иными словами, в руках большевиков остались 157 банковских билетов на сумму в 78 500 рублей.

Все эти деньги были израсходованы на партийные цели, на создание подпольных типографий, на закупку оружия для грядущего революционного восстания.

ЖЕНЕВА ИЛИ ПАРИЖ!

В середине декабря 1908 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна переехали из Женевы в Париж.

Сохранились лишь немногочисленные свидетельства о том, в каких условиях начинали жизнь в столице Франции Ленин и Крупская.

И вот в одной из корзин на даче Вячеслава Алексеевича Карпинского я обнаружил несколько писем Надежды Константиновны, а также письма близких помощников Владимира Ильича, посвященные как раз этому периоду.

И опять новыми свидетельствами обогатилась история.

В ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ...

Чем был вызван переезд Ленина из Женевы — традиционного центра русской политической эмиграции — в столицу Франции? В большом городе, как полагал Владимир Ильич, он будет чувствовать себя свободнее, здесь легче избавиться от полицейской слежки. Он стремился вырваться из «тихой мещанской заводи», какой была в ту пору Женева. В ноябре 1908 года Владимир Ильич писал своей матери: «Надеемся, что большой город немножко встряхнет нас всех; надоело сидеть в этом провинциальном захолустье».

Однако главная причина заключалась в том, что после разгрома первой русской революции именно в Париж начали стекаться вырвавшиеся из России большевики, а также меньшевики и эсеры. Именно здесь предстояли самые ожесточенные идеологические схватки. Крупская впоследствии вспоминала: «В Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. О них Ильич всегда вспоминал с тяжелым чувством. Не раз повторял он потом: «И какой черт понес нас в Париж!» Не черт, а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж».

Под присмотром Ленина была перевезена из Женевы и типография центрального органа партии — газеты «Пролетарий». С февраля 1908 года снова стала выходить эта газета. Ее ответственным редактором был Владимир Ильич.

Через несколько дней после приезда в Париж, 29 декабря 1908 года, Надежда Константиновна отправила Вячеславу Алексеевичу первое письмо:

«Дорогой товарищ!

Не знаю, сообщили ли Вам наш адрес. На всякий случай сообщаю Вам его: M-me Oulianoff, rue Beaunier, 24. Paris XIV.

Ну, уж и возня с переездом! Парижане нахвастали, пообещав, что все устроят как нельзя лучше. Тут все страшно дорого и, без большой хозяйственности, всегда выкинуть можно массу денег. С библиотеками плохо. Та русская библиотека, что на бульваре Arago, 17, находится в ведении Имбера и отличается прямо классическим беспорядком. Раза три надо сходить, да и то можно не добиться никакого толку. А при здешних расстояниях — ходить от нас на бульвар Arago, это значит потерять часа полтора-два. Тургеневскую библиотеку еще не видали, но пользоваться ею очень неудобно, постоянно меняются часы.

Впрочем, пока еще не до библиотек. Устройство тут — дело довольно сложное. Пока добьешься, например, газу — проходишь две недели. Холодище в квартирах здоровый. Вообще неустройство.

Под экспедицию еле-еле нашли квартиру, еще стекло не вставлено, работать нельзя. Котляренко совсем с ног сбился.

У меня к Вам просьба. Сделайте заявление на почте, чтобы письма, приходящие на имя A Gutmann, пересылались по нашему адресу. Это деловые письма для одного товарища и он очень беспокоится об их участи. Это должен был сделать Котляренко, но за суетой не успел.

Не знаете ли также, отправлена ли литература в Лейпциг? Там еще ничего не получали и беспокоятся.

Ну, вот и все, кажется.

Шлю привет за себя и Ильича. С наступающим Новом годом!

Н. К.».

Некоторые строки этого письма нуждаются в комментариях.

О парижском жилище Надежда Константиновна позже в своих воспоминаниях рассказывала, что квартира была нанята на краю города, большая, светлая и даже с зеркалами над каминами. «Но эта довольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы «мебели». Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей «приемной» стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности».

Сам Владимир Ильич примерно в те же дни писал сестре Анне в Москву: «...Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montsouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro — подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны».

Строчка, в которой Крупская упоминает о Лейпциге, передает тревогу ее и, конечно же, Ленина за транспортировку нелегальной большевистской литературы в России. Пересылка партийных изданий и прежде всего ленинского «Пролетария» налаживалась с большим трудом: контроль царской охранки на границе стал жесточайшим, транспорты перехватывались. Для организации перевозок Владимир Ильич вызвал в Женеву Осипа Пятницкого — одного из старейших большевиков, еще задолго до первой революции ведавшего пересылкой нелегальной литературы, отправкой партийных товарищей из-за границы в Россию. Теперь, приехав в Швейцарию, Пятницкий попытался наладить транспорты через Львов, но неудачно. Тогда в конце 1908 года он организовал пере-

сылочный пункт в Лейпциге — и на этот раз ему удалось наладить переброску «Пролетария» и других большевистских изданий через немецкую границу.

В следующем из найденных мною писем, датированном 12 февраля 1909 года, Надежда Константиновна писала Карпинскому:

«Живется в Париже плохо. Может быть отчасти от того, что партийные, и, в частности, фракционные дела, неважны.

Ильич все хворает. Взял месячный отпуск и на-днях уезжает отдохнуть — куда еще не знает.

Привет от нас обоих...»

Полные горечи слова февральского письма Крупской о том, что «партийные, и, в частности, фракционные дела, неважны», были чрезвычайно многозначительны — в этот период Ленин развертывал решительную борьбу против ликвидаторов и отзовистов, этих двух оппортунистических групп в РСДРП, пытавшихся ревизовать марксизм. Особая острота борьбы заключалась в том, что отзовисты сгруппировались в самой большевистской фракции.

Напряжение последних месяцев сказалось на здоровье Ленина. Отражение этого — в строках Надежды Константиновны: Ильич захворал и собрался уехать отдохнуть. Действительно, вскоре он отправился на юг Франции, на Лазурный берег, в Ниццу. В марте вернулся, снова возглавил работу в «Пролетарии» и уже в середине месяца выступил перед русскими эмигрантами с речью о Парижской коммуне.

Между тем библиотека имени Куклина оставалась как бы штаб-квартирой большевиков, находившихся в Женеве, и сам Карпинский выполнял многочисленные задания Ленина из Парижа.

В письме к одному из политэмигрантов Владимир Ильич, например, писал: «В Женеве сейчас находится (временно) Иннокентий[1]. Найдите его через Минина (заведующего библиотекой Bibliothèque russe, I. Rue Dizerens) — я адреса Ин. не знаю.»

В одном из ныне найденных писем Крупская обращалась к Вячеславу Алексеевичу:

«В воскресенье или понедельник через Женеву будет проезжать один из наших близких товарищей. Ему надо повидать Плеханова — переговорить об участии этого последнего в комиссии содействия Думской фракции. Будьте добры, узнайте, в Женеве ли Плеханов, и дайте телеграмму на наш адрес: Rue Beaunier, 24, Oulianoff.

Едущий товарищ сможет рассказать вам много интересного. Боюсь, что в воскресенье он вас не застанет. Оставьте ему письмо у консьержки Вашего дома с указанием, где и когда найти. Письмо с надписью A mr Vichnevsky, либо, если это почему-либо неудобно, напишите ему письмо на Post-restante pour Mr W. W.

Ильич шлет привет.

Крепко жму руку

Н. К.».

Среди обнаруженных мною документов имеются и два письма на бланках «Пролетария» от уже упоминавшегося Крупской Д. М. Котляренко, большевика с 1908 года, заведовавшего в Женеве, а затем в Париже экспедицией «Пролетария». 10 мая 1909 года Котляренко писал Вячеславу Алексеевичу:

«Уважаемый товарищ Миннин.

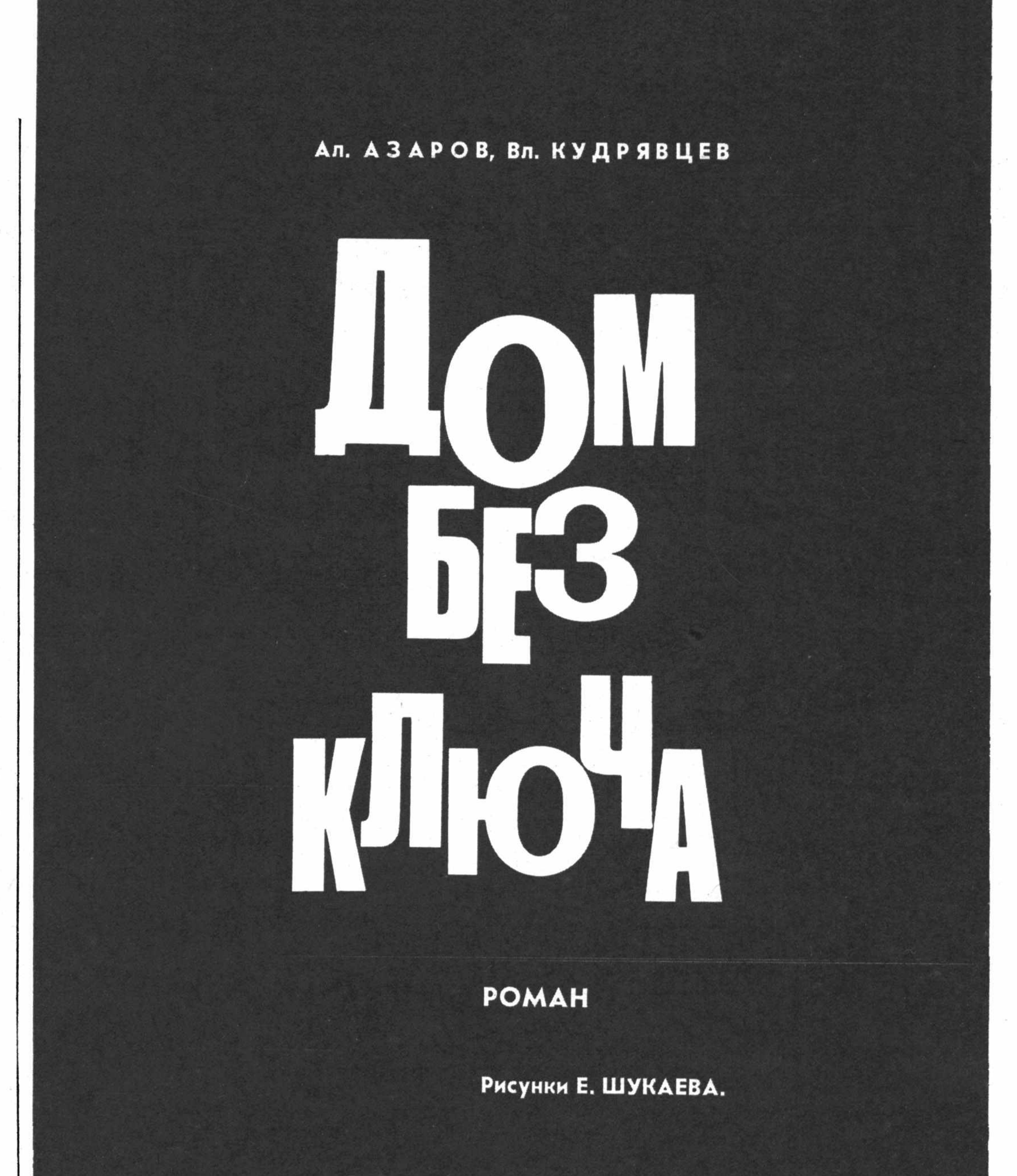
У меня к вам просьба. Дело в следующем: у нас на исходе тонкая бумага газетная, и я занят отыскиванием (в Париже такой бумаги совсем нет); я наводил справки в Лондоне, — там можно приобрести, но надо заказать большое количество и будет готова она не раньше, как через 2 месяца.

Я знаю, что в Женеве на складе бумаги у Mr Lachenel такая бумага была, но не знаю, имеется ли еще и теперь. Будьте добры навести об этом справку. Названия улицы, где помещается этот склад, я не знаю, но это можно узнать в любой писчебумажной лавке, а Николе, наверное, знает... Захватите с собой тонкий № газеты для размера; наш размер 60 × 90. Узнайте, есть ли такой размер, цену его 1, (на месте 2) с доставкой в Париж... Бумага эта мне очень нужна и поэтому устройте это дело возможно скорее».

В следующем письме от 19 мая Котляренко уже благодарит Карпинского за сведения о том, что в Женеве имеется сто тысяч листов бумаги, нужной для выпуска «Пролетария».

(Окончание см. в следующем номере.)

[1] «Иннокентий» — И. Ф. Дубровинский — видный деятель большевистской партии.

3. ИЮЛЬ, 1942. БРЮССЕЛЬ, РЮ ДЕ НАМЮР, 12.

Топить камин летним вечером, когда город задыхается от духоты, может только больной или сумасшедший. Тем не менее человек, сидящий на корточках и тяжелыми, чугунными щипцами разбивающий комки кокса, совершенно здоров. Кокс раскален добела; язычки пламени, острые, как зубья бороны, рвут на клочки и превращают в пепел, в ничто длинные полоски бумаги. Комната наполняется сладким чадом, и запах этот сквозь щель под дверью проникает на лестницу.

На лестнице — трое. Здесь темно и тихо. Старые деревянные ступени, издающие обычно при любом прикосновении длинные скрипы, пребывают в полном покое. И это, несмотря на то, что каждый из троих весит чуть поменьше центнера.

Они стоят уже минут пятнадцать. Парадная дверь легко поддалась отмычке; хозяйку дома заперли в спальне на первом этаже; и даже ступени пока не подвели: впрочем, все трое знали, как следует себя вести на скрипучих лестницах старых деревянных домов.

Сейчас их очень беспокоит запах.

— Что он там жжет? — шепчет один.— Может быть, войдем?

— Тише, Отто!..

Покрытые фосфором стрелки ручных часов показывают 22.05. Тот, кого зовут Отто, беззвучно открывает маленький чемоданчик, прямо поверх пилотки надевает зажим с наушниками.

— Он начинает!..

— ПТХ?

— Сейчас передаст... Да, ПТХ.

Полевой приемник в чемоданчике настроен на волну с идеальной точностью. Частота 10363 килогерца. Все идет прекрасно...

«Все идет прекрасно!» — думает человек в комнате и мягким нажатием пальцев приводит в действие радиоключ. За окном в палисаднике перешептываются листья. Вечер еще не перешел в ночь, он сине-сер и чист, и только небо наливается чернотой. «Я приду к тебе, Мими, тру-ля-ля, тру-ля-ля...» Песенка не мешает работе. Он уже давно научился механически выстукивать текст и думать о своем. В двадцать один год у каждого есть девушка, мысли о которой приходят даже во время сна. Если бы не война, они бы поженились... Если бы не война!

На лестнице Отто изнывает от нетерпения. Под его пальцами — плечо старшего из троих, холодный и шершавый капитанский погон. Если все пойдет хорошо, то не позднее осени такие же погоны получит и Отто. Что скажет тогда фон Модель? Будет ли по-прежнему видеть в нем выскочку из СС или начнет относиться как к равному? Эти господа в армии считают офицеров, перешедших из РСХА[1], вторым сортом и совершенно не понимают, что и те не в восторге от своего перемещения. Если бы не директива рейхсфюрера и не война, то Отто и пальцем бы не пошевелил для смены декораций... Если бы не директива и не война!

У капитана фон Моделя свои заботы. Когда они проезжали площадь перед рю де Намюр, палатка все еще стояла над телефонным колодцем. Она казалась такой неуместной рядом с собором, что Модель забеспокоился. Жильцы особнячка под номером 12 могли присмотреться к ней и заподозрить неладное. Как раз в этот миг из палатки, пятясь, выбрался фельдфебель Родэ в куцей курточке почтового служащего и за откинутым пологом промельknула квадратная рамка пеленгатора... Если гнездо окажется пустым, то Родэ пойдет в штрафную роту!

Зеленая стрелка на часах накрывает цифру «15». В наушниках у Отто Мейснера тишина. Рука надавливает на погон, и Модель нежнейшим движением вставляет в замок отмычку. Плавный поворот, но дверь не поддается; похоже, она закрыта изнутри на задвижку. Модель наваливается на нее плечом и слышит за спиной сопение комиссара Гаузнера. Трухлявое дерево трещит под ударами двух сильных мужчин, каждый из которых думает, что это очень глупо — лезть под пули.

Но из-за двери не стреляют.

Гаузнер, качнувшись, обрушивается на нее всем телом, срывая с петель. Опережая Моделя, врывается в комнату. Пистолет в его руке угрожающе нацелен прямо в грудь тому, кто

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

[1] Имперское главное управление безопасности.

несколько минут назад пел песенку про Мими. Сейчас он не поет. Пальцы его все еще лежат на ключе, и Гаузнер приказывает:

— Руки!..

Лицо радиста кажется розовым, но только с той стороны, которая обращена к камину, другая — бела до голубизны. Он выпускает ключ и даже не делает попыток встать со стула, и Модель понимает, что этот человек — еще живой! — уже мертв. Страх убил его. Модель оглядывает комнату, стол с передатчиком, антенну, конец которой убегает за окно. Примерно то, что он себе и представлял, когда готовился к поездке сюда. Гаузнер доказывал, что радист будет не один и окажет сопротивление, Мейснер поддерживал его, и Модель остался в меньшинстве со своим убеждением, что в особнячке на улице Намюр они не застанут никого, кроме этого парня и хозяйки. Так было в Лилле: два человека, рация, полуобгоревшая бумажка. Никаких намеков на таблицы с шифром. Только в Лилле еще двое прикрывали дом с улицы и, когда их попытались взять, начали стрельбу...

У стены — кресло, и Модель садится, аккуратно подобрав полы плаща. Гаузнер, обогнув застывшего радиста, подходит к окну и сигналит фонариком своим людям на улице. Мейснер ставит на пол чемодан, обшаривает стол. Модель разглядывает его стриженый белесый затылок и молчит. После страха за жизнь, перенесенного на темной лестнице, наступает минута расслабленности и покоя.

Гаузнер ощупывает карманы радиста, ищет оружие. Не найдя, резко встряхивает парня за воротник.

— Вставай, малыш, нам пора...

— Не спешите,— говорит Модель.

Так всегда: СД торопится урвать свой кусок. Но на этот раз Гаузнеру придется подождать: ПТХ и всем с ним связанным занимается абвер. Радист попадет в гестапо не раньше, чем Модель убедится, что компромисс невозможен.

На какое-то мгновение они все, включая Мейснера, поглощенного обыском, забывают, что и у радиста есть свое мнение о происходящем. И как раз мгновения достаточно, чтобы Гаузнер, получив удар головой в живот, очутился на полу, а Модель вдруг ослеп и оглох...

Обморок чем-то похож на сон, и в этом сне Моделя поят расплавленным свинцом. У свинца кислый вкус крови — попади кастет в висок, а не в челюсть, вскользь,— и Моделю не суждено было бы пробудиться. Он сплевывает кровь и ждет, когда растает туман перед глазами. В тумане и радист и Мейснер, прижавший его к полу, кажутся ускользающими тенями. Реальность — боль и стук, отдающийся в ушах. Они отделены друг от друга: боль принадлежит Моделю, а стук порожден Мейснером — рукоятью пистолета он бьет радиста по голове, по залитой багровым макушке...

Модель окончательно приходит в себя.

Радист тоненько вскрикивает и затихает. Мейснер поднимается с колен, пляшущими пальцами заталкивает пистолет в кобуру. Рукава его мундира запачканы мастикой.

— Хотел бежать,— говорит Мейснер, и голос его срывается.

Модель языком ощупывает рот. Боль покидает его, но кровь из рассеченных губ продолжает идти. В палисаднике, всполошенная в кустах, не к месту и не ко времени начинает петь какая-то птица. Радист, держась за голову, садится на полу и, словно Будда, качается из стороны в сторону. Глаза его полны слез; слезы текут на разорванную рубашку, скатываются с нее на паркет.

Модель ищет взглядом Гаузнера и, найдя, не может удержаться от усмешки: комиссар все еще ловит воздух широко открытым ртом. Зная его нрав, Модель поспешно встает и занимает позицию между ним и радистом: если парню суждено умереть, то не сегодня.

— Ну, ну,— говорит Модель радисту.— А ты, оказывается, шутник! Где это ты выучился так здорово фокусничать?.. Только вот что: не вздумай повторить. Так будет лучше для тебя.

Радист на миг перестает качаться. Французский язык его ужасен — Модель с трудом понимает сказанное. Что он ответил? Кажется, «мне все равно»?

— Где его документы?

Мейснер показывает на стол; удостоверение личности, отобранное при обыске, лежит возле рации. Модель листает его: Эмиль Гро, национальность — француз, подданство — бельгийское, родился в Ницце 18 октября 1921 года. Какая-то чепуха — француз, и такой акцент с чуждыми для слуха твердыми согласными. Из-за плеча Моделя Гаузнер тянет к документу толстый палец с обгрызенным ногтем.

— Фото переклеено...

— Вот как? — говорит Модель.— Возможно... Если у вас нет здесь других дел, комиссар, может быть, вы допросите хозяйку?

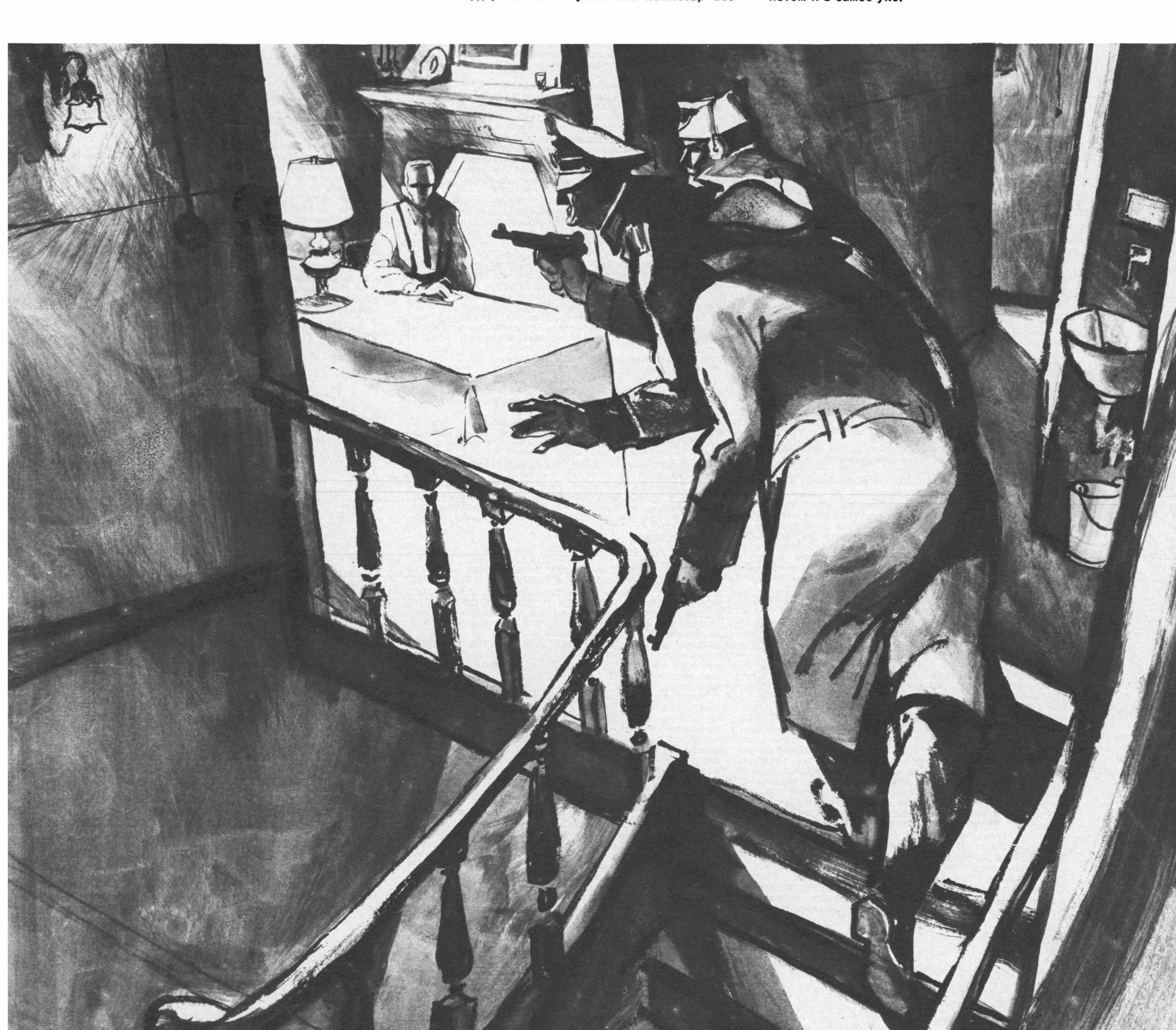
— Я бы хотел...

— Узнайте у нее все, что удастся, о квартиранте. Время появления, кто рекомендовал, связи и так далее. И помните, что женщины во всех случаях предпочитают ласку кулаку.

— А я? — спрашивает Мейснер.

— Оставайтесь... Или нет, лучше спуститесь вниз и помогите комиссару... Дайте-ка мне браслеты.

Наручники защелкнуты на запястьях радиста. Не слушая недовольного ворчания Гаузнера, Модель поворачивается к нему спиной и делает знак Мейснеру задержаться. И хотя Гаузнер уже успел выйти на лестницу, говорит шепотом и в самое ухо:

— Присмотрите за ним, чтобы не перегнул палку. Это не в наших интересах, Отто!

И радисту:

— Можешь не вставать, дружок! Мы немножко побеседуем для начала, а потом ты поедешь с нами. Ты понимаешь меня?

Радист молчит. У него продолговатое лицо северянина, тонкий нос и резко очерченный подбородок. Классический тип представителя нордической расы с характерными голубыми глазами. При чем тут Франция? Модель садится верхом на перевернутое кресло и, задумавшись, разминает сигарету. Спрашивает:

— Не будете отвечать?

Радист не спеша, словно нехотя, расцепляет слипшиеся губы.

— Мне все равно.

— Вы немец?

— Нет.

— Фламандец?

— Француз.

— С таким акцентом?

— Неважно...

— Что же важно? Жизнь? Пока никто не намерен ее у вас отнимать... Давайте проясним позиции, Гро. Я не гестапо, я абвер, военная контрразведка. Вам это что-нибудь говорит?

Радист смотрит в окно, и Модель прослеживает его взгляд. Он идет поверх крон и упирается вон в ту дальнюю звезду. Что ж, на его месте Модель тоже постарался бы отвлечься и думать о чем угодно, но не о том, что произошло.

— Все начинают с этого,— говорит Модель.

— С чего?

— Сначала молчат, потом отрицают и, наконец, признаются. Один раньше, другой позже. Зависит от ума и степени культуры.

— Считайте меня кретином.

— О нет! Ваша профессия не для дураков!

Радист все так же нехотя шевелит губами:

— Тем более!

— Не будете говорить? Даже в том случае, если я предложу вам свободу? Свободу без признаний, показаний, без угрызений совести за предательство... Откажетесь?

— Я уже ответил: считайте меня кретином.

Нет, он не француз, этот Гро. И не немец. Его «р» просто кошмарно. Дерет барабанные перепонки, словно рашпиль. Но кто бы он ни был, он прежде всего человек — вместилище слабостей и страха. Равнодушные и бесстрашные не ищут взглядом далеких звезд, их мысль устремлена навстречу несчастьям, страданиям и смерти.

— Это не деловой разговор, Гро. Вы не столь наивны, чтобы не понять, как все складывается для вас. Вы шпион. Вас взяли сразу после передачи. Рация и шифровка налицо. Мы могли арестовать вас и до сеанса, но тогда нам пришлось бы считаться с тем, что КЛМ насторожится. Пришлось бы выдумывать правдоподобную причину для вашего отсутствия в эфире. Лишняя работа!..

— Как и все остальное.

— Не скажите! Следующий сеанс утром, в пять десять. Так? Бездна времени, чтобы все обдумать и согласиться со мной.

— У вас просто дар уговаривать!..

Сколько иронии! Может быть, он все-таки немец? Советский немец? Модель закуривает сигарету, стараясь не прикусывать ее качающимися зубами.

— О да,— говорит он холодно.— У меня есть дар, но он ничто в сравнении со способностями комиссара Гаузнера. А если и таланта комиссара окажется недостаточно, то в гестапо немало специалистов по допросам третьей степени. Голодная диета, лишение сна, физическая боль... Правда, после этого абверу вы будете не нужны, но зато расскажете все.

— Даже чего не знаю?

— Не верите? Перед смертью вы вспомните тех, кого выдали, и последние ваши часы будут ужасными... Повторяю: хотите этого избежать? Или абвер, или тюрьма гестапо в Леопольдказерн.

Камин почти угас. Прогоревший кокс подернут пеплом. У древних была неглупая пословица: «Все проходит». Стирается из памяти воспоминание о голосе матери, ласках любимой, позоре бесчестья. Жизнь так коротка! Модель смотрит на радиста и думает, что исход предрешен. Так или иначе, но ему придется заговорить. Что же он расскажет, Эмиль Гро? Вряд ли ему известны шифр и имена связных. Та, из Лилля, была только радисткой, «музыкантом». Вероятно, и Гро использовали в том же амплуа. Две недели наблюдения за домом не дали ничего. Приходила молочница, хозяйка молилась в соборе. Гро лишь однажды, вчера, ездил на вокзал. В ресторане к нему подсела девушка. Гро пил кофе, девушка — холодный яблочный сок. Костистое, малопривлекательное лицо, но рот прелестный. Она уехала из Брюсселя поездом 15.40, и не удалось проследить, получил ли Гро от нее что-нибудь. В Льеже ее приняли в толпе сотрудники гестапо и умудрились потерять где-то возле рынка... Пепел на золе.

Модель встает, задергивает штору. Зажигает свет. Возвращаясь, невольно косится на затылок радиста. Слипшиеся волосы сбились в пропитанный кровью ком. Через пять часов радиосеанс. Надо спешить. Если Гро не сдастся, придется примириться с еще одной неудачей.

Разговор зашел в тупик. Сказано и о КЛМ и о начале очередного сеанса, но Гро даже бровью не повел. Остаются девушка и Лилль. Сущие пустяки... А скольких трудов стоило добраться до особнячка на рю де Намюр!

Размышляя, Модель без особого интереса разглядывает содержимое бумажника Гро. Сколько-то франков, полдесятка монет, продовольственные карточки. Билет... билет трамвая в Марселе... Марсель?.. Не может быть! Ведь это же неслыханная удача! Неужели Гро именно тот, кому удалось бежать в декабре сорок первого? Блондин, голубые глаза, рост сто семьдесят два — сто семьдесят пять... Но тот был не просто радистом.

— Гро!

В голосе у Моделя металл.

— Я слишком тороплюсь, Гро, чтобы тратить время на болтовню. Ваша связная из Льежа пока на свободе. Через нее мы рано или поздно доберемся до остальных. Сейчас меня интересует другое: где Марель?

— Марель?

— Не притворяйтесь! Именно Марель, или, если хотите, Де-Лонг. И он же Альварец... Дело обстоит так: в прошлом октябре вам повезло, и на вокзале Прадо вы исчезли. Впрочем, не стоит удивляться: в Марселе вас ловили не мы, а полиция Виши. Тогда вас звали Жоржем Фланденом, не так ли? И жили вы у мадам Бельфор.

Вот когда он по-настоящему испугался. Просто не верится, что человек может так бледнеть.

— Продолжать?

— Но если...

— Без если, Фланден! По радиокоду вы Жорж. Не сомневаюсь, что и в отправленной сегодня радиограмме та же подпись. В марсельской группе вы дублировали Де-Лонга, а здесь вас пока использовали как радиста. Система связей старая — через посредников к Де-Лонгу, а от него к источникам. Как в Марселе и Лилле... Итак, где Де-Лонг?

— Не знаю.

— Он здесь?

— Сейчас нет.

— Когда вы виделись?

— Давно.

— Точнее? Ну же, напрягите память! Или мне позвать Гаузнера?

— В январе.

— Где?

— В соборе.

— Хорошо... Как часто к вам приходила связная? Где остальные радиограммы? Только не уверяйте, что вы успели передать все до одной. Ну?

— Я их действительно передал.

— А если мы взломаем все полы на вилле? Все стены? Вы и тогда повторите свою ложь?

— Ищите.

— И поищем! Пока вы будете сидеть у нас, оригиналы радиограмм обязательно найдутся. В Марселе вы их прятали в выдолбленном подоконнике, в Лилле — под половицей. В этой комнате как раз паркет. Очень удобно для устройства тайника... Не лучше ли все-таки договориться, Гро?

— О чем?

— Ого, вот это уже дело! О чем? О вашем спасении, мой мальчик. Не более не менее. Что, трудно поверить? И все же это так. У вас есть шанс.

— Какой?

— В пять десять вы передадите радиограмму. Но не из тех, которые хранятся где-то здесь и которые я получу от вас, а другую — ее текст составим мы. Она будет зашифрована с помощью «Мадам Бовари». Старый шифр? Ничего, вы легко объясните это своим: сведения получены лично вами, и у вас не было времени пересылать их Де-Лонгу для шифровки новым способом...

— Вы предлагаете предательство!

— Предпочитаете смерть?

— Да!

— Только после гестапо. Третья степень, мой дорогой. А небо — это уже потом.

— Комиссар Гаузнер?

— Ну что вы, он же известный гуманист! В Берлине, на Принц-Альбрехтштрассе, он считается провинциальным идеалистом. Старая школа!

Модель делает паузу. На часах — двенадцать с минутами.

— Словом, поступим так. Пока вы поедете к нам. Я дам вам два, даже два с половиной часа. Передатчик останется здесь и все остальное тоже. В три вы сообщите мне о вашем решении.

— Я откажусь...

— Не думаю. А сейчас вставайте, дружок!

Они выходят из особняка гуськом. Модель впереди, за ним Мейснер с радистом и Гаузнер. Ночь окутывает их темнотой и свежими запахами. Модель на ходу срывает в палисаднике цветок и трет его в пальцах. Нюхает и вздрагивает: из всех цветов он больше всего ненавидит махровую гвоздику, и надо же, чтобы подвернулась именно она!

В «хорьх» они садятся втроем. Гаузнер задерживается: за оставшееся до рассвета время он должен перетряхнуть весь дом. Около десятка его подчиненных уже рыщут по нижнему этажу, но здесь пока ничего не удалось найти.

Моделя томит предчувствие удачи... Тьфу, тьфу, не дай бог спугнуть ее! Несуеверный, он все-таки мысленно трижды плюет через левое плечо.

Арестованный сидит между Моделем и Мейснером. Модель плечом ощущает, как тело парня передергивают короткие судороги. Он, бесспорно, сильный человек, но и самые сильные не бессмертны! Моделю кажется, что он читает мысли Фландена: «Хочу жить, не хочу умирать...»

Он ошибается: Фланден думает о другом. Когда ломали дверь, он успел передать аварийный сигнал. Одна буква — «дайбл-ю», повторенная трижды. Большего он не смог сделать... Приняли ли сигнал те, кому он адресован, или оператор успел уйти из эфира?

Странно, но Модель именно в этот миг, без всякой связи с предыдущим, думает о том же. Вспоминает и никак не может вспомнить: в комнате или на лестнице снял наушники Мейснер? Кажется, в комнате.. А если все-таки нет?

Мейснер дремлет, откинувшись на подушки. По ночам он спит, а не ломает себе голову. Его удел — действие. Если понадобится, он без колебаний расстреляет этого радиста. В его семье все мужчины стреляют отлично, а дед по материнской линии даже брал призы на конкурсе вольных охотников в Гессене.

«А если все-таки нет?» — думает Модель.

4. ИЮЛЬ, 1942. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

По пути в контору Жак-Анри, как всегда, задерживается у табачной лавочки на углу рю Корнель и Сен-Батист. Здесь, оседлав перевернутую урну, подставляет солнцу облупленный нос маленький Люсьен.

— Здравствуй, Лю,— говорит Жак-Анри и трогает его за вихор.— Что ты нагадаешь мне сегодня?

— Удачу! — без запинки отвечает Люсьен и получает монетку в двадцать су и сигарету.

Глаза Люсьена закрыты большими черными очками. Он слеп — глаза ему выжгло огнеметом, когда немцы выкуривали из казематов последних защитников «линии Мажино.» Вдобавок Люсьена контузило; с тех пор он немного не в себе, и весь квартал считает его полуидиотом. Жак-Анри подозревает, что это не так, и относится к нему серьезно: сигарета и монета — дань этому отношению. Они иногда болтают, если у Жака-Анри есть свободная минута, и Люсьен далеко не всегда говорит глупости.

— А завтра? — спрашивает Жак-Анри.— Тоже удача?

Люсьен до ушей растягивает лягушачий рот:

— А будет ли вообще завтра?

— Ты редкий оптимист!

Жак-Анри задерживается еще немного, чтобы дать слепому прикурить, закуривает сам и торопится уйти — Жюль еще не знает, что он вернулся, и скорее всего ломает себе голову над сообщением из Женевы.

В приемной тихо и прохладно. Жалюзи опущены; тени, чередуясь со светом, превращают Жюля в зебру. Не поднимая головы от бумаг, он жестом показывает Жаку-Анри на диван и скучающе цедит:

— Соблаговолите присесть...

Он просто великолепен в роли секретаря! На столе, безбрежном, как океан, ни соринки. Набриолиненный пробор вытянут в ниточку; толстая роговая оправа на носу, безукоризненно белые воротничок и манжеты создают необходимую дистанцию между Жюлем и случайным посетителем.

— Браво! — говорит Жак-Анри.— С понедельника я повышаю вам жалованье...

— Патрон!

На лице Жюля столько неприкрытой радости, что Жак-Анри смущен.

— Ну, ну, не так восторженно, старина!.. Образцовый секретарь должен ненавидеть своего хозяина.

В кабинете Жак-Анри с размаху бросает портфель на стол и сам присаживается на краешек. С треском распечатывает пачку швейцарских сигарет — дорогих, с золотым ободком. Жюль осторожно выуживает одну и, преувеличенно закатив глаза, нюхает, словно цветок.

— О!

— Забирай все,— говорит Жак-Анри.— У меня есть еще: Ширвиндт буквально засыпал меня подарками.

— И новостями?

— Разумеется.

— О Камбо?

— И о нем тоже...

Роняя пепел на пиджак, Жак-Анри рассказывает о поездке. О встрече с Роз. О ее новом друге.

Роз привела его в кафе, и Жак-Анри из-за портьеры рассмотрел его. Высокий светловолосый парень с на редкость непринужденными манерами. Он сошел бы за киноартиста, будь его костюм поэлегантнее, а обувь менее груба. Именно обувь и привлекла внимание Жака-Анри — ботинки из малиновой кожи с крутыми полукруглыми носами. Таких не делают ни во Франции, ни тем более в Бельгии. Жак-Анри знал и этот фасон и австрийскую фирму «Элефант», единственную, кто предлагал его на обувном рынке. Друг Роз никогда не говорил ей, что бывал в Австрии.

Эти ботинки своей безвкусицей раздражали Жака-Анри. И вообще в тот день ему все не нравилось: слишком яркие горы за окном, слишком счастливая улыбка Роз, которая целиком и полностью предназначалась ее спутнику, сам спутник со своими удивительно правильными чертами лица. Это лицо было красивым и незапоминающимся одновременно... У Жака-Анри гудела голова и ныла поясница. Утром в отеле он померил температуру; еще держа во рту градусник, уловчился высмотреть, что ртуть забралась далеко за красный поясок. Так и есть, он все-таки простудился вчера на ветру! Жак-Анри отказался от завтрака и послал горничную за аспирином.

В кафе он ограничился чашкой жидкого чая и булочкой. Булочка оказалась черствой...

Кто он, этот друг Роз? Эмигрант из Бельгии, один из многих, кого нацизм загнал сюда без документов и средств к существованию? Роз, несомненно, любит его; она сказала об этом Ширвиндту, и тот беспомощно развел руками. При всей своей решительности Ширвиндт податлив и мягок во всем, что касается особенностей женской души. Роз, если бы хотела, могла из него веревки вить — холостой и без-

детный, он буквально терялся в ее присутствии. Жак-Анри уже и прежде подумывал, что Роз надо отозвать во Францию. И если бы обстоятельства не складывались так, как сейчас, когда Роз просто некем заменить, он предпочел бы видеть ее в Марселе, а не в Женеве.

Две загадки — бельгиец и Камбо. Находясь в Париже, Жак-Анри был почти бессилен их распутать. Оставалось полагаться на опыт и проницательность Ширвиндта и его профессиональную осторожность. Единственное, что может сделать Жак-Анри,— навести справки в кафе Монмартра, завсегдатаем которых, по словам Роз, ее друг был до оккупации Франции. На это уйдет не меньше недели.

Что же касается Камбо и его таинственных источников информации, то здесь только два выхода: или сотрудничать с ним, или прервать все сношения. В первом случае это значит доверие без гарантий. Во втором — отказ от действительно первоклассных материалов, достоверность которых — по крайней мере пока — подтверждена практикой.

Как быть?

Их здесь так мало — Ширвиндт, Жюль, Жак-Анри, еще один человек в Брюсселе. Были товарищи в Марселе и Лилле, но их взяло гестапо. Лилльский провал особенно трагичен — радистка ждала ребенка и донашивала последние недели... Жаку-Анри, его помощникам и тем добровольцам из движения Сопротивления и антифашистского подполья, которые осуществляли связь, противостоит сложная и мощная машина контрразведки. Абвер, полиция безопасности и СД, гестапо, политические полиции нескольких стран, полевая жандармерия, контрразведывательные службы имперских ВВС и ВМС, вспомогательная полиция Виши...

Это не суеверие, когда Жак-Анри спрашивает Люсьена: «Что ты нагадаешь мне сегодня?» — и радуется, услышав: «Удачу!» Им действительно очень нужна удача — ему и его товарищам.

— Что же вы с Вальтером решили? — говорит Жюль.

— С Камбо не будем торопиться. Рано или поздно появится какая-нибудь зацепка для разговора о связях. Может быть, он последний из тех, кто был в берлинской группе и уцелел.

— Тех уже нет в живых...

— Мы не все о них знаем.

— Достаточно, чтобы обнажить головы...

— Я не о том... У берлинцев были люди в окружении Геринга и Ламмерса из имперской канцелярии. Кроме того, они нашли антифашистов даже на Бендлерштрассе. Сведения Камбо — почти ручаюсь! — идут из тех же источников.

— А не из ведомств Гиммлера?

— Ширвиндт считает, что нет.

— А ты?

— Слишком важные вещи он дает. Едва ли наци станут так крупно рисковать.

— Ну а бельгиец?

— Его зовут Жан Дюрок. Им займешься ты. Монмартр, к счастью, не так уж велик.

— Хорошо.

— Что Лилль?

— По-прежнему. Связной умер на операционном столе, остальных увезли. С радисткой ясности нет. Немцы ведут из Лилля «лисью игру». Со вчерашнего дня.

— Ты уверен?

— Я сам слышал радиообмен. Лилль вышел в эфир и вызвал КЛМ. Назвал себя и стал передавать.

— Старым шифром?

— Новым.

— А почерк?

— Это могла быть она... Радиограмма была маленькая, не больше пятнадцати групп, но кое-что я успел записать.

Они умолкают. Курят. Новость слишком потрясающа, чтобы говорить о ней, не продумав всего. Рухнула последняя надежда, что радистка в Лилле успела уничтожить шифр. Теперь радио-абвер, если только он пеленгует Ширвиндта и остальных, без труда прочтет перехваченные за эти месяцы радиограммы. В Марселе контрразведка добралась до второго издания «Мадам Бовари», сейчас она располагает редким экземпляром «Чуда профессора Ферамона» издания 1910 года. Кодом служит вторая половина, начиная с сотой страницы.

— Вчера перешли на новый шифр,— говорит Жюль и ищет взглядом пепельницу. Не найдя, придавливает сигарету о каблук и прячет окурок в карман.

— Третий по счету!

— Да. «Буря над домом», издательство Эберс, четыреста семьдесят первая страница. Жаклин придется опять съездить в Брюссель.

— Она виделась с нашим другом?

— На вокзале. Ему нельзя много ходить: с таким акцентом его сцапает первый же полицейский.

— В Марселе ему было еще труднее!

— А где легко?

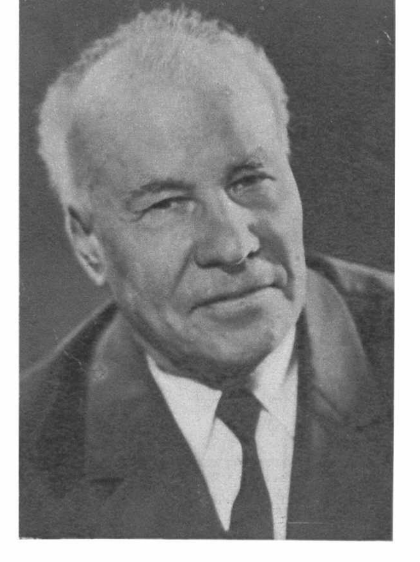
— Ты прав, старина...

Жак-Анри закусывает губу. Жюль высказал вслух то, о чем они обычно избегают говорить. Мотогонщик по вертикальной стене, горноспасатель, солдат в окопе — никто не любит, чтобы ему напоминали об опасностях его дела. Смерть — само собой разумеющийся компонент бытия, и что толку жить, беспрерывно оглядываясь на нее?

Жак-Анри легко спрыгивает со стола, подходит к полке и снимает с нее томик в неприметно сереньком бумажном переплете. «Буря над домом». Интересно, о чем это? И выстоял ли в конечном счете дом, на который по воле автора обрушилась буря?..

Продолжение следует.

ПАМЯТИ Е. Н. ПЕРМИТИНА

Когда мое давно немолодое поколение только училось читать, оно уже встретилось со словом Ефима Николаевича Пермитина. Первый его роман, «Капкан», лично я прочитал еще деревенским мальчишкой, и с той поры его мудрое слово до последней «Поэмы о лесах», заключающей трилогию жизни Алексея Рокотова, было всегда со мной.

Так могут сказать многие. На протяжении почти полувека творчески он был с нами на всех изломах и взлетах нашей Советской России. В нем, как писателе и человеке, сочетались две страсти, две привязанности, владевшие им всю жизнь: это любовь к людям и любовь к природе — к птицам и зверям, к лесам и рекам, к цветам и травам как единому миру жизни на земле.

Ефим Николаевич был щедр, он даровал жизнь множеству героев. Лучшие из них были охотниками — охотниками по любви к природе, поэтому его романы населены не только людьми, но и разным зверьем, разными птицами, характеры и повадки которых писатель знал в совершенстве. В его лучшей работе, удостоенной республиканской премии имени М. Горького,— в трилогии об Алексее Рокотове, в котором легко узнать самого Пермитина, даже в мрачных картинах мы слышим нарастающий гимн любви и красоте.

Есть творцы, есть браконьеры жизни. По поводу одного из пакостников по прозвищу «Волчья пасть» отец Алеши, мастеровой человек, говорит: «Земля родит лесину и прямотелую, ни тебе в ней лишнего сучка, ни заболони — одним словом, настоящая корабельщина, а иной раз зародится кривулина — сугиб на сугибе, сук на суку». Ефим Николаевич рано научился видеть в людях вот эти душевные кривулины, а вместе с тем понимать настоящую красоту.

Характерно, что писатель-гуманист «родился» на охоте. Был момент, когда вскинутое ружье опустилось без выстрела. «Каким-то шестым чувством молодой охотник угадал, что не убивать, а именно любоваться селезнем сейчас много важнее для его души. И что этот его восторг и память о нем, а не выстрел по красавцу будет светить ему, как огонек в ночи, и пронесет он его через всю свою жизнь».

После этого случая писатель-охотник еще множество раз с восторгом переживет подобные встречи. С какой любовью и мастерством опишет он потом не только свой восторг, но и радость своих бессловесных друзей! «Причуявший тетерева Марс с галопа встал столь неожиданно, что левое ухо его закинулось на затылок, а весь корпус с судорожно поджатой к животу левой лапой был изогнут чуть ли не под прямым углом». Сколько таких чудных изваяний можно встретить в книгах подлинного мастера слова!

По чувству и знанию природы Пермитин стоял в ряду таких замечательных писателей, как Пришвин и Паустовский. При этом Ефим Николаевич отличался знанием не созерцательным, а более активным. Примерно так отличаются лабораторные открытия от продуктивного производства.

Когда старшего товарища провожают в последний путь, обычно обещают сохранить память о нем и продолжить его дело. Прощаясь с Ефимом Николаевичем, мы не могли обещать все. Сохраняя память о нем, у нас нет возможности продолжить его дело, ибо оно было его личным делом — у него были свои, новые, еще неизвестные нам герои, которые вместе с ним ушли от нас; у него были свои особенные краски, которые он тоже унес от нас. Смерть писателя в этом смысле равна смерти матери, дарующей жизнь.

Не знаю такого писателя, творчество которого было бы так едино с его обликом, с его характером, отзывчивым на все живое — на любовь и ненависть, на товарищество, на дело, но не той легкой, ни к чему не обязывающей отзывчивостью. Отзываясь, он вырабатывал в себе постоянное отношение к делу. Это был нестареющей души человек.

Ефим Николаевич прожил трудную и суровую жизнь, полную испытаний. Замеченный Горьким еще в начале писательского пути, он все же не был избалован общественной лаской и вниманием, какие полагались бы ему по его труду и таланту. Но нигде и никогда он не жаловался на судьбу, нигде и никогда не пытался вызвать у своего читателя жалость и сочувствие ни к себе, ни к своим мужественным героям. У Ефима Николаевича была более важная в жизни забота, жившая в нем до последней страницы «Поэмы о лесах», где его герой Алексей Рокотов говорит: «Сколько битв еще впереди за тебя, любимая моя страна!»

С этим девизом бойца Ефим Николаевич ушел от нас, оставляя нам этот девиз как свое завещание.

Василий ФЕДОРОВ

Редакция «Огонька» понесла тяжелую утрату. Трагически погибла наша сотрудница Наташа Дашевская. Окончив Московский историко-архивный институт, Наташа работала в Якутии, затем вернулась в Москву.

Десять лет изо дня в день мы видели ее, тоненькую, хрупкую, с ласковой, милой улыбкой. Наташа бралась за самую трудную и невидную работу и делала ее блестяще. Она вообще все делала добросовестно — без лишних и громких слов.

Наташа работала в библиотеке, но в любом номере журнала, пришедшем к читателю, был и ее труд. Любой сотрудник редакции мог обратиться к ней с любым вопросом и знал, что тут же получит точный и обстоятельный ответ...

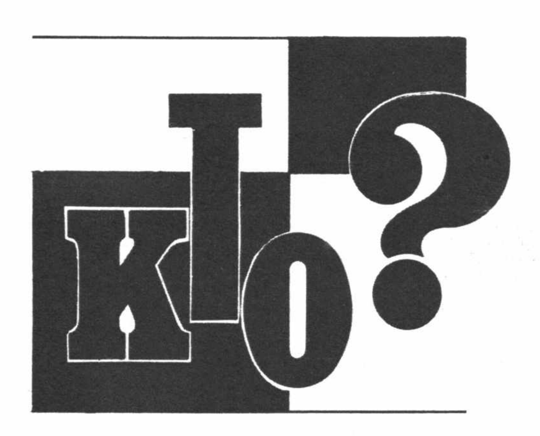
А еще она была просто очень добрым человеком, верным, незаменимым нашим другом, который приходит в самую тяжелую жизненную минуту и не спрашивает, что нужно делать, а просто делает, и делает то, что нужно. На таких вот скромных людях, с большим сердцем, с душой, открытой всему настоящему, держится жизнь.

Прощай, Наташа! Ты будешь жить в наших сердцах. Человек живет до тех пор, пока жива память о нем.

Макс ЭЙВЕ,
президент Международной шахматной федерации

ШАХМАТЫ
под редакцией международного гроссмейстера Сало Флора

Много лет тому назад я изучал в средней школе предмет под названием «Государственное устройство» и помню, что самой большой в учебнике была глава «Проведение закона в жизнь». Если бы я сегодня писал книгу о задачах и обязанностях президента ФИДЕ, то наибольшее место в ней заняли бы рассуждения о том, как проводить встречи претендентов.

В принципе дело это совсем несложное: президент должен лишь решить, где и когда состоится каждая такая дуэль. При этом предполагается, что уж одну-то страну в качестве места проведения поединка всегда можно найти. В этом смысле организация матча Тайманов — Фишер не составила никаких трудностей. Проблема заключалась в обратном: слишком много оказалось предложений.

На конгрессе ФИДЕ в Зигене (сентябрь 1970 года) советский представитель Б. Родионов заявил, что его федерация готова организовать все матчи претендентов, в которых участвует хотя бы один советский гроссмейстер. Представитель США Б. Эдмондсон выступил с аналогичным предложением, учитывая выступление единственного американского гроссмейстера — Р. Фишера. Итак, матч Тайманов — Фишер имел уже два приглашения. Но выбор между ними был невозможен, ибо каждый участник предпочел бы играть у себя дома и каждая сторона накладывала вето соответственно на Нью-Йорк или Москву.

Если бы не было других вариантов, то вопрос был бы снят тут же: жребий принес бы самое справедливое решение. Но, помимо двух названных кандидатур, предлагалось еще семь мест проведения поединка.

И в конце концов стороны остановились на канадском городе Ванкувере.

Итак, Ванкувер станет местом поединка Тайманов — Фишер. Даст ли это преимущество одному из соперников? Навряд ли. Шахматы не футбол, где вопли публики могут оказать свое влияние на игру, в шахматах поддержка со стороны зрителей беззвучна, неслышна. И проявления азарта в них значительно реже, чем во время иных спортивных сражений. Роберт Фишер, этот бывший вундеркинд, всюду имеет своих поклонников и почитателей, будь это в Нью-Йорке, Москве или еще где-либо. И у мастера фортепианного искусства Марка Тайманова множество друзей и сторонников не только у него на родине. И если кто-то надеется на победу Фишера, то это вовсе не значит, что данный человек—американец, это означает лишь то, что ему импонирует манера игры Фишера. Точно так же обстоит дело с Таймановым, который своей виртуозной игрой покорил публику в самых различных странах.

Теперь читатель ждет от меня прогноза, поскольку раньше я никогда не отказывался высказать свое мнение. Разумеется, мне было бы куда легче заявить, что соперники достойны друг друга, что у обоих равные шансы на победу, что предстоит открытый бой, но что существуют незначительные, случайные факторы, некие побочные обстоятельства, которые могут приобрести решающее значение. Такого рода прогноз не означает ровным счетом ничего, хотя всегда сбывается. Мне кажется, что читатель имеет право на более конкретные сведения о шансах. Серьезный же прогноз должен основываться на результатах последнего времени, на итогах поединка между этими соперниками и прочих аналогичных вещах.

Бесспорно, что в межзональном турнире (Пальма-де-Мальорка, декабрь 1970 года) Фишер добился большего, чем Тайманов,— я говорю не только о количестве набранных им очков, но и о содержании его партий. То же самое наблюдалось и в матче столетия (Белград, апрель 1970 года), где на второй доске Фишер победил своего мощного соперника Петросяна со счетом 3 : 1, в то время как Тайманов на седьмой доске довольствовался весьма скромной победой над Ульманом — 2,5 : 1,5. Правда, Фишер в последние годы играл довольно мало, а Тайманов, напротив, весьма часто находился в гуще битвы, выиграв, в частности, Бевервийкский турнир в январе 1970 года.

Впрочем, этот успех не уравновешивает действительно выдающиеся победы Фишера. И еще одно. В партиях против сильнейших соперников, не считая Ларсена, Фишер записал на свой счет самые большие достижения. Выиграл он и на Мальорке у Тайманова, хотя позже выяснилось, что Тайманов без особого труда мог свести партию вничью. Однако я надеюсь, что мой друг Тайманов не выбросит из-за этого за борт свой оптимизм, с которым он всегда идет навстречу сражению. Пусть же сознание того, что я искренне желаю ему победы, поможет ему сделать все, что в его силах. А то обстоятельство, что переговоры об этом поединке с таким трудом были доведены до конца, должно послужить аргументом в пользу обратного превращения дуэлей претендентов в турнир претендентов.

Перейдем ко второй встрече — Петросян — Хюбнер. Здесь тоже пришлось решать некоторые организационные проблемы. Во время последнего Бевервийкского турнира состоялась встреча голландских шахматных деятелей, на которой встал вопрос, намерена ли Голландия организовать у себя поединки претендентов и если да, то какие. Дискуссия в конце концов привела к решению, что при возможности Голландия провела бы все четыре. Я передал эти приглашения всем участникам четвертьфиналов, однако большого успеха не добился. Я, правда, сумел прямо на месте поймать в ловушку Петросяна и Хюбнера, которые были в Бевервийке, но остальные оказались практически недостижимыми. Ларсен и Ульман уже остановились на Лас-Пальмасе, а единоборство соотечественников— Корчного и Геллера — вряд ли могло состояться где-либо, кроме Советского Союза. Так у нас остался реальным лишь матч Петросян — Хюбнер, однако шахматная федерация Нидерландов пришла к заключению, что Голландия не может удовлетвориться лишь одним поединком, к тому же наименее интересным, и совершенно неожиданно забрала свое приглашение обратно. К счастью, президент испанской шахматной федерации Эрас высказал желание провести этот матч, и вот после единственного телефонного разговора дуэль Петросян — Хюбнер получила прописку в испанском городе Севилье. Примечательное противоречие! Голландия хотела организовать встречу Тайманов — Фишер, но не Петросян — Хюбнер, а Испания — наоборот. Хорошо все-таки, что существуют различия во вкусах, иначе этот мир выглядел бы слишком монотонным и однообразным, а шахматные поединки было бы организовывать еще труднее.

А теперь о шансах Петросяна и Хюбнера. Голландцы, собственно говоря, уже сделали прогноз: малоинтересная дуэль. Секретарь шахматной федерации Голландии высказался еще откровеннее: вообще не дуэль. Он предполагает, что Петросян выиграет шутя. Что же мне еще к этому добавить? Мне кажется, что, исходя из соотношения очков, победа Петросяна не является такой уж предопределенной. Бевервийкский турнир 1971 года оба закончили с одинаковым результатом, их же партия закончилась вничью. Но экс-чемпиону мира Петросяну достаточно выиграть одну, всего лишь одну, партию, после чего он вполне может делать ничьи. Хюбнер куда менее способен к тонкой позиционной игре. И что самое важное: Хюбнер уже заранее убежден в своем поражении, он словно примирился с ним. «Более неподходящего соперника у меня быть не могло» — таковы были его первые слова, когда стали известными результаты жеребьевки.

В организации встречи Корчной — Геллер проблем оказалось совсем немного. В качестве места поединка вначале предлагался город Сочи, затем — Кисловодск, а в итоге вопрос был решен в пользу Москвы. В самом деле, столица великой шахматной державы тоже должна получить свое. Шансы? Тут тоже довольно ясное положение. У Корчного результаты лучше, в том числе и в последние годы. Насколько мне известно, и в индивидуальных встречах с Геллером он, во всяком случае, не в проигрыше. Чаша весов поэтому склоняется в пользу Корчного. Но думается, что для обоснованного прогноза необходимо иметь больше, чем один довод. Есть еще одно обстоятельство. Если проанализировать борьбу претендентов в предыдущем цикле, то можно заметить, что Геллер оба раза уже выбывал в первом круге. Очевидно, короткие единоборства не очень подходят страстному борцу Геллеру. Его игра всегда агрессивна, он охотно идет на большой риск, что в турнире оправдывается больше, чем в матче. Перед Геллером—почетная задача опровергнуть всеобщие предсказания, которые являются и моими тоже.

И, наконец, пара Ларсен — Ульман, единственный поединок, где нет советского гроссмейстера. Хотя достижения Ларсена выше и потому он считается фаворитом, прогноз этим не исчерпывается. Ларсен, как только у него появляется преимущество, обычно начинает легкомысленную игру. И, напротив, он потрясающе силен, когда отстает. Мы видели, как в Белграде после поражения во второй партии со Спасским он мастерски восстановил свои силы в третьей. Не исключено, что Ларсену придется выигрывать поединок у Ульмана дважды, как это было в предыдущем цикле, где он добился солидного преимущества над Портишем, а затем растерял его и должен был вновь нанести решающий удар.

Да, в ближайшее время мы все станем свидетелями многих драматических событий. С огромным интересом будут следить миллионы любителей шахмат за развитием борьбы на четырех досках, и в роли самого заинтересованного зрителя выступит сам чемпион мира Борис Спасский. Ведь сперва в четвертьфинальных матчах, а затем в полуфинальных и финальном определится претендент на шахматную корону. Кто же из восьми завоюет право сесть за одну доску с Борисом Спасским? Теперь ответа на этот вопрос осталось ждать недолго.

Перевод с немецкого.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Начало см. на стр. 3.

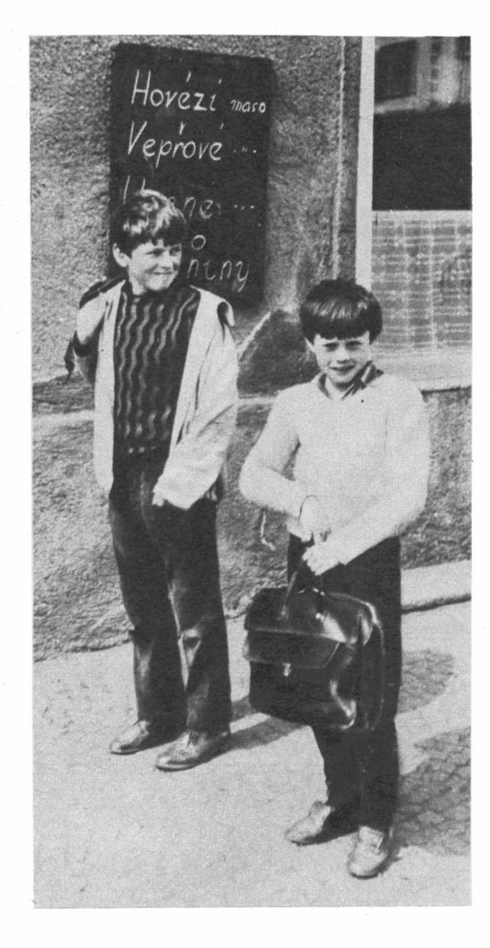
обнаружен в своем штабе мертвым: палач предпочел принять яд, чтобы не держать ответ за свои преступления.

Последними жертвами гитлеровцев были советские солдаты Гелманов Муханас и Гусев Михаил. Они погибли ночью 12 мая. Памятник, поставленный жителями Милина на том месте, где они пали, окружен березками, посаженными 26 лет тому назад. Однофамилец Петра Бейчека, председатель Национального комитета деревни Милин Штефан Бейчек, рассказал мне, как появился в 1945 году этот обелиск.

— Я вернулся домой, когда бои уже кончились. Не сразу удалось добраться до родной деревни. Я ведь кончил войну в Бухенвальде, а до него прошел через несколько фашистских лагерей. Один предатель донес гестапо еще в 1940-м, что я был активным коммунистом. Так и угодил за решетку. Много людей в Милине на себе испытали весь ужас фашизма. Сколько наших односельчан вообще не вернулось домой. Других, как семью Штепанек — отца и двух сыновей,— гитлеровцы расстреляли прямо на месте. Люди хлебнули тогда горя полной мерой. И поэтому благодарность по отношению к нашим освободителям была безграничной. Кто-то первым предложил: давайте поставим памятник русским. Это мгновенно стало известно всей деревне, и все единодушно проголосовали, чтобы в Милине был поставлен памятник советским солдатам.

Правду говорят, что подвиг человека соизмеряет лишь благодарность человека. В чешской деревне, где 12 мая 1945 года кончилась вторая мировая война, дружбой с советскими людьми дорожат, как великой святыней. Это передается от отцов к детям. Любовь к Стране Советов неразрывно связана здесь с преданностью делу социализма.

— Наше крестьянство,— рассказывал мне старый коммунист Штефан Бейчек,— сравнивает прежнюю свою долю, при буржуазной республике, с тем, что ему дала социалистическая республика. Ведь, по существу, сегодня в Милине две деревни. Одна новая, построена за последние годы. Это современные двухэтажные дома, с центральным отоплением, водой, канализацией. У нас есть кооператив «11-го мая», названный так в честь событий 1945 года. Это — крупное хозяйство, в него входят три ближайшие деревни. В среднем каждый кооператор получает в месяц примерно 1 700 крон. Это хороший, стабильный заработок, который неуклонно возрастает. Не скажу, что мы не знаем теперь никаких проблем. Не хватает все еще жилья, и мы хотим строить больше домов для молодоженов, надо, конечно, совершенствовать различные бытовые удобства. Но главное, люди твердо верят: социализм дал крестьянству лучшую жизнь. И когда в 1968 году правые силы попробовали у нас здесь настроить народ против народной власти, ничего с этим у них не вышло!

Мальчишки из Милина... Они знают о боях 1945 года из рассказов старших.

Фото автора.

Председатель милинского Национального комитета (по-нашему, сельсовета) познакомил меня с секретарем комитета Йозефом Новотным. Значительная доля ответственности за будущее Милина лежит на плечах этого недавнего выпускника сельскохозяйственного института. Темноволосый, худощавый паренек, очень скромный и застенчивый, оказывается, еще и тренирует местную футбольную команду, а также работает пропагандистом. В то время, когда под Милином шли последние бои с гитлеровцами, Йозефу Новотному было всего два года.

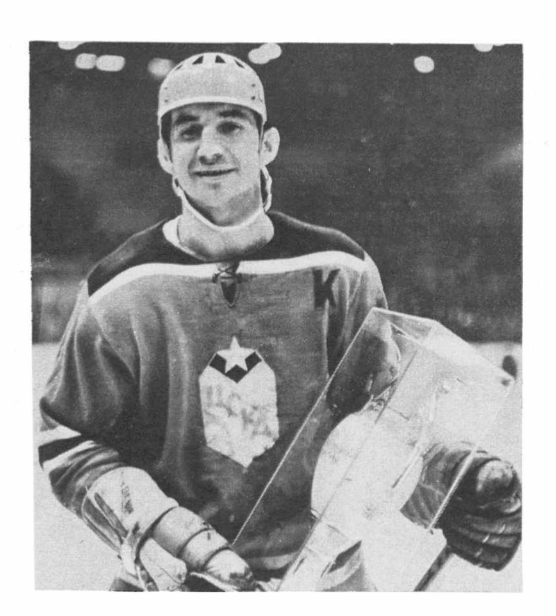
С законной гордостью показывал мне секретарь Национального комитета и старый и новый Милин. Вот прекрасный современный ресторан, а здесь, в этом флигеле, скоро должен распахнуть двери зал для регистрации браков. Йозеф показал мне местную школу-новостройку с оранжереей и подсобными участками.

Но о чем бы ни зашла речь, жители Милина так или иначе возвращались к событиям, которыми сейчас живет вся Чехословакия,— к 14-му съезду КПЧ, который состоится в конце мая. И бывший партизан Петр Бейчек говорил мне:

— XXIV съезд советских коммунистов дал нам прекрасный пример того, как глубоко и ответственно партия относится к проблемам народного хозяйства. У нас еще много резервов в земледелии. Обнаружить их и использовать на благо людей — наша большая и ответственная задача. И еще одно. Коммунисты должны вести непримиримую борьбу со всеми носителями правых идей, которые привели в 1968 году нашу партию и все общество к тяжелому политическому кризису. Наша великая задача и в том, чтобы крепла и углублялась дружба чехословацкого и советского народов. Это самый достойный памятник для советских солдат и чешских партизан, которые были похоронены в мае 1945 года на нашей земле.

...И вот последняя прогулка по улицам Милина. Из школы разбегаются стайками ребятишки. По асфальтированной улице идут тракторы. На рекламном щите объявление о том, что на экране местного кинотеатра идет тот же, что и в Праге, новый фильм. Милин живет, растет, строится, хорошеет. Там, где прогремел последний выстрел второй мировой войны в Европе, люди планируют свою жизнь на долгие годы вперед. Они верят в свое будущее, потому что никогда не забывают о прошлом.

Милин — Прага.

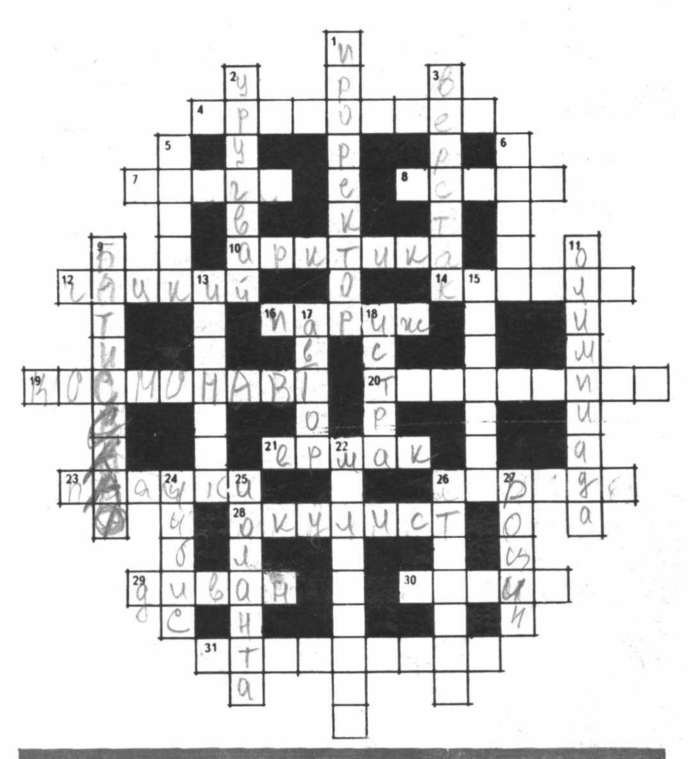
КУБОК-НОВОСЕЛ

29 апреля матчем ЦСКА — «Спартак» закончился большой хоккейный сезон. Победители первенства СССР армейские хоккеисты в шестнадцатый раз получили переходящий приз Комитета по физической культуре и спорту, диплом и вымпел первой степени. А затем чемпионам страны был впервые вручен новый переходящий приз, учрежденный журналом «Огонек»,— Кубок справедливой игры.

Армейцы не являются самой корректной командой чемпионата, по штрафным минутам они остались на седьмом месте, но по условиям розыгрыша приза справедливой игры учитываются не только штрафные минуты, но и забитые шайбы, а здесь у армейцев нет соперников. Это и помогло команде ЦСКА в борьбе за Кубок на пять очков обогнать динамовцев. Так, на стенке фарфоровой вазы, сделанной на ленинградском ломоносовском заводе, появилась первая надпись: «ЦСКА — 1971 год».

Капитан команды ЦСКА В. Кузькин с призом журнала «Огонек».

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Советский поэт. 7. Злаковое растение. 8. Химический элемент. 10. Северная область Земли. 12. Герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 14. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 16. Столица европейского государства. 19. Пилот межпланетного корабля. 20. Итальянский дирижер. 21. Русская народная песня на слова К. Ф. Рылеева. 23. Картина художника-передвижника А. Е. Архипова. 26. Морская рыба. 28. Врач. 29. Предмет мебельного гарнитура. 30. Молочный продукт. 31. Порт в Норвегии.

По вертикали: 1. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 2. Государство в Южной Америке. 3. Стол для обработки дерева, металла. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Видоискатель. 9. Камера для глубоководных работ. 11. Спортивное соревнование. 13. Горный хребет на Урале. 15. Пустыня в Чили. 17. Создатель произведения, проекта. 18. Река в Московской области. 22. Курорт в Туркмении. 24. Птица отряда куликов. 25. Опера П. И. Чайковского. 26. Зодиакальное созвездие. 27. Персонаж трилогии А. Толстого «Хождение по мукам».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 5. Маяковский. 7. «Пуритане». 9. Пандури. 10. Колизей. 11. Флюгер. 14. «Отелло». 16. Сандал. 18. Баллистика. 19. «Талант». 20. Рулада. 23. Термос. 26. Пилотка. 27. Лазурит. 28. Мирабель. 29. Декламация.

По вертикали: 1. Шаляпин. 2. Экспромт. 3. Астрагал. 4. Диалект. 6. Каллиграфия. 8. Серафимович. 12. Гичка. 13. Рабат. 14. Овлур. 15. Олифа. 16. Старт. 17. Нигер. 21. Умбриель. 22. Дагестан. 24. Памфлет. 25. Ильюшин.

На первой странице обложки: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда Петр Афанасьевич Трайнин, старший инженер племсовхоза имени Ильича, Самаркандской области (см. в номере заметку «Солдатом остаюсь»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: В. Богаткин. У Бранденбургских ворот. Берлин. Май 1945 года.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

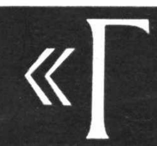
Сдано в набор 20/IV-71 г. А 00543. Подп. к печ. 4/V-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 657. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1173.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В. В. Богаткин.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

орит Берлин... Поднимая столбы пыли, проходят танки, машины — туда, в центр, где еще грохочет война... Нет слов, чтобы описать и пережить все виденное и прочувствованное здесь. Вот она, Победа!.. Гордость за свою Родину наполняет сердца наши. Работать, работать, работать, чтобы донести историю нашим потомкам...» Рядом с этой страницей, исписанной ровным, ясным почерком,— другая, на ней — рисунок. Острое перо неумолимо четко обозначило лицо Берлина тех дней. Горящий город. Рваная паутина проводов. Развороченные дома. Искореженная техника. Гарь, дым, чад...

Эти строки и рисунок из фронтового дневника. Дата — 1 мая 1945 года. Автор — Владимир Богаткин.

«Работать, работать, работать» — эти слова, написанные в дневнике молодым художником, были не просто декларацией. Они стали девизом всей его жизни.

Вот что вспоминает народный художник СССР Николай Николаевич Жуков:

— Познакомился я с Богаткиным в 1943 году. Он только что вернулся из-под Воронежа, где в то время проходила линия фронта. Привезенные им рисунки были отличной аттестацией для поступления в студию военных художников имени Грекова. Помнится, как удивлял грековцев Володя Богаткин, возвращаясь с фронта. Для его творческих отчетов не хватало ни стен, ни пола комнаты. Работы не помещались, и часто приходилось, отворяя двери, застилать ими коридор...

Володя Богаткин... Так звали его все. Но не всем дано, прожив без малого полвека, сохранить свой юношеский запал. Не состариться душой, не забронзоветь. А ведь вклад Богаткина в советскую графику велик. Его серии автолитографий «Штурм Берлина», «Москва 1941 года», «Ленинград в дни блокады», акварели и рисунки из поездок «По Енисею», «По Волге», листы, посвященные Таллину, и многие другие по справедливости внесены в золотой фонд нашего изобразительного искусства.

Володя Богаткин ушел... Полный творческих сил, замыслов, планов. Никогда мы не услышим его сочный московский говорок, не увидим его светлую улыбку. Никогда не появится в редакции «Огонька» обаятельная, статная фигура нашего любимого автора и товарища.

Треть века прошло с начала нашей дружбы.

...Лялин переулок. Маленький домик с мезонином. Деревянная лестница с уютно скрипящими ступенями. Старинный фаянсовый рукомойник с белыми большими кувшинами. Стены маленьких комнат, увешанные этюдами, пейзажами. Репродукции Вермеера, Терборха, Ван-Гога. Тишина, прерываемая цокотом копыт по булыжной мостовой... По вечерам в доме людно, друзья — актеры-вахтанговцы, художники, поэты. Умнейшая Ксения Георгиевна — мать Володи. Она много сделала для формирования таланта сына. «С художника спросится»,— часто повторяла она слова замечательного режиссера Евгения Багратионовича Вахтангова, с которым ей посчастливилось работать. Старая Москва... Давно снесен маленький домик, где провел юность Богаткин, а на его месте построен новый многоэтажный дом, куда уже давно переехала семья художника. Здесь его мастерская.

Мы сидим в осиротелой квартире с Валли Лембер-Богаткиной. Майский ветер рвется в окно, колышет занавески. Бегут синие тени облаков. Надрывно воркуют голуби. На маленьком рабочем столике в деревянных стаканах — кисти. От огромных щетинных до тончайших колонковых. Рядом раскрытая акварельная палитра. У стен на стеллажах сотни работ. Художник ушел...

— В нашей жизни,— сказала Валли,— было много разлук. Ведь Володя был вечно в дороге. Он исколесил и исходил тысячи, тысячи километров. Где он только не был — и на новостройках Сибири, в Заполярье, на Диксоне и в Саянах... Но чем тяжелее разлуки, тем радостнее были встречи в нашем, ставшем ему родным Таллине.

В последние годы я стала больше ездить с ним. Мы побывали в Самарканде и Бухаре, плавали по Волге, путешествовали по ГДР, писали вместе и устраивали вместе выставки.

Валли вздохнула...

Сын Владимира Валерьяновича — Володя, похожий на отца, рослый, с открытым юным лицом, подошел к матери и что-то сказал ей. Она согласно кивнула. Володя шагнул к стеллажу и стал расставлять вдоль стены работы отца.

...Вечереет. Черные силуэты домов строги и жестки. В темнеющем небе медленно ползут вверх неуклюжие туши аэростатов воздушного заграждения — «Москва 1941 года».

Я мгновенно вспомнил все... Лиловые светляки фонарей у черных провалов подъездов, и вой сирен, и маленький конверт с извещением о гибели брата — летчика-истребителя, и первый победный салют в Москве, и многое, многое другое, что называется гордо и просто — в р е м я...

— Искусство обладает изумительным качеством,— говорил мне Дейнека,— воскрешать прошлое, показывать завтрашнее... Но сколько бы искусство ни раскрывало прошлого и ни забегало в будущее, о н о п р и н а д л е ж и т с в о е м у в р е м е н и...

Вот потому будет жить искусство Владимира Богаткина, художника доброго и честного, принадлежащего своему времени.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ШТУРМ РЕЙХСТАГА.

МОСКВА. 1941 ГОД.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.